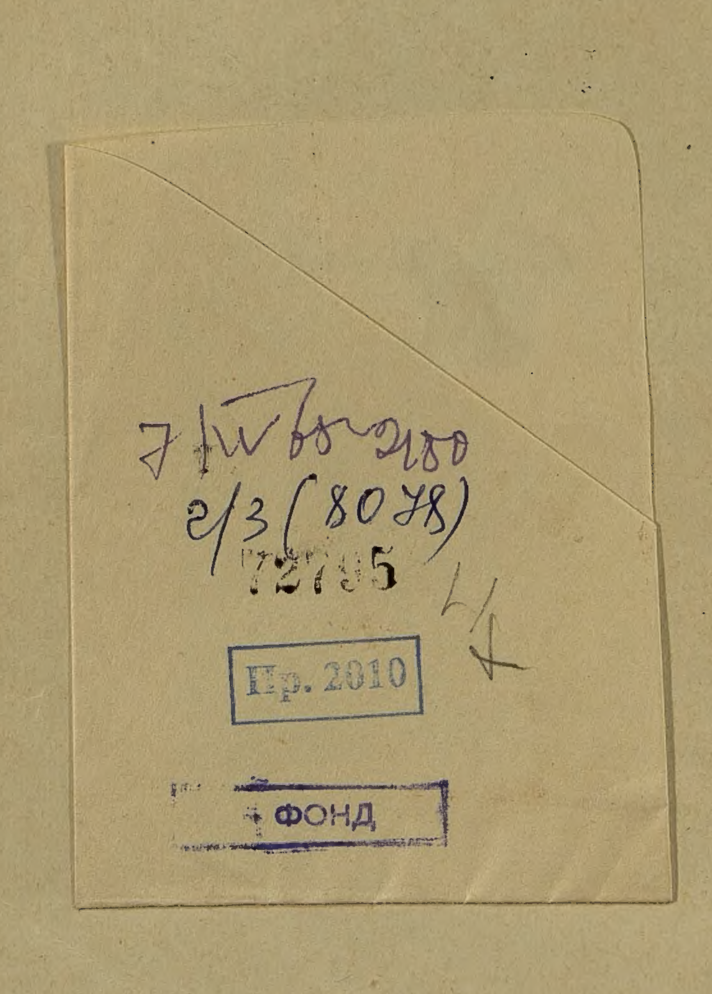
ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЗАПИСКИ
ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК
8

А. П. ЧЕХОВ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ

2/3 (8078)
72795
Пр. 2010
ФОНД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР
имени В. И. ЛЕНИНА

ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК VIII

А. П. ЧЕХОВ

Редакция
Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина хранится большое собрание рукописей А. П. Чехова и его переписка.

Производя научно-исследовательскую работу над этими материалами, Отдел рукописей библиотеки уже не раз публиковал результаты работы в ряде изданий—отдельными книгами, в «Трудах» библиотеки и в специальных каталогах. В связи с исполнившимся в 1940 г. восьмидесятилетием со дня рождения Чехова Отдел рукописей посвящает ему особый выпуск своих «Записок». Здесь помещены впервые публикуемые 54 письма Чехова, избранные письма к нему его корреспондентов с высказываниями и отзывами о его произведениях, а также другие материалы, имеющие значение для изучающих его биографию и творчество.

После вновь публикуемых материалов помещен обзор всех чеховских фондов, находящихся в Отделе рукописей как основных, так и поступивших в этом году, с характеристикой их содержания и значения и с указанием публикаций. В конце выпуска «Записок» дан отчет о новых приобретениях Отдела за последнюю треть 1939 г.

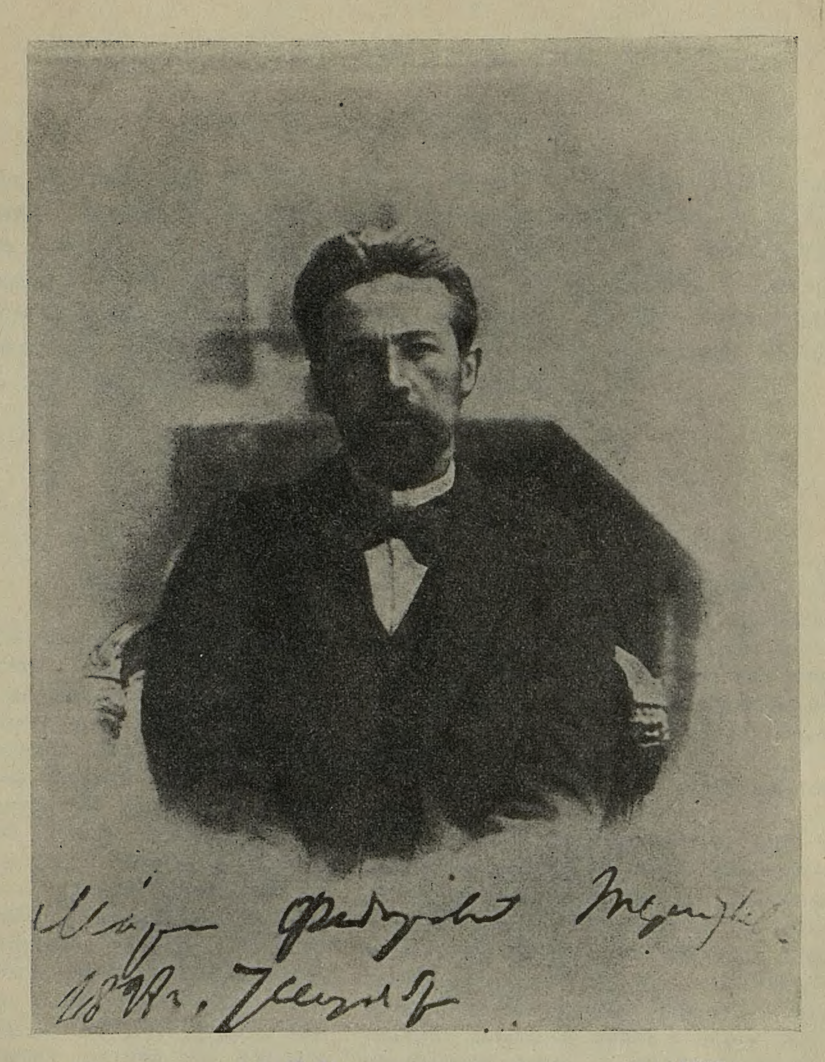

Фото-портрет А. П. Чехова с надписью-автографом 1898 г.

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА

Впервые публикуемые 54 письма А. П. Чехова к 17 корреспондентам подготовлены к печати *Е. Н. Коншиной* (письма к Г. М. Чехову), *И. Ф. Федоровым* (письма к Я. Л. Барскову, А. А. Киселеву, С. Е. Кочеткову, М. С. Малкиель, А. Ф. Марксу, А. И. Смагину, В. М. и М. М. Чеховым и автографы на книгах) и *А. Р. Эйгесом* (письма к П. Ф. Иорданову, О. К. Куманиной, А. И. Леману, И. И. Орлову, А. Н. Плещееву, А. А. Попову, С. А. Петрову, Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Я. Л. БАРСКОВУ

1

22 сентября 1895 года
ст. Лопасня.

Многоуважаемый Яков Лазаревич.

Не отвечал я Вам так долго, потому что не хотелось отвечать на Ваше обстоятельное письмо коротко и неопределенно. Но время затянулось и волей неволей приходится отвечать коротко. В настоящее время у меня нет ничего готового[1], а то, что пишу и буду писать до весны, уже обещано давным давно. Если случайно напишу что-нибудь подельнее для детского чтения [2], то пришлю, но это «случайно» случается со мной очень редко: раз в пять лет. Кажется, за все 15 лет, пока я пишу, я написал только два детских рассказа, да и те, говорят, охотнее читаются взрослыми, чем детьми.

В октябре я буду жить в Москве и постараюсь повидаться с Вами и поговорить, а пока позвольте поблагодарить Вас за приглашение и пожелать Вам и журналу полнейшего успеха.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов

2

17 октября [1897 года].

Многоуважаемый Яков Лазаревич, немножко я запаздываю ответом на Ваше письмо [3], так как оно должно быть пропутешествовало из Биарриц в Ниццу, где я теперь и пребываю [4].

Не знаю, как мне благодарить Вас.

На Ваше доброе милое письмо,— искренно говоря, — мною совершенно незаслуженное, отвечаю Вам одну сущую правду: во-первых, Вы обязали меня Вашим участием на всю жизнь и, во-вторых, нет надобности присылать мне деньги, так как в настоящее время я имею в своем распоряжении более 7 тысяч франков. Этого мне хватит тем более, что у меня расходы не бог весть какие [5], а главное я теперь в таком настроении, что могу работать и по всей вероятности это настроение не мимолетное. Мне х о ч е т с я писать [6]. Стало быть, если бы, представьте, у меня украли те семь тысяч, то все-таки я не остался бы на бобах.

Вместе с тем пришлите мне что-нибудь поинтереснее почитать какую-

нибудь брошюрку и пишите мне хоть один раз в месяц, только пожалуйста не посылайте писем заказными. Здесь за ними надо ходить на почту, а почта далеко от меня. Кстати мой адрес: Nice, pension Russe.

Погода здесь чудесная... Тепло, живем на летнем положении. Нескучно, так как по близости живет Максим Ковалевский[7], есть интересные русские, и между ними Вас[илий] Немирович-Данченко[8], художник Якоби[9], с которым я тоже играю в пикет.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Большое спасибо.

Душевно Ваш *А. Чехов.*

Письма А. П. Чехова, адресованные к Якову Лазаревичу Барскову, печатаются по копиям, рукою Барскова.

Барсков Яков Лазаревич (1863—1937), историк; дед и прадед крепостные. Окончил Московский университет в 1887 г., после чего был оставлен при университете по кафедре русской истории. С 1888 г. вел научно-педагогическую работу сначала в средней, затем в высшей школах. С 1908 г. — старший делопроизводитель Государственного архива, позднее — заведывал 3-м отделением секции Государственного архивного фонда, музейным подотделом в Петрограде. В 90-х годах состоял редактором журнала «Детский отдых».

Как исследователь принимал участие в издании литературного наследства Екатерины II (вместе с В. О. Ключевским), а после революции — литературного наследия В. О. Ключевского. Ему же принадлежит издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, Academia, 1934 г., а также ряд исследований творчества Новикова, Фонвизина и научные работы: «Переписка московских масонов XVIII века», СПб., 1912 г., «Житие протопопа Аввакума», СПб., 1916 г. Помимо того, его статьи, издания документов XVIII века печатались в исторических журналах.

Архив Я. Л. Барскова, заключающий в себе много исторического и эпистолярного материала, хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[1] Речь идет о приглашении А. П. Чехова сотрудничать в журнале «Детский отдых», редактором которого состоял Барсков. О желательности иметь А. П. Чехова в числе сотрудников этого журнала писал к Я. Л. Барскову и И. Н. Потапенко: «Мне кажется, что Вам хорошо бы получить что-нибудь от Чехова. Его гонорар 250 руб. (за печатный лист — *И. Ф.*), но писатель он стоющий. Он здесь. Если хотите, я добуду Вам от него маленькую вещицу». (Из неопубликованного письма И. Н. Потапенко к Я. Л. Барскову, от 1 января 1896 г.).

[2] А. П. Чехов написал рассказ «Белолобый», напечатав его в ноябрьском номере журнала «Детское чтение» за 1895 год.

[3] Имеется в виду письмо Я. Л. Барскова от 4 октября 1896 г. Содержание этого интересного письма, не появлявшегося ранее в печати, равно как и других писем его приводится ниже, в письмах корреспондентов А. П. Чехова.

[4] А. П. Чехов приехал в Ниццу из Биаррица в конце сентября 1897 г. и поселился в русском пансионе. О жизни в Ницце он сообщал своему другу, университетскому товарищу, доктору Н. И. Коробову 12 ноября того же года: «Я в Ницце, уже обжился здесь и привык. Кровохарканья бывают понемногу, не подолгу, в общем же здоровье недурно и умирать не собираюсь».

[5] О расходах в Ницце А. П. Чехов писал сестре 7 декабря 1897 г.: «Я трачу очень мало, особенно сравнительно с тем, что тратил в Большой Московской гостинице. Здесь франк (37 коп.) тоже, что у нас рубль, и если порция мяса или рыбы стоит один франк, то это считается дорого. За хранение платья, на чай лакеям, уличным тенорам здесь дают 10 сантимов, т. е. по $3^{7}/_{10}$ коп., — это никого не шокирует. О том же сообщал и матери: — «Живу я в свое удовольствие: Денег у меня больше, чем у Деева» (Мелиховского трактирщика — *И. Ф.*).

[6] По поводу желания писать А. П. Чехов сообщал брату Ивану Павловичу 26 октября 1897 г.: «Я стал работать; за качество не ручаюсь, но количество вполне достаточно для того, чтобы прожить безбедно. В займах я не нуждаюсь...» Несколько позднее, 14 декабря, сообщал сестре о трудностях работы: «Много сюжетов, которые киснут в мозгу, хочется писать, но писать не дома — сущая каторга, точно на чужой швейной машине шьешь».

[7] Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), ученый, с которым А. П. Чехов познакомился в Ницце (он жил

около Ниццы в Beaulieu, в своей вилле). — «Это тот самый Максим Ковалевский, который был уволен из университета за вольнодумство. Это интересный, живой человек; ест очень много, много шутит, смеется заразительно — и с ним весело. Готовится читать лекции в Париже и Брюсселе». (Из письма к М. П. Чеховой от 29 сентября 1897 года.)

[8] Немирович-Данченко Василий Иванович, писатель (1848—1936), приехал в Ниццу 7 октября 1897 г., но к концу ноября того же года уехал. О своих встречах с ним А. П. Чехов писал художнице А. А. Хотяинцевой в октябре 1897 г.: «Я гуляю, читаю, немного пишу и много беседую с Немировичем-Данченко и с художником Якоби».

[9] Якоби Валерий Иванович (1836—1902) — тот самый художник, — по словам А. П. Чехова, — картины которого давала «Нива» в премию («Дорогой гость» и др.). Якоби, М. М. Ковалевский составляли общество А. П. Чехова в Ницце.

П. Ф. ИОРДАНОВУ

1

[24 ноября 1896 г.]

Автор этого письма — Андрей Павлович Евтушевский. Так как в письме упомянуты Вы, то посылаю его Вам. Евтушевский когда-то, во времена оны, кажется, служил в канцелярии градоначальника, имеет чин. Живет в собств. доме, где то у черта на куличках, под кладбищем. Человек он трезвый, почтенный, всегда что нибудь критикует и по справедливости может быть назван новостроенским Чацким [1].

2

19 мая [1901 г.] Москва, «Дрезден».

Многоуважаемый Павел Федорович, мне кажется, что бумага, копию которой Вы прислали мне, есть бумага непонятная[2] и прислана она в управу только потому, что у Академии нет картин, которые они могли бы теперь выслать Вам. Она, т. е. бумага эта, не имеет отношения к письму Репина[3].

Коллекция из Villefranche выслана Вам мною из местной зоологической станции. Это работа киевского профессора Коротнева[4]. Будьте добры, уведомьте станцию о том, что коллекция Вами получена. Адрес: Monsieur A. Korotneff, Villefranche sur Mer, France. Зовут Коротнева Алексеем Алексеевичем.

На кумыс[5] я еду благодаря кашлю. Притупление под правой лопаткой увеличилось в последнее время, и кашель усилился. Горький здоров. Его выпустили[6].

«Сборник на помощь учащимся женщинам» не выписывайте, я вышлю Вам на сих днях.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш
А. Чехов

3

23 мая 1903 года.

Многоуважаемый Павел Федорович, посылаю для Городской Библиотеки 3½ пуда книг. Вероятно, они уже пришли в Таганрог, так как я отправил их большой скоростью. Так как посланный не уплатил денег на вокзале, то посылаю Вам переводом 3 рубля и прошу извинения.

Сейчас получил «По поводу записок врача» Вересаева. Скоро пришлю. Не знаю, куда мне ехать, в Швейцарию или на дачу; сижу в Москве, томлюсь, а время между тем идет.

Читаю превосходные отзывы о новом памятнике в Таганроге [7]. От души Вас поздравляю.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш
А. Чехов

Иорданов Павел Федорович, врач по образованию, был членом городской управы, затем городским головой Таганрога; с 1912 г. член государственного совета (по выборам); умер в Константинополе в 1920 г.; опубликовано было

74 письма Чехова к Иорданову (45 писем в IV, V и VI томах «Писем» и 29 — в сборнике «Неизданные письма», 1930); письма Чехова посвящены по преимуществу вопросу снабжения книгами таганрогской городской библиотеки, пополнением и ростом культурного значения которой Чехов был очень озабочен; последнее письмо к Иорданову с извещением об очередной посылке книг отправлено было Чеховым из Баденвейлера 12 июня 1904 г., т. е. за двадцать дней до смерти.

[1] Эти строки — весь абзац — написаны рукой А. П. Чехова на втором листке письма А. П. Евтушевского. Письмо Евтушевского с этой припиской было присоединено Чеховым к большому письму его к Иорданову от 24 ноября 1896 г.*

Евтушевский Андрей Павлович, дальний родственник Чехова; на родной его сестре Людмиле Павловне был женат дядя Чехова, Митрофан Георгиевич. О Веньямине Евтушевском Чехов упоминает в письме к Георгию Митрофановичу Чехову от 18 марта 1897 г.**

[2] Прочитав в газетах о решении совета Академии художеств разослать в провинциальные музеи некоторые произведения искусств, Иорданов написал в академию просьбу прислать несколько вещей и в таганрогский музей, но оттуда ответили требованием предварительно прислать устав и каталог музея, между тем музей был при публичной библиотеке, устава не имел, каталога тоже не было, так как музей был в зачатке, вернее в проекте. Позднее академия поставила непременным условием пополнения музея из коллекции академии, чтобы музей имел в своем бюджете ежегодно некоторую сумму на пополнение.

[3] Репин Илья Ефимович (1844—1930), великий художник-реалист; в письме к Чехову от 29 апреля 1901 г. сообщал, что прочел выдержки из письма Чехова в совете Академии, что члены совета отнеслись «с полным сочувствием к Вашему попечительству о таганрогской библиотеке». «Надеюсь, — писал он Чехову, — что Ваше желание будет исполнено — кое-что из картинок и этюдов будет послано в Таганрог».

[4] Русская зоологическая станция в Виллафранке (близ Ниццы) основана была в 1884 г. профессором Киевского университета А. А. Коротневым (1854—1915). О Коротневе и зоологической станции см. статью проф. Н. К. Кольцова («Природа» XI, 1915) и некролог проф. Д. Н. Анучина («Землеведение» 1—2, 1916).

[5] Июнь 1901 г. Чехов провел в Уфимской губернии (ст. Аксеново, Андреевская санатория), где лечился кумысом.

[6] Максим Горький был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму 17 апреля 1901 г. по обвинению в приобретении мимеографа для печатания воззваний к сормовским рабочим, освобожден был из тюрьмы, ввиду плохого состояния здоровья, 17 мая.

[7] Чехов принимал участие в переговорах с скульптором М. М. Антокольским относительно постановки в Таганроге памятника Петру I (снимок см. «Письма», V, стр. 195).

А. А. КИСЕЛЕВУ

1

Телеграмма

Москву
Большая Никитская,
д. Мещеринова

17 сентября 1891 года
из Москвы.

Поздравляем — Чеховы.

2

4 марта 1892 года.

Многоуважаемый Александр Александрович.

Податель сего Николай Павлович Сорохтин[1], художник уполномочен передать Вам мои извинения. Для игры в пикет назначен был мною вечер второго марта, но в этот вечер мне нужно было присутствовать на ученическом спектакле Ленского[2]. Подробности сообщат вам Вагнеры[3], которые были у нас в оный вечер.

Н. П. Сорохтин имеет также попросить у Вас указаний и советов относительно своей поездки на Кавказ.

---

* «Письма», IV, стр. 506—509. В своем письме Евтушевский писал Чехову о плохом материальном положении, просил помочь ему, через Иорданова, получить должность и сообщал об успехах своего сына Веньямина.

** «Письма», V, стр. 27; Чехов вносил в гимназию плату за право учения Веньямина Евтушевского.

От души желаю Вам и всем Вашим благополучия и хорошей счастливой поездки. Бенгальскому огню [4] поклон особый.

Если в марте буду в Москве, то непременно[5] прибегу к Вам.

Искренно преданный и уважающий

А. Чехов.

Киселев Александр Александрович (1837—1911), художник-пейзажист, академик, активный участник товарищества передвижных выставок, сотрудник журнала «Артист».

С А. А. Киселевым семья Чеховых познакомилась летом 1891 г., живя вместе на даче в Богимове, имении Е. Д. Былин-Колосовского, в 10 км от Алексина. «Это было, — как сообщила нам М. П. Чехова, сестра писателя, — только дачное знакомство, потом — редкие свидания». О жизни в Богимове и его обитателях А. П. Чехов много писал своим родным и знакомым. «В одной усадьбе с нами живут: зоолог Вагнер с семьей и Киселевы... Вагнер ловит козявок и пауков, а Киселев-отец пишет этюды, так как он художник. Бывают у нас спектакли, живые картины и пикники. Очень смешно и весело...» (Из письма к М. В. Киселевой от 20 июля 1891 г.)

Семья Киселева, кроме художника, состояла из детей-подростков, потешавших Антона Павловича спектаклями из ими же самими инсценированных рассказов. По поводу одного из таких спектаклей «с живыми картинами и факельным шествием», данного 15 июня 1891 г., А. П. Чеховым написана шуточная рецензия, где особенно отмечена исполнительница живых картин Киселева 3-я (Надя), «сияющее лицо которой, — по словам А. П. Чехова, — все время заменяло артистам и публике бенгальский огонь».

Поздравительная телеграмма была послана А. П. Чеховым в день именин этой Нади, дочери художника, — «очень милой девочки, которая, — по словам М. П. Чеховой, — своей добротой и искренностью располагала всех к себе».

Что касается письма А. П. Чехова, то оно было адресовано самому А. А. Киселеву и отправлено через Н. П. Сорохтина.

В архиве А. П. Чехова имеется одно письмо А. А. Киселева к писателю от 1 марта 1892 г., где он сообщает о просьбе Д. А. Ровинского передать через него Чехову «в знак усердного почитания таланта» Чехова его «Словарь русских портретов», а также прилагает в знак такого же почитания свой «первый опыт по литературной части», к которому Чехов отнесся благосклонно.

[1] Художник, у которого в 1892 г. А. П. Чехов купил имение Мелихово.

«Получив за оное сумму денег, Сорохтин решил поехать на Кавказ на этюды, обратился за советом к Антону Павловичу, который направил его к Киселеву, так как последний вернулся в Богимово к своей семье с Кавказа в 1891 году и показывал нам множество своих кавказских этюдов» (Сообщение М. П. Чеховой).

[2] Речь идет об ученическом спектакле Александра Павловича Ленского (1847—1908), крупного актера и режиссера Московского Малого театра, театрального педагога. От него 2 марта 1892 г. А. П. получил следующее приглашение: «Если свободны, — милости просим на мой ученический спектакль («Пучина»). Проскучаете — не взыщите. Ваш А. Ленский. Начало в 7½ часов» (Неопубликованное письмо из архивных материалов А. П. Чехова).

[3] Хорошие знакомые А. П. Чехова: зоолог В. А. Вагнер и его две тетушки. С ними, как и с А. А. Киселевым, А. П. Чехов жил в Богимове. «С нами на одном дворе живет зоолог В. А. Вагнер, который кончил вместе с тобой (кончил Московский университет — *И. Ф.*), — писал А. П. Чехов в июле 1891 г. брату Александру. — Пишет весьма солидную диссертацию. С нами же в одном дворе живет известный художник Киселев. По вечерам совершаем вместе прогулки и философствуем».

[4] Так прозвал А. П. Чехов, по сообщению М. П. Чеховой, Надю Киселеву за ее милую улыбку и лучистые глаза.

[5] Подчеркнуто самим А. П. Чеховым.

С. Е. КОЧЕТКОВУ

10 окт. [1893 г.]

Милостивый Государь
Степан Егорович!

Порошки от кашля годятся для Вас, но достаточно принимать один порошок на ночь.

Можно позволить Маше [1] гулять по комнатам, но к вечеру она должна быть в постеле. Давайте только ⟨твердую⟩ жидкую пищу, супы, кисель, кашки, чай, твердую же можно будет давать только тогда, когда ве-

черняя температура станет такою же, как утренняя, т. е. будет не более 36½ и 37.

Готовый к услугам

А. Чехов.

Маше давайте хины по одному грану два раза в день, утром и перед вечером. Спросите хину у фельдшера.

Кочетков Степан Егорович, проживал в с. Крюкове в 10 км от Мелихова, имея там фабрику ситцев и кирпичный завод; пользовался врачебными советами Антона Павловича и сохранил о нем воспоминание как о добром, отзывчивом и жизнерадостном человеке. К характеристике их взаимоотношений может служить следующий эпизод. По своей простоте, — как передает А. В. Крашенинников, муж дочери Кочетковых, — они (Кочетковы — *И. Ф.*) предложили было А. П. Чехову гонорар как врачу, но тот был глубоко обижен и отказался. У А. В. Крашенинникова долгое время хранилась визитная карточка А. П. Чехова с его автографом, — просьбой «отпустить кирпича, сколько поместится на посылаемую подводу» и тут же рукою С. Е. Кочеткова резолюция: «отпу. 200 шту».

Письмо относится, повидимому, к 1893 году.

[1] Маша, дочь С. Е. Кочеткова, пациентка А. П. Чехова.

Упоминание о С. Е. Кочеткове имеется в письме А. П. Чехова к Л. С. Мизиновой от 23 июня 1893 г.

О. К. КУМАНИНОЙ

10 мая [1896 г.]

Многоуважаемая

Олимпиада Карповна!

Я всей душой сочувствую Вашему горю. Смерть Федора Александровича была для меня совершенно неожиданна, я до сих пор не могу помириться с ней, так как знал его здоровым, сильным и бодрым, и в слухах об его болезни не было ничего угрожающего, определенного. Конечно, все литераторы и люди, близко стоящие к искусству, отнесутся к этой смерти, как к серьезной потере.

На Ваше письмо спешу ответить Вам своим полным согласием и пожеланием успеха.

Примите уверение в искренном моем уважении и сочувствии.

А. Чехов.

Письмо адресовано вдове Федора Александровича Куманина (1855—1896), редактора-издателя журналов «Артист» (1889—1894), «Театрал», «Читатель», «Театральная библиотека», переводчика нескольких пьес Зудермана; О. К. Куманина просила Чехова о сотрудничестве в журналах, которые она продолжала издавать после смерти мужа.

А. И. ЛЕМАНУ

30 апреля 1888 года.

М. Г. Анатолий Иванович! Идея Ваша мне симпатична и она приходила мне в голову, когда я издавал свои «Пестр[ые] рассказы». Насколько помнится, я поместил в книге объявления об издании своих приятелей и впредь буду помещать (независимо оттого, солидарен я с ними, или нет; простите, я не понял в Вашем письме слов «более, или менее солидарных с нами» и, откровенно говоря, стал в тупик: откуда Вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?) Предложение Ваше охотно принимаю и благодарю за внимание ко мне. Впрочем, заранее извиняюсь за те свои книги, которые будут изданы А. С. Сувориным. Обыкновенно Суворин держится хорошего обычая: в конце каждой книжки помещает объявления о всех своих изданиях и таким образом каждый автор несет маленькую общую повинность. Раз обычай существует, мне едва ли будет дозволено видоизменять его, ибо со своими уставами в чужой монастырь не ходят.

За книжку, которую я получил, приношу Вам мою искреннюю благодарность. Когда будут отпечатаны 2-ое изд. «В сумерках» и вторая книжка моих нововременских рассказов, . . .

Черновой автограф (незаконченного) ответного письма А. П. Чехова к А. И. Ле-

ману — на оборотной стороне письма А. И. Лемана к Чехову от 28 апреля 1888 г. (хранится в архиве Чехова — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Текст белового письма опубликован не был.

Леман Анатолий Иванович (1859—1913), писатель и знаток скрипичной фабрикации; начал деятельность повестями, собранными впоследствии под заглавием «Рассказы» (1888); написал «Книгу о скрипке» (1893), «Письма о скрипке и виолончели» (1903); напечатал также «Теорию биллиардной игры» (1895).

Фраза Лемана о «солидарности писателей», по существу невинная, почему-то очень взволновала Чехова, врага ярлыков и кружковщины, всегда ревностно защищавшего свою независимость. В трех письмах (Баранцевичу, Короленку, Щеглову — апрель, май 1888) он писал о Лемане: «...для объединения нужно кое-что другое; ...нужно, чтоб я, умирая, был уверен, что после моей смерти... товарищи не позволят г. Леману читать на моей могиле речь от имени молодых писателей, ибо он не писатель, а только прекрасный игрок на биллиарде»; «...ответил ругательно А. Леману, который прислал мне предложение — печатать в своих книгах общее объявление о книгах тех из молодых писателей, которые более или менее солидарны с нами»; «...В ответ я послал согласие и вопрос: «откуда Вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?» Как у Вас в Питере любят духоту! Неужели вам не душно от таких слов, как солидарность, единение молодых писателей, общность интересов и проч.».

Отношения между Чеховым и Л. были вообще плохие; Чехову скоро стало известно, что присуждение ему Пушкинской премии возбудило в Лемане и зависть и злобу (см. письмо к Плещееву от 25 октября 1888 г.), что автором сплетни о женитьбе его на миллионерше Сибиряковой был тоже Леман (см. письмо к Щеглову от 11 марта 1889 г.). После этой даты имя Лемана в письмах Чехова больше не встречается.

М. С. МАЛКИЕЛЬ

4 апреля [1899 г.]

Милая супружница, я пью теперь по 12 чашек чаю 5 раз в день — и это только благодаря Вам, подарившей мне такую прекрасную чашку. Сердечно благодарю Вас, шлю мой привет и поздравление Вам и Вашей сестре [1], и убедительно прошу Вас не считать меня уже Вашим супругом, так как я уже монах. Шлю Вам из моей келии свое благословление.

Иеромонах *Антоний* [2].

Письмо адресовано к Марии Самойловне Малкиель. Малкиель — знакомая семьи Чеховых; А. П. Чехов в переписке называл ее в шутку «драгоценной супругой», «милой супружницей».

[1] Вашей сестре — Софья Самойловна Малкиель, составительница детских книг. По поводу одной из ее книг «Друг детей. Русь. Сказки былого» А. П. Чехов писал сестре: «От С. Малкиель получил книгу для детей. Она забыла детей прислать, иначе кому же книгу читать».

[2] Иеромонах Антоний — шуточная подпись А. П. Чехова; в другом письме — «Ваш супруг, несчастный в семейной жизни А. Чехов».

[4] Письма А. П. Чехова к Малкиель М. С. напечатаны в V томе «Писем», под редакцией М. П. Чеховой, и 2 письма в «Несобранных письмах». М. 1927.

А. Ф. МАРКСУ

1

10 декабря 1900 года.

Многоуважаемый
Адольф Федорович!

Десять тысяч рублей в счет условленной платы [1] я сегодня получил, за что приношу Вам сердечную благодарность. Расписку при сем посылаю [2]. Оставшиеся 15 тысяч покорнейше прошу Вас выслать на имя сестры моей М. П. Чеховой по адресу: Москва, Мл. Дмитровка, д. Шешкова, Марии Павловне Чеховой.

Рассказ «Весной» написан мною очень давно и помещен в третьем томе моих сочинений Вашего издания. Для «Нивы» я пришлю рассказ непременно.

Завтра я уезжаю. Из Ниццы я пришлю Вам адрес, а пока, в случае надобности, благоволите адресоваться в Москву, или Nice, post. rest.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Одновременно посылаю Вам мою пьесу «Свадьба» [3], написанную уже давно, и ныне мною исправленную.

2

23 октября 1902 года.

Многоуважаемый
Адольф Федорович!

Я ничего не могу возразить против напечатания, что в «Ниве» 1903 г. будет помещен мой рассказ, так как против сотрудничества в Вашем журнале я решительно ничего не имею [4] и рассказ пришлю непременно, если только не помешает болезнь.

Что касается г. Эттингера [5], то его «Думы и мысли» составлены совсем по-детски, говорить о них серьезно нельзя. К тому же все эти «мысли и думы» не мои, а моих героев, и если какое либо действующее лицо в моем рассказе или пьесе говорит, например, что надо убивать или красть, то это вовсе не значит, что г. Эттингер имеет право выдавать меня за проповедника убийства и кражи.

Рукопись г. Эттингера возвращаю. Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим

А. Чехов.

3

31 мая 1904 года.

Многоуважаемый
Адольф Федорович!

По предписанию врачей 3-го июня я уезжаю заграницу, вот мой адрес: Германия, Badenweiler [6], post. rest. В августе или даже ранее я буду уже дома, в России.

Корректура «Вишневого сада» [7], мною подписанная, уже послана Вам. Я послал Вам корректуру и теперь убедительно прошу не выпускать моей пьесы в свет, пока я не кончу ее; мне хочется прибавить еще характеристику действующих лиц. И у меня договор с книжной торговлей «Знание» — не выпускать пьесы до определенного срока.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

Маркс Адольф Федорович (1838—1904), издатель журнала «Нива», одного из самых распространенных периодических изданий дореволюционного времени, известного своими литературными приложениями. Издание «Нивы» было чисто коммерческим предприятием Маркса.

Личные отношения А. П. Чехова с А. Ф. Марксом начались в связи с вопросом о передаче Чеховым права собственности на свои произведения. Переговоры с Марксом велись через П. А. Сергеенко, товарища Чехова по гимназии, беллетриста и сотрудника юмористических журналов. 17 января 1899 г. П. А. Сергеенко от имени А. П. Чехова подписал предварительный договор с издательством «Нива», а 20 января А. П. Чехов телеграфировал о своем согласии на все условия, предоставляя Марксу право издания «всех своих беллетристических и драматических произведений, которые когда-либо печатал под фамилией или псевдонимом, не исключая и самых мелких».

Сделка с А. Ф. Марксом оказалась явно невыгодной, и А. П. Чехов осознал это впоследствии, называя ее «ошибкой», которая заставляла его «ежеминутно почесываться» и считать «продажу сочинений довольно неудачной». О невыгодности договора писал А. П. Чехову и А. С. Суворин в телеграмме от 12 февраля 1899 г.: «Ваша сделка даже на два года невыгодна, не только на десять лет. Ваша репутация только начинает подыматься на чарующую высоту, и тут вы пасуете...»

Литературные друзья А. П. Чехова, по инициативе М. Горького и Л. Андреева, пытались протестовать против этого договора. Было составлено письмо, под текстом которого предполагалось собрать подписи писательской и артистической Москвы, затем передать его в Петербург для собрания таких же подписей. Письмо это намеревались направить А. Ф. Марксу, добиваясь исправления «невольной несправедливости» и заключения нового договора, который дал бы Чехову свободу и обеспеченность. Но А. П. Чехов, узнав про

письмо, просил не обращаться с ним к А. Ф. Марксу, так как находил неудобным отрекаться от того, что подписывал своею рукою, и письмо не было отправлено.

Нотариальная копия договора с А. Ф. Марксом и расписки писателя о получении денег, а также копии дополнительных договоров, заключенных А. П. Чеховым на отдельные свои произведения, написанные после 1899 г., опубликованы в журнале «Красный архив» за 1929 г., т. 6 (37) М. 1929. Вместе с письмами и телеграммами П. А. Сергеенко, напечатанными там же, эти материалы дают полное представление о ходе переговоров с А. Ф. Марксом и обрисовывают личность А. Ф. Маркса как издателя-предпринимателя.

Публикуемые письма А. П. Чехова к А. Ф. Марксу дополняют картину их взаимоотношений.

[1] Речь идет о договоре А. П. Чехова с А. Ф. Марксом о передаче права собственности на свои произведения, согласно которому Маркс обязывался уплатить А. П. Чехову 75 тыс. рублей в три срока.

[2] Текст копии расписок А. П. Чехова в получении денег от А. Ф. Маркса опубликован в «Красном архиве» за 1929 г., т. 6 (37) М. 1929.

[3] «Свадьба» — сцена в I действии А. П. Чехова. Автограф — цензурный экземпляр пьесы с пометками цензора драматических сочинений Альбединского о разрешении к представлению — С.-Петербург, 2 ноября 1899 года — хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[4] Сношения А. П. Чехова с «Нивою» начались весною 1896 г. при посредстве А. А. Тихонова-Луговего, тогдашнего редактора журнала. Благодаря «Ниву» за предлагаемое гостеприимство, А. П. Чехов сообщал А. А. Луговому 29 марта 1896 г., что ему очень хочется попечататься в «Ниве», но он все поджидает сюжета посимпатичнее, покрасочнее, чтобы не наскучить читателю «Нивы». В том же году, в № 10, 11 и 12 ежемесячных литературных приложений к «Ниве» за 1896 г., была напечатана повесть А. П. Чехова «Моя жизнь», а два года спустя в № 9 тех же «Приложений» за 1898 г. был помещен рассказ «Ионыч». О своем отношении к «Ниве» А. П. Чехов писал и А. Ф. Марксу 25 февраля 1899 г.: «... продолжать сотрудничать в «Ниве» я буду с большим удовольствием, так как люблю Ваш журнал... В апреле, вероятно, начну работать как следует и буду присылать Вам рассказы, которые по своему содержанию и цензурным условиям будут подходить для Вашего журнала».

[5] Эттингер Осип Григорьевич (псевдоним С. Сутугин), сотрудник журнала «Театр и искусство», почитатель А. П. Чехова; о рассказах Чехова писал ему: «Чем больше появлялось Ваших произведений, тем сильнее росло мое преклонение перед Вами, симпатия и любовь. Все те мысли и чувства, которые бродили неясными, неопределенными в моей душе, Вы выражали прекрасно и смело, с такой красотой, полнотой и поэзией, что, право, дальше уж кажется и идти нельзя» (Из письма к А. П. Чехову 16 июля 1899 г.).

[6] Курорт в Шварцвальде, на юге Германии; 8 июня 1904 г. А. П. Чехов прибыл сюда для лечения, а 2 июля того же года здесь умер.

[7] Вишневый сад — комедия в 4 действиях. Автограф пьесы хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Пьеса впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» за 1903 г., кн. 2; отдельным изданием А. Ф. Маркса — в 1904 г., и в полном собрании сочинений под редакцией А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого М.—Л. 1932.

И. И. ОРЛОВУ

14 мая [1899 г.]

Милый Иван Иванович, я существую. В Москве я нанял квартиру на целый год: Мал. Дмитриевка, д. Шешкова. Квартира вполне аристократическая[1]. Теперь я в Мелихове. Адрес: Лопасня Моск. губ.

Я слышал, что ассистентом у Вашего брата состоит наш бывший угрюмовский врач Григорьев. Будьте добры, напишите Вашему брату, чтобы он напомнил д-ру Григорьеву о словаре Виларе[2], взятом у меня и теперь неизвестно где находящемся. Не оставил ли Григорьев сей словарь в Угрюмове?

Жажду повидаться с Вами. После 20-го мая буду в Москве, в конце мая — в Петербурге, потом опять в Мелихове. Строится школа. Вчера

получил письмо от Альтшулера [3]; пишет, что болеет.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов*

Письмо-открытка адресовано врачу И. И. Орлову (1851—1917), заведующему Солнечногорской лечебницей московского губернского земства; 5 писем к Орлову напечатано в V томе «Писем» (в письме от 22 февраля 1899 г. — часто цитируемые строки об интеллигенции), 3 письма — в сборнике «Несобранные письма», 1927. Упоминаемый в письме брат — Д. И. Орлов, тоже врач, работал в земско-заводской больнице в Мытищах.

[1] Писательнице Л. А. Авиловой Чехов в письме от 16 апреля того же года писал: «...мой адрес: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова. Улица, как видите, аристократическая...»

[2] В библиотеке Чехова, хранящейся в Ялтинском доме-музее А. П. Чехова, есть книга: Виларé. Энциклопедический медицинский словарь, 3 т. 1892 (см. сборник «Чехов и его среда», Academia, 1930, статья С. Д. Балухатого «Библиотека Чехова», № 460).

[3] Альтшулер Исаак Наумович, врач, лечивший Чехова; его воспоминания о Чехове — в № 151 газеты «Русские ведомости», 1914 г. Чехов в своих письмах часто в шутку называл его, переводя на русский язык его фамилию, «Старопройдошенским».

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

20 августа [1888 г.] Сумы.

Ваше письмо, милый Алексей Николаевич, посланное Вами в Феодосию [1], я получил только сегодня, в конверте Суворина. О своих зимних планах, о повести для октябрьской книжки «С. В.» [2] и о прочих важных предметах буду писать Вам на сих днях, а пока свидетельствую свое почтение Вам и всем Вашим, сердечно обнимаю и остаюсь, как всегда, преданным

А. Чехов.

Уступаю свое место обер-композитору M-r Жоржу [3].

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт, беллетрист, переводчик; участник дела петрашевцев; впоследствии редактировал отдел беллетристики журнала «Северный вестник»; был в дружеских отношениях с Чеховым; 18 писем П. к Чехову опубликовано в сб. «Слово», № 2 1914 г.; 58 писем Чехова к П. опубликовано в II и III томах «Писем».

[1] В июле 1888 г. Чехов предпринял путешествие, длившееся около месяца; он был в Севастополе, морем проехал до Феодосии, где гостил на даче у Суворина, потом побывал на Черноморском побережье, в Новом Афоне, Сухуме, Батуме, был в Тифлисе и Баку, и в середине августа вернулся на дачу близ Сум (имение Линтваревых «Лука» на реке Псёл).

[2] «Именины» — напечатаны были в «С. В.», № 11.

[3] Сын дачевладелицы А. В. Линтваревой Георгий Михайлович Линтварев, впоследствии член 1-й Государственной Думы, кадет, выборжец. Характеристику всего семейства Линтваревых Чехов дал в письме к Суворину от 30 мая 1888 г. («Письма», II, стр. 103—105). К письму Чехова приложено подробное письмо Г. М. Линтварева к Плещееву — с упоминанием о Чехове, об его поездке к Смагиным для осмотра хутора, который Чехов хотел приобрести, а также с изложением личных и семейных обстоятельств Линтварева (Плещеев гостил у Чехова на даче и сблизился со всей семьей Линтваревых).

С. А. ПЕТРОВУ

1

Лопасня Московск. губ. 23 мая 1897 года.

Многоуважаемый отец Архимандрит, Вы не можете себе представить, какое хорошее чувство возбудило во мне Ваше письмо. Мы ведь часто вспоминаем о Вас, Вы не чужой и, когда доходят до нашего муравейника короткие, отрывочные вести о Вас, то мы бываем рады и говорим о Вас с истинным удовольствием. Большое Вам спасибо, что вспомнили! Да, я хворал, было кровохарканье, доктора нашли у меня процесс в легочных верхушках, но те-

перь я поправился и чувствую себя прекрасно, хотя все еще считаюсь больным. Живу я теперь, как Вам известно, в деревне, в собственном имении, заложенном в земельном банке, живу здесь лето и зиму и, когда становится скучно, уезжаю во едину из столиц. Я попрежнему не женат, не богат, все еще не седею, не лысею. Отец и мать при мне; постарели, но не очень. Сестра летом живет дома и занимается хозяйством, зимою учительствует в Москве. Братья служат. Имение у меня не важное, не красивое, дом не большой, как у помещицы Коробочки, но жизнь тихая, не дорогая и в летнее время приятная.

Когда приедете в Москву, то непременно дайте знать. За несколько дней до приезда в Москву, напишите мне в Лопасню, а приехав, справьтесь по телефону в редакции Русской Мысли, в Москве ли я. Мне очень хочется повидать Вас и увезти к себе в деревню. В Ваше распоряжение я отдам целый флигель и, если Вы приедете не зимой, а летом, то Вам не покажется скучно. Имение мое плохонькое, но за то окрестности великолепны и в четырех верстах от нас находится красивая Давыдова пустыня — туда мы поехали бы вместе, к монахам чай пить. Приезжайте, а за это я к Вам в Семипалатинск приеду, когда опять поеду в Сибирь. Кстати, есть ли у Вас моя книга «Остров Сахалин»? Если нет, то позвольте прислать Вам. Мои путевые записки печатались в Русской мысли, все, кроме двух глав, задержанных цензурой, которые в журнал не попали, но за то попали в книгу.

Теперь, когда мы обменялись письмами, пожалуста, хотя изредка, давайте о себе знать. Если пришлете какое нибудь поручение, касающееся Вас лично или миссии, то, буде сумею, исполню его скоро и с большим удовольствием.

В заключение позвольте еще раз поблагодарить Вас. Желаю Вам всего, всего хорошего и крепко жму руку, и низко Вам кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

Поклон Суворину и Анне Ивановне передал в письме.

2

13 января 1904 года.

Ваше преосвященство, Вашу летнюю телеграмму я получил только в августе, в Ялте, а последнее письмо, посланное Вами в Ялту, получил сегодня в Москве. Как видите, мне не везет в нашей переписке, и это очень жаль, так как по всей вероятности Вы уже махнули на меня рукой.

В Крыму устроиться можно. Сегодня я написал в Ялту начальнице местной женской гимназии Варваре Константиновне Харкеевич, местной старожилке, чтобы она нашла для Вас подходящую дачу — удобную, теплую, светлую, немноголюдную; она будет искать недолго, напишет мне, а я напишу Вам. По всей вероятности, Вы будете жить в Гурзуфе (где проживает Антоний, Митрополит Петербургский, когда бывает в Крыму), там и помещение для Вас подходящее, и церковь очень близко. Итак, стало быть, ждите подробностей, которые последуют вероятно не позже, как через две недели, даже раньше, так как я буду телеграфировать Вам.

Считаю нужным предупредить, что крымская весна не похожа на русскую, она холодна, ветренна, мало интересна, и хороша она разве только тем, что начинается рано; в конце февраля и в конце марта она уже сильно чувствуется. На Кавказе весной тоже неинтересно, холодно. Я бы дорого дал, чтобы мне можно было проводить весну под Москвой, а не в Ялте.

Мой адрес: Москва, Петровка, д. Коровина. Напишите, как долго Вы рассчитываете прожить в Крыму. В феврале или в конце февраля я уже буду в Ялте.

Сегодня я послал Вам телеграмму — это, чтоб Вы не беспокоились насчет Вашего письма.

Итак, до скорого свидания. Очень бы хотелось повидать Вас. Низко кланяюсь Вам и шлю сердечные пожелания, будьте здоровы, покойны и веселы.

Преданный *А. Чехов.*

Петров Степан Алексеевич (1864—?) окончил историко-филологический факультет Московского Университета в 1891 г. Полную фамилию, Степана Алексеевича П. я нашел в списке студентов филологов, в архиве МГУ. Как указал мне И. Ф. Масанов биографические данные и портрет П. — в книге «Донцы XIX века», Новочеркасск, 1907.

И. А. Белоусов в своих мемуарах «Литературная среда» (1928) вспоминает, что в ялтинском кабинете А. П. Чехова он видел портрет какого-то архиерея с трогательной надписью Антону Павловичу; ему объяснили, что это — старый знакомый Чеховых, бывавший у них еще студентом; Белоусов вспомнил, что во время одной из прогулок по Нескучному саду большой компанией, среди них был один студент, которого Чехов в шутку называл «будущим архиереем». Через 10 лет Чехов получил письмо от архимандрита Сергия, начальника Киргизской миссии, узнавшего о болезни Чехова. В архиве Чехова — 18 писем архимандрита, потом епископа Сергия — Бийского, Омского, затем Ковенского, впоследствии Херсонского. Письма полны воспоминаний о прошлом и восторженных отзывов о творчестве Чехова. Опубликовано было 3 письма Чехова к Сергию («Письма», V и VI); в одном из писем к сестре («Письма», V, стр. 295) Чехов говорит: «...Степана Алексеевича (арх. Сергия) сделали архиереем». О судьбе этого архиерея А. П. Чехов («Чехов и его сюжеты», 1923) говорит: «Он наткнулся на темные стороны архиерейской жизни, встал в оппозицию, скоро попал в немилость, был лишен своего викариата и сослан на покой в один из глухих монастырей на Кавказе» (стр. 47).

А. А. ПОПОВУ-МОНАСТЫРСКОМУ

1

13 июля [1894 г.]
Ст. Лопасня

Многоуважаемый
Алексей Алексеевич!

По случаю болезней разных я в сей месяц буду немножко не аккуратен, т. е. приеду в Москву не к 15, а к 20. Всего привезу 2—2½ листа. Это уж будет окончание.

Если Виктор Александрович [1] вернулся, то передайте ему мой поклон.

Искренно Вас уважающий
А. Чехов.

2

[Июль 1894 г.]

Многоуважаемый
Алексей Алексеевич!

Посылаю Вам окончание Сахалина с большой просьбой — сказать, чтобы возможно скорее набрали; я в Москве пробуду очень не долго и мне хотелось бы прочесть корректуру.

Простите, что я Вас беспокою в неурочное время.

Ваш *А. Чехов.*

Письма адресованы А. А. Попову (1845—1906), секретарю редакции журнала «Русская мысль», где с октября 1893 по июль 1894 г. печатался «Остров Сахалин» Чехова. Об А. А. Попове, более известном под псевдонимом «А. Монастырский», как о поэте и литературном наставнике «писателей из народа», упоминает И. А. Белоусов в своих мемуарах «Литературная Москва», стр. 66, 1926. А. А. Попов печатался (как указал мне И. Ф. Масанов) в журналах: «Дело», «Русская мысль», «Детское чтение», и др.

[1] Гольцев В. А., фактический редактор «Русской мысли».

А. И. СМАГИНУ

1

30 января [1892 г.]

Задатка Яценке [1] не давайте, потому что может случиться, что пока будет продолжаться состояние вещей, определяемое Вами словом «кажется», мы можем купить где нибудь хутор. Ах, как я зол на Яценку! Если бы моя власть, то отнял бы у него хутор, а самого бы женил на трех ведьмах.

Если найду требуемые Вами бумажки, то приложу к сему письму. Весьма рад служить.

Вашему обещанию приехать в Москву весною я порадовался. Серьезно, отчего бы Вам не приехать? Пошатались бы и побалакали.

Вчера я, выйдя из терпения, поставил себе на правую лопатку мушку, и сегодня мне значительно легче [2]. Могу и сгибаться, и писать, и главою потрясать.

Послезавтра ненадолго уезжаю в Воронежскую губ. [3] по голодным делам. Нужно будет проехать на лошадях верст сто. Благословите.

Сейчас Миша [4] уезжает на вокзал. Сдаю ему сие письмо.

Будьте, драгоценный Александр Иванович, здоровы и да хранят Вас украинские феи.

Ваш *А. Чехов.*

2

4 марта [1892 г.] Ст. Лопасня[5].

Наконец сало и колбаса пришли из Москвы. Сало удивительное, а вкус и запах колбасы можно сравнить разве только с мечтой 17-летней испанки. Я едва не объелся.

Ну с, мы уже бросаем снег в пруд, уже четвертая неделя поста, уже оттепель, а Вас все нет и нет. Где Вы и почему медлите? Против прошлого года живется теперь много легче и веселее. И благообразия больше. Приезжайте пожалуста.

Простите за краткость. Спешу.

Ваш *А. Чехов.*

3

10 апреля [1892 г.]

Милый друг, граб не выносит московских морозов. Кстати сказать, морозы прошли, снега уже нет, пруд полон, скворцы поют и по полю можно гулять, яко по суху. Весна форменная. В субботу мелиховские мужики уже выгоняют скот в поле.

Накладную на овес получил и очень Вам благодарен за то, что Вы не посылали ее заказным письмом, а то бы она залежалась в Серпухове. Благодарю и за овес. Мешки будут возвращены немедленно.

На сих днях уезжаю в Москву за деньгами. Зело обнищал.

У меня гостит художник Левитан, с которым я каждый день хожу на тягу. В первый день Пасхи приезжал Гиляровский; творил он чудеса: ломал бревна и гарцовал без седла на моих голодных клячах. Теперь в Москве, вероятно, хвастает, что выездил у меня пару бешеных лошадей. Жду к себе еще пропасть гостей. На Фоминой приедет Суворин [6]. Обещает приехать Лейкин [7]. По сему случаю в мае начну строить флигель. Моим бедным гостям до такой степени тесно и нудно от шума, что флигель сей явится спасением.

В честь самых любимых наших малороссиян — Вас и Наталии Михайловны[8], и в память Богдана Хмельницкого повелели мы насос в колодце заменить хохлацким журавлем.

Извините великодушно: увидев на столе письмо Миши, адресованное Вам, я распечатал его, дабы вложить сие мое письмо, почтовой экономии ради.

Когда Вы приедете? Нам надо условиться насчет поездки на Кавказ.

Христо[су]юсь и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

4

13 мая [1892 г.] Мелихово [9].

Ваш овес взошел и хочет, чтобы Вы на него посмотрели. Отличный овес. На сих днях отправляем Вам мешки.

У нас жарко, зелено, пахнет ландышами, скрыгочуть и скавчуть всякие твари, и не верится, что когда то, во дни нашествия Александра Миргородского, было холодно. Кстати об Александрах[10]. Мой пожарный братец уже не редактирует «Пожарного» и поссорился с Шереметьевым [11]. Теперь уж он, если приедет, не будет командовать.

Сад наш цветет во всю [12], или вернее, уже отцвел. Пруд прозрачен и глубок. Огороды по разнообразию своему и счастливым всходам поразительны. Безденежье изумительное.

Весь апрель и начало мая были у нас жарки и сухи. Пророчили бестравие и неурожай хлебов. Теперь же идут дожди, и мое сельско-хозяйственное сердце радуется. Помилуйте, ведь если будет урожай, то мое имение даст около ста рублей дохода!

Мы с Мишей бываем часто во втором нашем участке, лесном (150 дес.).

Хотим в этой Чечевщине хутор строить. Место глухое, страшное, поэтическое, и хутор выйдет сказочный. Буду в нем жить, колдовать и стрелять лосей. Участок этот лет через 10—15 будет стоить очень дорого, теперь же ему цена грош. Бывший владелец сильно постриг его.

Посеяли мы 10 дес. овса + столько же клевера по овсу. 3 дес. картофеля. Немножко гречи, чечевицы и гороху. Рожь хорошо взошла, но много плешин от весенних морозов. Сии морозы сильно повредили и рожь, и деревья. Оттого, что жаркие дни сменялись лютыми морозами, кора на деревьях трескалась.

У нас издохли селезень, лошадь и еж, ловивший в амбаре мышей. Утки вдовствуют.

Вы писали, что деньги за овес получите при свидании, и таким образом подали нам надежду, что мы Вас скоро вновь увидим. Торопитесь. Главное, устройте так, чтобы Вам можно было пожить у нас недели две, или три. Если будет ясная погода, то север произведет на Вас самое хорошее впечатление. Поедем в монастырь, будем собирать грибы, которые уже показались... А пикники с московскими закусками? Нет, Вы обязаны приехать!

Спасите меня от кофейников! Кофейники все те же и податной инспектор (VI класса) [13] упорно мешает ложкой, уверяя меня, что я не в духе. Со смирением переношу сей деспотизм, но когда чиновная особа уезжает на службу, я бросаю умный кофейник и варю себе в простом.

Миша превосходно хозяйничает. Каждую минуту распекает кого-нибудь. Если б Вы послушали, как он пробирает плотников, маляров и проч. Без него я ничего бы не сделал.

Ну, будьте здоровы. Ждем!

Ваш *А. Чехов.*

Посылаю Вам фотографию, снятую в первый день Пасхи Левитаном [14]. У меня, как видно, вышел один только глаз.

Узнали Гиляровского? [15]

5

[1893 г.]

С новым годом
с новым счастьем!!!!
(на розовой бумажке)

Остаюсь преданная Вам Лопасня[16].

Публикуемые 5 писем А. П. Чехова адресованы к Александру Ивановичу Смагину.

С м а г и н Александр Иванович и его брат Сергей Иванович — родственники Линтваревых, в усадьбе которых близ Сум Харьковской губ. жил А. П. Чехов летом 1888 г. и 1889 г.; там же он познакомился с братьями Смагиными, неоднократно бывал и гостил в их усадьбе Бакумовка Полтавской губ. Миргородского уезда, близ Сорочинец. Свои посещения Смагиных А. П. Чехов описал в письмах к А. Н. Плещееву. «Прогостили мы у Смагиных 5 дней и уехали, давши им слово, что побываем еще раз в этом году и сто раз в будущем» (из письма к А. Н. Плещееву от 28 июня 1888 г.).

Обстановка и условия жизни на Украине удовлетворяли А. П. Чехова, и он стал мечтать о покупке в Полтавской губ. собственного хутора, переселении в него навсегда по состоянию здоровья. О своем желании Антон Павлович не раз писал А. И. Смагину. А. И. Смагин рекомендовал Чехову хутор Кублицкого близ Сум, но он оказался неподходящим. Не увенчались успехом и собственные хлопоты Чехова. Неудача постигла его и с покупкой хутора Яценко. Так продолжалось до тех пор, пока Антон Павлович не купил себе Мелихово в Серпуховском уезде. А. И. Смагин остался близок Чехову и позднее, переписывался с ним, приезжал к нему в Луку, в Москву и Мелихово и помогал ему налаживать сельское хозяйство.

Семь писем А. П. Чехова к А. И. Смагину напечатаны в III томе «Писем Чехова», под редакцией М. П. Чеховой, в 1915 г. и четыре письма — в книге «Несобранные письма», М. 1927.

[1] Я ц е н к о, владелец хутора на Украине. Хутор Яценко Антон Павлович намеревался купить вместе с Н. М. Линтваревой, о чем писал ей 18 января 1892 г., сообщая о том, что дважды заказывал доверенности: одну у нотариуса Иванова в Сумах и другую — у нотариуса Иванова в Петербурге, но Яценко раздумал продавать. «Очевидно, я создан в наказание но-

тариусам Ивановым, вероятно за то, что написал пьесу «Иванов».

[2] Из поездки по Нижегородской губ., куда ездил по голодным делам, А. П. Чехов вернулся совсем больным. «Должно быть, простудился в Нижнем, — объяснял он Е. П. Егорову, — после того как проспал ночь под тропически-горячим дыханием отдушины. Не могу ни сидеть согнувшись, ни писать, ни надевать сапоги. Просто беда».

[3] Уезжаю в Воронежскую губ.— С этой поездкой связано посещение Чеховым наиболее пострадавших от неурожая Нижегородской и Воронежской губ. и оказания им помощи. «Не хочется сидеть на одном месте. Когда вертишься, то как-то на душе покойнее» (из письма к А. С. Суворину от 10 января 1892 г.).

[4] Миша — Михаил Павлович Чехов (1865—1936), младший брат А. П. Чехова. Окончил Московский университет по юридическому факультету. В печати выступал под псевдонимами: М. Б-ский, Богимский, Максим Холява, Капитан Кук и М. Ч. Много работал в области детской литературы, сотрудничал в «Детском чтении», «Детском отдыхе», «Друге детей». Свои статьи, рассказы, стихи и юмористические произведения печатал в «Свете и тенях», «Новостях дня», «Будильнике» и «Русском сатирическом листке». Составил словарь сельских хозяев под заглавием «Закром», М. 1894 г., переизданный в 1907 г. под заглавием «Полная чаша». Работал над переводной литературой, главным образом с английского и французского языков, а также — в области драматургии. Его пьесы «Хоть ложись, да помирай», «Голубой бант», «За 20 минут до звонка», «Берегись гроба» и др. не раз ставились на провинциальной сцене. С 1896 г. по 1901 г. сотрудничал в ярославской газете; в 1897 г. издал два справочника: «Законы о евреях» и «Законы о промысловом налоге». Отдельными книгами выпустил повесть «Предсказание гадалки», СПб., 1903, «Сироты», СПб., 1905, и «Синий чулок», СПб., 1906. В 1905 г. выпустил вторым изданием сборник «Очерки и рассказы», за который, согласно рецензии почетн. акад. А. Ф. Кони, был удостоен почетного отзыва Академии наук. В 1907 г. основал иллюстрированный журнал «Золотое детство», где писал под псевдонимами: С. Вершинин, К. Треплев, М. Б-ский, М. Ч., Ирис, Кузнечик. В 1912 г. вышел сборник его рассказов под заглавием «Свирель», СПб., 1912.

М. П. Чехов — автор ряда работ об Антоне Павловиче: 1) биографический очерк А. П. Чехова в предисловии к шеститомнику писем А. П. Чехова, изданных сестрой писателя; 2) «Антон Чехов и его сюжеты», М., 1923, «Антон Чехов, театр, актеры и Татьяна Репина», М., 1924; 3) воспоминания «Вокруг Чехова», М., 1933; 4) «Антон Чехов на каникулах». Чеховский сборник, издание «Общества А. П. Чехова и его эпохи». В 1932 г., постановлением Совнаркома РСФСР ему назначена персональная пенсия; в мае 1936 г. М. П-ч был утвержден в должности консультанта по Чеховским изданиям при Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина.

[5] Ст. Лопасня Моск. Курск. ж. д., близ которой находилась усадьба Мелихово.

[6] Суворин Алексей Сергеевич. В апреле 1892 г. Суворин приезжал в Мелихово, которое ему «ужасно, ужасно не понравилось, — по словам Антона Павловича, — и мне оно при покупке не нравилось, но теперь я привык и к полю, и к деревьям, и к людям, и чувствую себя дома».

Многочисленные письма А. П. Чехова к Суворину напечатаны в I—IV тт. «Писем» под редакцией М. П. Чеховой, а также в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Изд. Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде. Л., 1927 г.

[7] Лейкин Николай Александрович (1841—1906), писатель-юморист.

Письма А. П. Чехова к Н. А. Лейкину напечатаны в I—IV тт. «Писем» под редакцией М. П. Чеховой, а также в книге «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке», СПб., 1907. «Письма А. П. Чехова» с 1883 г. по 1900 г.

[8] Линтварева Наталия Михайловна, одна из дочерей владельцев усадьбы близ Сум, где А. П. Чехов жил летом 1888 и 1889 гг. Н. М., по приглашению А. П. Чехова, неоднократно посещала Мелихово.

18 писем А. П. Чехова к Н. М. Линтваревой напечатаны во II—V тт. «Писем» под редакцией М. П. Чеховой.

[9] Мелихово — имение, находившееся в Московской губ. Серпуховского уезда при селе Мелихово; А. П. Чехов купил его в 1892 г. за 13 тысяч у Н. П. Сорохтина. Усадьбу эту Антон Павлович принял, — по его словам, «в грязном виде, все было ошарпано и оборбано», но затем благодаря неустанным трудам семьи Чеховых эта усадьба превратилась в культурный уголок с великолепным цветущим садом.

[10] Чехов Александр Павлович (1855—1913), старший брат Антона Павловича Чехова. Окончил физико-математический факультет Московского университета.

Печатался под псевдонимами сначала: Алоэ, Агафопод, Агафопод Единицын, позднее — А. Седой. Об Антоне Павловиче написал ряд воспоминаний: «Чехов в греческой школе». Вестн. Европы, кн. IV, 1907; «Чехов-певчий». Вестн. Европы, кн. X. 1907; «Антон Павлович — лавочник». Вестн. Европы, кн. XI, 1908; «Как и с кем учился Чехов». «Одесск. Новости» № 8012, 1910; «Первый паспорт А. П. Чехова». «Русск. богатство», кн. III, 1911; «В Мелихове» (страничка из жизни А. П. Чехова). «Нива» № 26, 1911.

С А. П. Чеховым состоял в большой переписке. См. «Письма к А. П. Чехову его брата Александра Чехова», изд. Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Соцэкгиз. 1939. Письма А. П. Чехова к брату Александру напечатаны в I—V тт. «Писем» под редакцией М. П. Чеховой; в данном письме Чехов Александр Павлович назван «пожарным братцем» по имени журнала «Пожарный», редактором которого он состоял в 1892 г.

[11] Шереметьев Александр Дмитриевич, издатель журнала «Пожарный».

[12] Сад наш цветет — насаждение сада — заветная мечта А. П. Чехова, о чем он писал Н. А. Лейкину 8 июня 1892 г., сообщая, что закупил к осени 100 кустов сирени и 50 дерев владимирской вишни, что придется посадить не менее 700 дерев. «Выйдет сад превосходный и лет через 8—10 мои наследники будут иметь с него хороший урожай».

[13] Податной инспектор IV кл. Михаил Павлович Чехов.

[14] Левитан Исаак Ильич (1861—1900), художник-пейзажист, товарищ Николая Павловича Чехова по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, близкий друг всей семьи Чеховых, «свой человек» в Мелихове. Высоко ценил «гениального Чехова» и внимательно следил за развитием его таланта.

[15] Гиляровский Владимир Алексеевич (1853—1935), писатель и журналист, приятель Чехова еще с молодых лет, когда вместе сотрудничали в мелкой прессе.

Много писал о Чехове: см. Сюжет рассказа «Злоумышленник» в «Чеховском юбилейном сборнике», М., 1910, «Мои скитания», изд. «Федерация», М., 1928; «Три забытых журнала» в альманахе «Сегодня», М., 1926; «Друзья и встречи», изд. «Советская литература», 1934, и др.

Одно письмо А. П. Чехова к Гиляровскому напечатано в III т. «Писем» под редакцией М. П. Чеховой, одно письмо в «Несобранных письмах», М., 1927.

[16] Шутливая подпись А. П. Чехова по имени станции.

В. М. ЧЕХОВУ

По поручению твоего брата Жоржа [1] посылаю тебе 17 рублей. Аксиос! [2]

Все здоровы.

Твой *А. Чехов.*

Мелихово,
Почтовый адрес: Лопасня Моск. губ.

Письмо адресовано к Владимиру Митрофановичу Чехову, двоюродному брату А. П. Чехова.

[1] Жорж — Георгий Митрофанович Чехов, родной брат Владимира Митрофановича и двоюродный брат А. П. Чехова.

[2] Аксиос — греческое слово — достоин.

Г. М. ЧЕХОВУ

1

6 октября [1894 г.] Ницца.

Милый Жоржик, вчера прислали мне из Аббации твое письмо. Оно до такой степени симпатично и трогательно, что я не удержался и послал его своим в Мелихово.

Я путешествую по малости. Был в Львове (Лемберге), Вене, Аббации, Фиуме, Триесте, Венеции, Милане, Генуе и наконец я в Ницце. Отсюда поеду я дня на 3—4 в Париж, а потом домой в Мелихово. По дороге остановлюсь для передышки в Берлине. Во всяком случае адресуйся теперь в Мелихово, где я безвыездно проживу всю зиму. Вот если бы ты был умником и приехал! Теперь у меня просторно стало [1] и, если захочешь уединения, то найдешь его. И Володю [2] пригласи.

Кланяйся маме и сестрам. Будь здоров. Крепко тебя обнимаю.

Твой *А. Чехов.*

2

1 ноября 1896 г. [Мелихово].

Милый Жоржик, я не успел поговорить о Сане[1], так как недолго прожил в Питере и никого не видел[2]. Опять поеду туда в конце ноября или в начале декабря и, быть может, наведу нужные справки.

Очень жаль, что ты не был в Петербурге. Пьеса[3] прошла очень шумно; одни ругали так, что небу было жарко, другие превозносили — и в общем подняли такой гвалт, что я вылетел из Питера, как бомба. Теперь я дома. Кланяйся своим и будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

3

9 сентября [1897 г. Биарриц].

Милый Жоржик, я за границей. Напиши мне, хотя бы 2—3 строчки, по адресу: France, Biarritz Hotel Victoria, à M-er Antoine Tchekhoff. (Можешь написать и без ff на конце, а просто Tchekhov). Здоровье мое довольно сносно и все обстоит благополучно. Напиши, как и что Володя, исполнил ли он мои поручения. Кланяйся тете и девочкам и будь здоров. Жму руку.

Твой *А. Чехов.*

4

15 апреля [1898 г. Париж].

Милый Жорж, я в Париже, отсюда поеду домой. Стало быть, благоволи адресоваться в Лопасню.

Если увидишь П. Ф. Иорданова[1], то скажи, что Антокольский[1] теперь в Париже и что поручение будет исполнено сегодня.

Поклонись маме, сестрам, Иринушке[2] и будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

5

20 сентября [1898 г. Ялта].

Милый Жорж, я теперь в Ялте. Напиши, как поживаешь, что Володя, как прошел юбилей[1] и проч. и проч. Книги, которые привезет Леля[2], отдай в Городскую Библиотеку[3]; между прочим прийдет IV том Шильдера «Имп. Александр Первый» — тут есть про Таганрог.

Погода в Ялте совсем летняя, квартира у меня очень хорошая, но живется скучно, по той причине, вероятно, что уже наскучило скитаться по белу свету. Будь здоров. Поклонись твоей маме, Сане и Володе, а также Иринушке. Жму руку.

Твой *А. Чехов.*

Ялта, дача Бушева.

6

2 ноября [1898 г. Ялта].

Милый Жорж, спасибо за письмо. По словам Маши[1], мать чувствует себя в ⟨Ялте⟩ Мелихове хорошо[2], и потому мы решили, что все останется по старому. Летние месяцы я буду проводить в Мелихове, на зиму же уезжать в Ялту. Тут в Ялте я уже купил себе клочок земли и начинаю строить логовище, приличное нашему чину и званию. Рассчитываю, что зимовать в Ялте будет со мной и мать. Дом будет теплый, хозяйственный, и жизнь здешняя похожа на таганрогскую: базарные бублики, айва и проч. — так что, надо полагать, матери понравится. Вид на море и на горы изумительный. Участок я купил по случаю, дешево и теперь уже мне дают за него вдвое. 22 минуты ходьбы от набережной.

Володю поздравляю и желаю ему дальнейших успехов. Тете, Сане и Леле низко кланяюсь. Маша утомлена и дурно спит. Она шлет свои привет тебе и всем твоим. Уезжает через 3 дня, я остаюсь один. Здоровье мое благоприлично, не верьте газетам[3]. Если зимой приедешь в Ялту, то я буду рад, устрою тебя здесь. Пока погода теплая, солнечная.

Твой *А. Чехов.*

7

26 марта [1899 г. Ялта].

Милый Жорж, я собрался ехать на пароход[1], но пришли три оболтуса приглашать на литерат. вечер,

сидели полчаса, и когда я поехал на мол, то пароход уже ушол.

Как ты доехал? Напиши пожалуста поподробнее. Вчера после твоего отъезда весь вечер сидели у меня гости; сегодня вечером я сам иду на ⟨вечер⟩ заседание комиссии — и так верчусь как белка в колесе.

Когда вернется П. Ф. Иорданов, то не замедли написать мне. У меня к нему есть дело.

Твоей маме, Сане, Леле и Володе привет. Жму руку. Будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

8

31 марта [1899 г. Ялта].

Милый Жоржик, около 5-го я уезжаю в Москву. Стало быть, до 15-го адресуйся в Москву, Малая Дмитровка, д. Владимирова, а после 15-го в Лопасню Моск. г. Побывай в Таганр. Вестнике или скажи в телефон, чтобы газету высылали мне в Лопасню.

Петушки посажены. Осенью посажу их тысячи. Дом все растет и растет.

Погода стала чудесной, с моря уже не дует сыростью, все так нежно и трогательно.

Будь здоров. Кланяйся всем.

Твой *А. Чехов.*

Дамы [1] тебя очень хвалят.

9

5 апреля [1899 г. Ялта].

Милый Жорж, мотай себе на ус следующее:

10-го апреля я уезжаю в Москву, где проведу страстную и всю Пасху. Адрес: Мал. Дмитровка, д. Владимирова. К первому маю поеду в Лопасню.

«Будильник» с «Ненужной победой» мне не нужен [1], ибо он у меня уже имеется. Будь здоров. Оба твоих письма получил и сердечно благодарю. Кланяйся дома всем.

Твой *А. Чехов.*

Здесь дует знойный ветерок, совсем жарко. Вчера был в Кучукое [2]: чудесно! !

10

9 апреля [1899 г. Ялта].

Милый Жорж, я к тебе с просьбой. У вас в Таганроге завелись металлургические и литейные заводы, а мне для моей ялтинской дачи нужен железный бак на 100—120 ведер, в $1^1/_2$ арш. вышины. Так вот наведи справку (хотя бы по телефону), можно ли такой бак сделать в Таганроге; если можно, то почем берут за пуд. И в Ялте делают вещи из котельного железа, но быть может в Таганроге это дешевле. Узнай, пожалуста, и пусть завод пришлет ответ моему подрядчику: Ялта, Лесной склад Прика, Бабакаю Осиповичу Кальфе. А ты мне ответь. Завтра уезжаю в Москву (Мл. Дмитровка, д. Владимирова), где пробуду все праздники. В Ялте жара июльская, не хочется уезжать. Кланяйся.

Твой *А. Чехов.*

11

23 апреля [1899 г. Москва].
Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Милый Жорж, поздравляю тебя с днем ангела и желаю всего хорошего. Насчет бака я ничего не могу решить, так как бак будет изготовляться по рисунку архитектора [1] и подрядчика [2], на которых возложена вся постройка. Нужно, чтобы завод послал смету подрядчику (Б. О. Кальфа, Лесной склад Прика, Ялта). Бак предназначается для воды, как часть водопровода; в него будет накачиваться вода (суточный запас). Пусть завод напишет подрядчику хоть стоимость, почем за пуд.

Саня была именинница? Поздравляю ее и кланяюсь. Будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

12

19 мая [1899 г. Мелихово].

Милый Жорж, ваша трестовская металлургия осрамилась. В Ростове у Немирова за решотку для забора с меня запросили в $1^1/_2$ раза больше, чем она стоит, бак же взялись делать в Ялте за более дешевую цену, хотя в Ялте нет ни руды, ни заводов с высокими трубами.

Я в Лопасне. Живем помаленьку. Холодно.

Если хочешь, то вот еще просьба. Наведи справку: как для нас выгоднее направлять из Лопасни в Ялту свой багаж — на Севастополь Ялта, или же Харьков Таганрог Феодосия Ялта? Что дешевле? Придется посылать много всякой всячины.

В июле, вероятно, я буду в Ялте. Там уже будет готова одна комната для меня. Если поеду в Кучукой, чтобы пожить там неделю — другую, или строить зàмок (это еще не решено), то напишу Володе, чтобы он приехал и вышлю ему на дорогу. Если ему понравится в Кучукое, то буду очень рад. Это изумительное место по красоте, нечто невиданное, но жить одному, особенно такому молодому, как Володя, там скучновато; нужна компания.

В Ялте, как пишут, в полном цвету розы. Лето в разгаре.

Поклонись своей маме, Сане, Леле и о. Владимиру [1], а также Иринушке. Будь здоров и весел.

Твой *А. Чехов.*

13

2 июня [1899 г. Мелихово].

Ты молодец, милый Жоржик. Я непременно воспользуюсь твоими указаниями и наверное выгадаю немало. И так, да здравствует Азовская Гавань! [1] Вещей будет много.

Я занят постройкой школы [2], чтением корректуры, которую присылает мне Маркс [3] в количестве невероятном, — и в Крым попаду не ранее 15-го июля, а то и позже. Живем в Мелихове, хлопочем, и в тоже время продаем Мелихово, и выходит какая то путаница. К тому же холод собачий. Если бы не постройка, то я удрал бы. Из Ялты пишут, что дом подвигается, уже кладут крышу; все деревья, которые я посадил, принялись. Пишут, что вид с верхних балконов чудесный. Бедный Кучукой заперт. Когда Володя будет в Крыму? Я напишу, чтобы его препроводили в Кучукой. Пусть поживет среди скал и кстати пусть попостит, ибо мяса там нет. Боюсь, что без общества он там соскучится. Это ведь в 30 верстах от культуры [4]. Зимой в Художеств. театре пойдет «Дядя Ваня». Я видел на репетиции два акта, идет замечательно. Вот приезжай ка. Поклон всем.

Твой *А. Чехов.*

14

8 июня [1899 г. Мелихово].

Милый Жорж, я уже воспользовался твоими указаниями: сегодня послал в Ялту 16 пудов книг и домашних вещей через Азовскую Гавань в Ялту. Спасибо тебе тысячу раз! Отныне всем своим знакомым поведаю сей секрет — посылать в Крым через Азовскую Гавань, о существовании которой до сих пор не знал никто, кроме тебя.

Получил от Володи письмо из какого то Баталпашинска [1]. Пишет, что приедет в Ялту. Очень радуюсь, но боюсь, как бы мы не разминулись. Пусть сообщит возможно точно, какого числа он будет в Ялте. Я попаду туда около середины июля, — вероятно.

У нас было очень холодно, потом дня два было жарко, а сегодня опять холодно.

Поганое лето.

Писал ли я тебе, что мы наконец решили продать Мелихово? Решили и ждем покупателей. В объявлениях мы заломили такую цену, что самим теперь страшно.

Ну будь здоров. Поклонись маме, девочкам и Иринушке.

Жму руку.

Твой *А. Чехов.*

15

20 июня [1899 г. Мелихово].

Милый Жорушка, я пишу опять с тем, чтобы наскучить тебе просьбой. Дело в том, что я покупал у Бодри [1] вещи для Ялты, Бодри не понял меня и отправил вещи в Таганрог. Не в службу, а в дружбу, будь отцом благодетелем, поручи какому нибудь фараону взять вещи в Азовской Гавани и доставить их в Ваше агентство для дальнейшего препровождения. Вещи легкие. Уплати, что следует, и всю сумму, какую истратишь, я уплачу тебе са-

мым честным образом, только напиши мне. А если хочешь, то на всю истраченную тобою сумму наложи платеж. Вещи пошли малою скоростью в Ялту И. А. Синани [2] и напиши ему, что это для меня.

Заранее благодарю за хлопоты и извиняюсь неистово.

Как поживаешь? На днях вернулся из Петербурга [3]. Там холодно.

Поклонись всем и будь здоров и весел.

Твой *А. Чехов.*

16

22 августа [1899 г. Ялта].

Милый Жорж, я уже в Ялте, в собственном помещении. Мать и сестра приедут сюда 5-го сентября.

Прости, я опять хочу беспокоить тебя поручением. Дело в том, что в Ялте цветочные горшки дороги, а в Таганроге дешевы. Будь добр, при случае купи мне сотню или две сотни самых маленьких горшков (в 1—$1^1/_2$ вершка вышиной) и полсотни средних и по десятку разной величины по твоему усмотрению и вышли мне грузом, налож. платежом. Нужнее всего самые маленькие горшки хотя бы меньше вершка — это чтобы пробовать всхожесть семян. Если поблизости где нибудь есть горшечный (гончарный) завод, то закажи на заводе. Ты справься у кого нибудь, не торопясь.

Хорошо бы также получить из Таганрога в последнюю навигацию соленых арбузов, небольшой боченок. Нельзя ли купить где нибудь? Обмозгуй сие и черкни, а я за это исполню дюжину твоих поручений. Поклонись тете, Володе и девочкам.

Будь здоров

Твой *А. Чехов.*

17

[4 марта 1900 г. Ялта].

Милый Жорж, получил твое письмо, спешу ответить. Весь март я буду дома, т. е. в Ялте. Приехав, нанимай извощика в Верхнюю Аутку; за мечетью, моя дача. От пристани извощики берут 80 к. — это самое дорогое. Если дня за два или за три уведомишь письмом, или телеграммой, то встретим, приготовим комнату.

Будь здоров, кланяйся.

Твой *А. Чехов.*

18

16 октября 1900 г. [Ялта].

Милый Жоржик, на этой неделе в субботу я уезжаю в Москву, оттуда за границу. Мой адрес: Москва, Мл. Дмитровка, д. Шешкова — так все время, впредь до моего возвращения в Ялту, которое произойдет вероятно весной будущего года.

Будь здоров и счастлив. Поклон маме, Володе, сестрам и Иринушке. Здоровье мое добропорядочно, а твое, надеюсь, — великолепно.

Крепко жму руку.

Твой *А. Чехов.*

19

[27 января 1901 г. Флоренция].

Милый Жоржик, пишу тебе из Флоренции, где я в настоящее время пребываю. Спасибо тебе за письмо и за поздравление с ангелом, желаю тебе, твоей маме, сестрам и Володе всего хорошего, всего самого лучшего. Здесь тепло, как бывает в Таганроге в апреле. Сегодня приехал я сюда из Пизы, пробуду здесь дня два, а потом в Рим и Неаполь — и в конце концов, вероятно, летом в Ялту, причем, уповаю, удастся заглянуть на о. Корфу. Будь здоров, голубчик, не забывай, пиши почаще. Всем твоим поклон, Иринушке также. Поклонись и Марфочке [1].

Воскресенье

Твой *А. Чехов.*

20

24 июня 1901 г. [Аксёново].

Милый Жорж, я на кумысе, в Уфимской губ., куда и напиши мне несколько строк по адресу:

Аксеново Уфимск. губ.

Пью кумыс по многу и уже прибавился фунтов на десять. И это не лишнее, так как в последнюю зиму здоровье мое было не важное.

Нового ничего, кроме разве того, что тебе уже известно, т. е. что я уже женат [1]. Жена моя Ольга [2], кста-

№ 1901

Аттестатъ

Сего февраля 24 дня осмотрена мною подушка черного атласа размером приблизительно ½ арш. в квадрате. Подушка с вышивкой из натуральных крепановых цветов среди коих помещается овал так-же крепановой вышивки. В овале сюжет буколического содержания в две фигуры (т. е. силуэт собаки*) пастушка разговаривающая с пастушком на заднем плане часть кустов и дерево.

Все сие в общем крепановая вышивка по черному фону атласа, красивый шнур по краям подобрано с отменным вкусом и тщательностью. Особенно хороши цветы и сюжет.

Вообще всё хорошо о чем и свидетельствую своим подписом. Да! вообще всё хорошо!!

Да хорошо.

Классный художник Иван Янов

Ф. Шехтель

Вышитая мною подушка у Н. П. — прекрасна в чем и удостоверяю своею подписью

Классный художник Н. Чехов

* или, вернее, козочки

Аттестат, выданный Е. К. Марковой в 1885 г. за подписями-автографами: А. Янова, Ф. Шехтеля, Я. Турлыгина, Л. Пальмина, Н. Чехова, А. Чехонте

Мило, изящно, грациозно. Эта подушка достойна того, чтобы на ней преклонил утомленную ну кто – сам не знаю; но кроткий добрый всей отрадой [illegible]. Л. Пальмин

Будучи приглашен для оценки подушки, в отношении художественного вкуса, которую и нашел удовлетворительной, в чем и подписуюсь.

Н. Чехов
/85

P. S.

Жизнь моя состоит из целого ряда огорчений, хотя я сам вовсе не „огорченный“ человек. Прежде чем коснуться пером этого священного листа, злая судьба отдала его в руки невежд, не умевших оценить великое произведение великой художницы, настолько великой, что вышила на изображенную ею руками собачку, помимо предоставления этой собачке видеть и кошечку. Два художественных произведения сразу и такие холодные панегирики!..

Если бы меня не ограничивали и мое перо было первым на этом листе, то я мог бы достойно воспеть великую художницу, заставляющую, могущую ее произведениями любоваться всех и успокаивающую тех знаменитостей в лице поэтов, художников и проч., на долю которых выпало так много страданий. Сентиментально и умно. Прошу извинить, потому и умолкаю.

Художник Н. Чехов
/85

Аттестат, выданный Е. К. Марковой в 1885 г. за подписями-автографами: А. Янова, Ф. Шехтеля, Я. Турлыгина, Л. Пальмина, Н. Чехова, А. Чехонте. (Продолжение)

Аттестат, выданный Е. К. Марковой в 1885 г. за подписями-автографами: А. Янова, Ф. Шехтеля, Я. Турлыгина, Л. Пальмина, Н. Чехова, А. Чехонте. (Окончание)

Библіотека А. И. ЭРТЕЛЯ

Ан. П. ЧЕХОВЪ

ВЪ СУМЕРКАХЪ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1895

Александру Ивановичу Эртелю, ходившему со мной в маскарадъ.
А. Чеховъ 97 25/II

Тамбовскому помѣщику от клиента Московскаго Земельнаго Банка — на добрую память.

Два автографа А. П. Чехова на книгах, подаренных А. И. Эртелю в 1897 г. и заглавный лист сборника А. П. Чехова «В сумерках». 1895 г.

ти сказать, кланяется тебе и вместе со мной шлет привет твоей семье. Будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

21

18 сентября 1901 г. [Ялта].

Милый Жорж, письмо твое получил на пароходе, когда уезжал из Ялты, а пишу тебе сие из Москвы (Спиридоновка, д. Бойцова).

Селиванов [1] только пугает Вас; он ничего не может сделать, так как уже прошла десятилетняя давность. Если в течение 10 лет он не вчинил исков судебным порядком, то теперь уже поздно судиться. Только, пожалуста, не пиши и не подавай никуда никаких бумаг, а если случится что, то пиши только мне. Кланяйся своей маме, сестрам, Володе и Иринушке. Нового ничего нет, все по старому. Мать осталась в Ялте. Желаю тебе всего хорошего, а главное здоровья.

Твой *А. Чехов.*

22

1 сентября [1902 г. Ялта].

Спасибо, милый Жоржик, за хлопоты. Только ты забыл написать, сколько тобой потрачено. Напиши непременно, буду ждать.

Жена под Москвой на даче, я в Ялте, покашливаю.

Будь здоров и весел, поклонись своим. Спасибо за фотографию.

Твой *А. Чехов.*

23

1 января 1904 г. [Москва].

С Новым годом, с новым счастьем, милый Жорж!

Желаю тебе куль червонцев и великолепнейшего настроения духа.

Я здоров, здоровее, чем был в Ялте. Крепко жму руку.

Твой *А. Чехов.*

24

25 января 1904 г. [Москва].

Милый Жоржик, напиши мне, какие журналы и газеты получаются теперь у нас в доме. Сообщи бабушке [1] и Арсению [2], что мать скоро приедет в Ялту (о дне ее приезда извещу Арсения телеграммой), а вскоре после нее приеду и я.

И так, буду ждать от тебя письма.

Крепко жму руку, будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

25

4 февраля 1904 г. [Москва].

Милый Жоржик, сообщи Арсению, что мамаша приедет в Ялту 15 февраля, в воскресенье, а я 17-го во вторник. Уповаем, что в доме не будет холодно.

Прилагаемую накладную посылаю. Так как груз не приедет раньше меня (ведь малая скорость), то не посылаю денег на расходы при получении. Это письменный стол.

Почтовую повестку вручи Арсению.

Будь здоров, голубчик, поклонись знакомым, не скучай. Крепко жму руку.

Твой *А. Чехов.*

26

11 февраля 1904 г. [Москва].

Милый Жорж, мать выезжает из Москвы 14-го февраля, в субботу, почтовым поездом; я выеду в воскресенье 15-го, курьерским. Приедем все во вторник, мать на лошадях, я на пароходе. С нами приедет собака Шнапс.

Будь добр, скажи Арсению, чтобы он заявил почтовому чиновнику (Бондареву), что я скоро приеду и что поэтому, стало быть, высылку корреспонденции в Москву надо прекратить. Если будешь на набережной, то зайди в редакцию «Крымского Курьера» и скажи, чтобы газету высылали мне не в Москву, а по прошлогоднему — в Ялту.

Нового ничего. Все благополучно. Желаю тебе всего хорошего, обнимаю тебя крепко.

Твой *А. Чехов.*

Скажи Арсению, чтобы он встретил мамашу на почтовом дворе; она приедет на мальпосте.

Георгий Митрофанович Чехов — двоюродный брат писателя, старший сын Митрофана Егоровича Чехова, брата отца. Семьи братьев были всегда дружны, и письма А. П. Чехова к Митрофану Егоровичу выражают большое уважение и привязанность к дяде: «Помните, что Вы у нас единственный и другого такого близкого родственника у нас не было и не будет», писал он в 1886 г.: «Дело не в том, что Вы родной дядя, а в том, что мы не помним того времени, когда бы Вы не были нашим другом». (Письма, т. 1, изд. 2-е, стр. 221.)

Георгий Митрофанович был на много моложе писателя, но это не мешало Антону Павловичу ценить и уважать его. Георгий Митрофанович рано начал работать, и Антон Павлович, посетив в 1887 г. Таганрог и присмотревшись к двоюродному брату, ставшему взрослым, писал ему по возвращении в Москву: «Я старший брат, но не жди от меня наставлений; после того, как я увидел твой образ жизни, твой труд и твою выносливость, не поднимается моя ленивая рука давать тебе житейские советы. Оставайся таким, каков ты есть». (Письма, т. 1, изд. 2-е, стр. 379.)

Переписка их не была очень оживленной, но все же сохранилось свыше 50 писем А. П. Чехова к Георгию Митрофановичу. Из них 41 письмо хранится в настоящее время в Отделе рукописей нашей библиотеки. 26 писем было опубликовано в шеститомном издании, из них — 15 писем нашего собрания, остальные имеющиеся у нас, публикуются в настоящем сборнике.

Большинство писем написано на открытках. На обороте адрес: Таганрог, Конторская ул., собственный дом. На письме от 24 июня 1901 г. указана улица Елизаветинская. Письма 1904 г. адресованы в Ялту на Агентство русского общества пароходства и торговли.

В годы публикуемой здесь переписки Георгий Митрофанович служил в Агентстве Русского общества пароходства и торговли первоначально в Таганроге, а с 1903 г. — в Ялте.

В настоящее время, продолжая работать в той же области, он живет в Ростове н/Дону.

Семья адресата, упоминаемая в публикуемых письмах А. П. Чехова, состояла из матери Людмилы Павловны, сестер Александры Митрофановны и Елены Митрофановны, в те годы еще девочек, и младшего брата Владимира Митрофановича. Митрофан Егорович умер в начале сентября 1894 г.

1

Датируется по заграничной поездке А. П. Чехова, совершенной им вместе с А. С. Сувориным, маршрут которой приводится в письме. Поездка длилась всего около 5 недель, с 9 сентября по 15 октября 1894 г.

[1] А. П. Чехов подразумевает отстроенный летом 1894 года флигель в Мелихове, предназначенный для гостей-мужчин и разгрузивший большой дом усадьбы.

[2] Чехов Владимир Митрофанович, младший брат адресата, в то время ученик семинарии.

2

[1] Чехова Александра Митрофановна, сестра адресата.

[2] А. П. Чехов пробыл в Петербурге в этот приезд только около недели, с 10—12 октября по 18 октября.

[3] Пьеса — «Чайка», поставленная впервые в Александринском театре 17 октября 1896 г. и «провалившаяся».

3

Датируется по почтовому штемпелю.

Это письмо и следующее относятся к пребыванию А. П. Чехова за границей в течение зимы 1897/98 г., длившемуся 8 месяцев, с первых чисел сентября до начала мая.

4

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Иорданов Павел Федорович и Антокольский Марк Матвеевич, — см. выше, письма А. П. Чехова к П. Ф. Иорданову и примечания к ним, стр. 7—8.

[2] Иринушка — домашняя прислуга семьи М. Е. Чехова, жившая у них очень долго.

5

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Юбилей по поводу 200-летия основания Таганрога Петром I.

[2] Чехова Елена Митрофановна, сестра адресата.

[3] См. выше примечания к письмам к П. Ф. Иорданову, стр. 8.

6

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Чехова Мария Павловна.

[2] После смерти П. Е. Чехова Антон Павлович волновался, не будет ли Е. Я. Чехова чувствовать себя слишком тяжело в опустевшем Мелихове. Но в первое время она держала себя бодро, и казалось, что она справится.

[3] 24 октября в газете «Новости» была напечатана телеграмма из Ялты о том, что здоровье А. П. Чехова ухудшилось. (См. об этом письмо А. П. Чехова к И. П. Чехову от 26 октября 1898 г. Письма, т. V, стр. 244—245.)

7

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Провожать уезжавшего из Ялты Г. М. Чехова.

8

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Ялтинские знакомые А. П. Чехова, познакомившиеся с Г. М. Чеховым во время его пребывания в Ялте.

9

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] А. П. Чехов подготовлял в это время собрание своих сочинений для издания А. Ф. Маркса и собирал старые журналы и газеты, в которых печатались его ранние произведения.

[2] Кучукой — небольшое имение на южном берегу Крыма, которое приобрел А. П. Чехов в начале декабря 1898 г. (См. Письма, т. V, стр. 271, 285 и след.)

10

Датируется по почтовому штемпелю.

11

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Шаповалов Лев Николаевич.

[2] Кальфа Бабакай Осипович.

12

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] «Отцом» Владимиром называет А. П. Чехов в шутку своего двоюродного брата Владимира Митрофановича Чехова, как будущего священника.

13

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] В ответ на запрос А. П. Чехова о наиболее дешевом способе пересылки вещей из Мелихова в Ялту Г. М. Чехов рекомендовал Азовскую Гавань.

[2] Заканчивалась постройка школы в Мелихове.

[3] Маркс Адольф Федорович, см. выше письма А. П. Чехова к Марксу А. Ф. и примечания к ним.

[4] Кучукой находится в 35 верстах от Ялты, которая и подразумевается под словом «культура».

14

Датируется по связи с предыдущим письмом.

[1] Баталпашинск — город на северном Кавказе.

15

Датируется по связи с предыдущими письмами.

[1] Бодри — магазин хозяйственных принадлежностей в дореволюционное время.

[2] Синани Исаак Абрамович — владелец книжной лавки в Ялте. У него обычно встречались все литераторы, жившие и приезжавшие в Ялту. С А. П. Чеховым он был в хороших отношениях и оказывал ему много посильных услуг. (См. Письма, т. V—VI.)

[3] В Петербурге А. П. Чехов пробыл между 2 и 16 июня.

16

Датируется по почтовому штемпелю.

17

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Верхняя Аутка была деревней, прилегавшей к г. Ялте. Позднее влилась в город и стала называться Аутской улицей. В настоящее время переименована в Чеховскую улицу.

19

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Морозова Марфа Ивановна, тетка А. П. Чехова, со стороны матери.

20

[1] А. П. Чехов женился 25 мая 1901 г.

[2] Книппер-Чехова Ольга Леонардовна, актриса Московского Художественного театра, в настоящее время народная артистка СССР.

21

[1] Селиванов — таганрогский домовладелец, в 1879 г. купивший с торгов дом П. Е. Чехова. В 1876—1879 гг., когда вся семья переселилась в Москву, а Антон Павлович остался в Таганроге для окончания гимна-

зии, он давал уроки в семье Селивановых и ездил летом в имение брата Селиванова.

22

Датируется по почтовому штемпелю.

24

[1] Бабушка — прислуга Чеховых в Ялте.

[2] Арсений — дворник при доме А. П. Чехова в Ялте.

М. М. ЧЕХОВУ

30 ноября [188]2 года.

Любезный брат
Михаил Михаилович!

Имею честь и удовольствие поздравить тебя с днем твоего Ангела и пожелать тебе всевозможных благ. Твоей семье кланяюсь и поздравляю ее с именинником. Очень жалею, что за неимением времени, не могу поздравить лично.

Искренно уважающий и всегда готовый к услугам

А. Чехов.

Письмо адресовано к Михаилу Михайловичу Чехову, двоюродному брату Антона Павловича Чехова, сыну его родного дяди Михаила Егоровича Чехова. Он служил в приказчиках у московского купца Гаврилова, который прозвал его Чоховым. В семье Чеховых пользовался большим авторитетом как старший брат; несмотря на значительную разницу в летах, первый написал Антону Павловичу, когда он был еще гимназистом 5 класса, письмо с предложением дружбы. — «Вы протягиваете мне руку брата, — писал ему в ответ Антон Павлович 7 декабря 1875 г. — с чувством достоинства и гордости я пожимаю ее, как руку старшего брата». Антон Павлович познакомился с ним во время первой поездки в Москву в 1877 г., на каникулах.

Дату настоящего письма установить не удалось.

11 писем Антона Павловича к М. М. Чехову напечатаны во II т. «Писем» под редакцией М. П. Чеховой и два письма в «Несобранных письмах». М. 1927.

Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

Милая Таня, драгоценная девочка, я заболел сразу пятью тифами и изнемог от желаний. Не могу прибыть. Простите.

Миллион поцелуев! ! !

А. Чехов.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (род. 1874 г.), писательница, поэтесса, беллетристка, переводчица, мемуаристка; правнучка знаменитого актера М. С. Щепкина; была в дружественных отношениях с Чеховым; ее воспоминания о Чехове — «В юные годы» (сборник «А. П. Чехов», Атеней, 1925) и в книге «Дни моей жизни», 1928; теперь заслуженный деятель искусств.

Письмо-секретка, без даты.

АВТОГРАФЫ А. П. ЧЕХОВА НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ А. И. ЭРТЕЛЮ.

1

Александру Ивановичу Эртелю от автора.

А. Чехов.

Автограф на предтитульном листе книги «А. П. Чехов. Пестрые рассказы». Издание седьмое. СПБ. изд. А. С. Суворина. 1895 г.

Автограф на титульном листе книги «Ан. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы». Издание восьмое. СПБ. Изд. А. С. Суворина. 1895 г.

2

Тамбовскому помещику от клиента Московского Земельного Банка на добрую память.

3

Александру Ивановичу Эртелю, ходившему со мной в маскарад.

А. Чехов.

Автограф на предтитульном листе книги: «Антон Чехов. Рассказы». Издание шестое. СПб. Изд. А. С. Суворина. 1896 г.

Автографы помечены одной датой 1897 г. 25 февраля.

Все три книги находятся в библиотеке Отдела рукописей. Об А. И. Эртеле см. ниже его «Письма к А. П. Чехову».

№ 1201

Почтовая марка
в 1 копейку

АТТЕСТАТ

Сего февраля 24 дня осмотрена мною подушка черного атласа размером приблизительно $1/2$ арш. в квадрате. Подушка с вышивкой по наложенным кретоновым цветам, среди коих помещается овал, также кретоновый, вырезанный в овале сюжет — буколического содержания в две фигуры (не считая собаки*), пастушка, разговаривающая с пастушком, на дальнопланной части — кусты и деревья. Все сие в общем — кретон, вышивка шелком, черный фон атласа, красный шнур по швам, подобрано с отменным вкусом и тщательностью. Особенно удачно вышли цветы. Вообще все хорошо, о чем и свидетельствую своим подписом. Да, вообще все хорошо... да, хорошо...

Классный художник *Янов Александр.*

И я также *Ф. Шехтель.*

Виденная мною подушка у А. П. — прекрасна, в чем и удостоверяю своею подписью.

Классный художник *Я. Турлыгин.*

Мило, изящно, грациозно. Эта подушка дос[тойна] того, чтобы к ней преклонил утомленную [голову] — ну кто, сам не знаю, но вообще человек, [с] своей стороны достойный.

Л. Пальмин.

Будучи приглашен для оценки подушки, в отношении художественного вкуса, которую и нашел удовлетворительной, в чем и подписуюсь.

Н. Чехов 85.

Жизнь моя состоит из целого ряда ограничений, хотя я сам не «ограниченный» человек. Прежде, чем коснуться пером этого священного листа, злая судьба отдала его в руки невежд, не умевших оценить великое произведение великой художницы, настолько великой, что глядя на изображенную ее рукой собачку, помимо представления этой собачки, видишь и козочку. Два художественные произведения сразу, и... такие холодные панегирики!.. Если бы меня не ограничивали и мое перо было первым на этом листе, то я мог бы достойно воспеть великую художницу, заставляющую, любуясь ее произведением, любоваться и успокаиваться тех знаменитостей в лице поэтов, художников и проч., на долю которых выпало так много страданий. Сантиментально и умно! Прослезился, потому и умолкаю.

Художник *Н. Чехов* 85.

Подушка, поднесенная мне девицею Елизаветой Константиновной Марковой, 26 лет, православного вероисповедования, найдена мною верхом совершенства и венцом всех существующих под луной подушек. Целую означенной девице (26 лет) ручку.

А. Чехонте.

Даны сии атт[естации...] при громких криках [ура]. А при сих атт[естациях] печать.

Пошлины государственной взыскана одна копейка серебром.

«Аттестат» этот хранился больше 50 лет у Е. К. Марковой (по мужу Сахаровой), знавшей А. П. Чехова в начале его литературной деятельности. Два его письма к ней были мной опубликованы в «Литературной газете» (1939, 15 июля). В своих воспоминаниях о знакомстве с Чеховым (еще не опубликованных) Е. К. Сахарова говорит, что в их семье ценили Чехова не только как писателя, но и как талантливого врача. Чтобы выразить ему благодарность за многократную медицинскую помощь, Е. К. вышила ему подушку на диван в его кабинете, за что и получила этот аттестат. На аттестате подписи А. П. Чехова (А. Чехонте), его брата Н. П. Чехова (1858—1889), талантливого художника, рано погибшего от

* Или может козочки.

чахотки, поэта Л. И. Пальмина (1841—1891), а также друзей и товарищей Николая П. Чехова по училищу живописи, ваяния и зодчества — А. С. Янова (впоследствии известного художника-декоратора Александринского театра), Я. П. Турлыгина (художника-иллюстратора) и Ф. О. Шехтеля (1859—1926), тогда сотрудника-рисовальщика юмористических журналов, впоследствии известного архитектора, академика.

Последние строчки аттестата — рукой А. П. Чехова.

Подлинник аттестата не в полной сохранности; о некоторых словах и окончаниях слов в надписях, сделанных рукой Л. И. Пальмина и А. П. Чехова (поставленных в квадратные скобки), можно было догадаться по смыслу текста.

Сообщил *А. Р. Эйгес.*

ПИСЬМА к А. П. ЧЕХОВУ

В настоящем выпуске «Записок» мы печатаем избранные письма к Чехову, по преимуществу письма к нему литераторов — современников Чехова. Наиболее интересные и значительные по содержанию письма писателей к Чехову были уже напечатаны в изданном в 1914 г. под редакцией М. П. Чеховой сборнике «Слово» (№ 2). Письма к Чехову В. Г. Короленка были уже изданы отдельной книжкой в 1923 г.; библиотекой им. Ленина подготовлены к печати письма к Чехову Н. А. Лейкина и В. В. Билибина и изданы в 1939 г. письма к Чехову его собрата Александра. Имена большинства корреспондентов, письма которых мы печатаем, в настоящее время уже забыты — за немногими исключениями это имена второстепенных писателей; письма их характеризуют, однако, литературное окружение Чехова. Мы выбирали из обширной переписки лишь те письма, которые имеют прямое отношение к Чехову, как писателю и человеку, содержат отзывы корреспондентов об его творчестве, об его повестях и рассказах, об его пьесах и их театральных постановках; как резонанс на творчество великого писателя, письма эти имеют несомненный историко-литературный интерес. Письма Я. Л. Барскова, П. И. Куркина, В. М. Лаврова, Г. А. Русанова, В. М. Соболевского, И. Л. Толстого и В. Г. Черткова подготовлены *И. В. Федоровым.* Остальные письма подготовлены *А. Р. Эйгесом.*

С. А. АНДРЕЕВСКИЙ

1

23 декабря 1891 г.

Очень мило! «Дайте мне ваши речи, я — любитель уголовных процессов». «Пришлите стихотворения на адрес Суворина [1], — я их прочту». Все сделано. Ни слова [2]. Есть очень простое объяснение: обо всем этом ни думать, ни говорить не стоит. Согласен с Вами заранее. Слава богу, если обо всех нас можно хотя немножко подумать, а уж говорить, — положительно не стоит. Но я все-же прошу, чтобы Вы обменялись со мною Вашими произведениями. У меня есть только: «В сумерках» [3] — красивая и умная книжка.

Ваш С. *Андреевский.*

2

4 января 1893 г.

Очень, очень досадно, дорогой Антон Павлович, что вы задумали это уничтожение. К добру-ли это? Если вы довели дело до набора, значит там было наверное хорошее. Не раздумаете-ли? Оставляете-ли у себя корректурные листы [4], или отправляете их в Москву? Если они еще у Вас, то пришлите мне все в теперешнем виде. Во всяком случае, дайте готовые две главы.

Хотел бежать к вам, но узнал от детей, что у Сувориных корь, а у меня есть маленький мальчишка. Отделены-ли вы и безопасны-ли ваши рукописи? — Еще раз прошу, дайте теперь-же все, что возможно: у меня как раз сегодня свободны вечерние часы.

Не торопитесь домой и не хандрите. В вашей простуде нет ничего рокового: покашляете с недельку, а там веселее будет. Вы — молодец.

Ваш С. *Андреевский.*

3

5 января 1893 г. Вторник.

Заходил к вам, а вы уже гуляете! Рассказ очень хорош и я непре-

менно желаю получить продолжение. Боюсь, что вы мудрите с поправками: многие ваши зачеркивания нашел неудачными. Кажется, вы в неблагоприятном настроении для хорошей переделки. Лучше оставьте, как оно есть, и пришлите мне все остальное сегодня. Я прочту на-ночь и завтра утром. В четверг, у Варв. Ив.[5], скажу вам откровенное мнение и прочту лишь безусловно законченное.

Ваш С. *Андреевский.*

Андреевский, Сергей Аркадьевич (1847—1918) — знаменитый адвокат-криминалист, судебный оратор, поэт-эстет, литературный критик. Был товарищем прокурора, но вышел в отставку, отказавшись выступить обвинителем по делу Веры Засулич; автор «Защитительных речей», книги лирических стихотворений и сборника критических статей «Литературные очерки». В 4-м издании (1913 г.) «Литературных очерков» статья о Чехове: «Чехов демократизировал поэзию; он перехватил в свои руки бедняка демократа угасавший факел поэзии, считавшейся в те годы пустой бутафорией дворянской литературы; бедняк демократ он разжег факел до яркого пламени»; «Чехов вырос в демократической среде и был с головы до ног естественным, сильным художником; произошло небывалое в нашей литературе слияние демократизма с поэзией»; «писатель особенный, с обширным содержанием и едва ли повторимый, он будет вечным; правдивый изобразитель всех слоев общества; все уголки жизни, все ее радости, горести, мучения — все затронуто его рукой...» Одно письмо Чехова к А. — в сборнике «Чехов. Несобранные письма», 1927 (ответное — на первое письмо А.).

¹ Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912), писатель, драматург и журналист, в молодости либерал, позднее издатель реакционной газеты «Новое время» и «Исторического вестника». Книгоиздатель. Письма Суворина к Чехову не сохранились. Письма Чехова к Суворину — очень интересная часть эпистолярного наследства Чехова. Чехов напечатал в «Новом времени» много рассказов в 1886—1892 гг.; Суворин издавал томики рассказов Чехова. Отношения их были очень дружественные. После дела Дрейфуса и вообще в связи с общественным подъемом и ростом общественного сознания Чехова отношения их (и переписка) почти прекратились.

² В своем ответном письме Чехов писал: «...в Вас есть та самая раздражительность, которая свойственна только богам, поэтам и очень красивым, избалованным женщинам. Трем богиням понадобилось мнение пастуха... так и Вам захотелось моей критики. Доказательство, что Вы поэт... Ваши книжки я прочел внимательно и с удовольствием... Я пробовал писать, но выходило что то газетное, à la Скабичевский...»

³ «В сумерках» — третий сборник рассказов Чехова, изданный Сувориным в 1887 г. Сборник посвящен был писателю Д. В. Григоровичу; содержит 16 рассказов, напечатанных в 1886—1887 гг., в «Петербургской газете» (3 рассказа) и «Новом времени» (13 рассказов). В 1888 г. Академия наук присудила Чехову за этот сборник Пушкинскую премию в 500 руб.

⁴ «Рассказ неизвестного человека» печатался в «Русской мысли», II и III. 1893.

⁵ Икскуль-фон-Гильденбандт Варвара Ивановна (1854—1929), благотворительница и издательница популярных книг, председательница о-ва для усиления средств женского медицинского ин-та и пр.; об ее «салоне» — см. Г. Брандес (т. 19) и П. П. Перцов — «Литературные воспоминания» (1930).

К. С. БАРАНЦЕВИЧ

7 февраля 1889 г.

Дорогой Антон Павлович,

Сейчас только был у меня опять бедняга Гулин. Ну, что мне с ним делать, — просто ума не приложу. Посылаю я его и туда и сюда, и ничего из этого не выходит. Жаль, конечно, что у Суворина не выгорело, — но на нет, как говорится, — и суда нет.

...Итак, Вы в Москве. Отличное дело, по крайней мере хоть нервы Ваши успокоятся, а то в Питере Вы должны были порядочно их раздергать.

Вы извиняетесь, что не зашли проститься. Помилуйте, голубчик, неужели Вы в серьёз думали, что жена придаст какое нибудь значение тому, что Вы не зашли? Сохрани бог, ведь это я тогда в шутку ска-

зал, ни более ни менее! Бог миловал, — жена моя не барыня, а простая женщина и смотрит на вещи просто и здраво, без всяких екивок. Не зашел, значит нельзя было, занят был. За поклон Ваш благодарит, и кланяется в свою очередь, а также поздравляет с успехом.

Поздравляю и я, и хотя Вам может быть и надоело выслушивать по поводу «Иванова» [1] не могу удержаться, чтобы не поговорить об этом выдающемся, — таким я его считаю, выдающемся произведении... Да, и буду считать. Нужно Вам сказать, что я не только редко, но почти никогда не бываю в театре, — так уж это завелось, и надо думать будет вестись. И вот я, дикий человек Песковской пустыни, пришел в театр, чувствуя себя совершенно свежим к восприятию впечатлений.

Во время «увертюры», — признаюсь Вам шибко билось мое сердце, билось от страха за Вас, за «Иванова». Состояние мое было такое, как будто должна была идти моя пьеса.

Первый акт, в котором сама по себе заключается целая драма, произвел сильное впечатление. В антракте выпил за буфетом большую рюмку водки. Второй акт в начале, по моему, немного растянут, и тут, мне кажется, сказалась добросовестность беллетриста, желавшего по возможности полнее нарисовать картину общества. Акт закончен эффектом (появление жены и падение в обморок), который, по-моему, излишен. Но весь акт хорош. Третий акт бесподобен, четвертый тоже. Во все антракты я можно сказать пил (и с Голике [2] и без оного), но, представьте, возбуждение было настолько сильно, что не пьянел. Говорить ли Вам о деталях, которые, как бриллианты, разбросаны по всей пьесе? Как прелестна, напр., сцена разговора Сары с графом, как глубоко жаль обоих несчастных. Сколько невыразимой грусти, проникнутой поэзией, в сцене разговора Сары с доктором! «Чижик, чижик!» глубоко потрясающим тоном произносит Стрепетова [3] под аккомпанемент «чижика» на гармонии... До сих пор в моих ушах звучит этот «чижик!». Я знаю даму, которая плакала при этой сцене, и это понятно, потому что «Сара» написана прелестно, и Стрепетова сыграла свою роль великолепно.

В театре я слышал, что Ленский [4] играет роль «Иванова» лучше Давыдова [5], — может быть, но мне Давыдов нравится, по-моему, он и есть тот срединный человек Иванов, который в сотнях лиц сидел вокруг меня, глядел во мне самом. Да, это тип, который, в лице Вас, нашел, наконец, достойного для себя певца. Мне нравилось все: пьеса, актеры, это что-то молодое и свежее, чем веяло все время в театре, и больше всех нравился мне сам автор...

Ну, что объясняться в любви, не так и не то хотелось бы мне Вам написать, да язык мой сегодня какой-то суконный, в голове плохо вяжутся мысли...

Толков о Вашей пьесе не обобраться было в театре, не обобраться их и теперь. «Драматургических дел мастера» кусали пальцы, делая вид, что они так себе... что им ничего, скулы Михневича [6] краснели (он, как и следовало ожидать, лягнул-таки Вас, — этакой жалкий, как выражается Фофанов [7]), возбуждение было общее. А я был безмерно рад и беспредельно счастлив.

Какая глубокая разница между нами: Вы на восходе, я — на закате. И сколько бы Вы мне не желали хорошего в литературе, я был бы основательнейшим болваном, если бы в 37 лет мог поверить, хоть на минуту, в это хорошее. Нет, песня моя спета. Я один из тех живых мертвецов, каких много вижу вокруг себя, и которые, странное дело, в ослеплении самими собою, думают, что они живые... Есть в Вашей пьесе один кульминационный пункт — это в разговоре Иванова с Лебедевым, где вполне определяется этот интересный тип. Иванов говорит, приблизительно, следующее: «если вы увидите молодого человека, который в сознании свежих сил, в желании все побороть, всего достигнуть, взвалит на плечи непосильную ношу, — остерегите его, скажите ему, чтобы он не делал этого, иначе он надорвется, и в тридцать пять лет ничего уже не будет ни же-

лать, ни мочь, превратится в такого, как я!»

Когда-то, давно, кто-нибудь должен был и мне, Иванову, преподать этот совет, но этого кого-то не было около меня, а жизнь не ждала и ее колесо переехало меня пополам. Впрочем, как знать, может быть я не послушался бы совета, или, вернее, при всем желании, не мог бы ему последовать? Ведь это гигиена, — сбавка тяжести с плеч, — а время ли тут думать о гигиене, когда...

Ну, да к чорту все эти проклятые вопросы жизни. Если не хватает храбрости и бессовестности покончить все разом, — нужно жить хотя бы для тех, кто уж никак ни в чем не повинен. Будем жить, будем воображать себя живыми, плестись в хвосте настоящих живых людей, — vivons, buvons! а главное — покуда не вздуется печень, брюхо не нальется водой, и желтый, брюхатый, вонючий труп тощие, печальные клячи в дырявых попонах не поволокут на печальное петербургское кладбище. Спасибо за память обо мне Ваших домашних. Сердечный поклон мамаше, папаше, Николаю Павловичу, Марии Павловне, Ивану Павловичу, Михаилу Павловичу. Пишите, дорогой, а я, конечно, в долгу не останусь: видите, какое письмище наворотил!

Ваш *К. Баранцевич.*

Баранцевич Казимир Станиславович (1851—1927), беллетрист, был в дружественных отношениях с Чеховым, гостил у него летом на даче близ Сум; говоря о беллетристах-современниках, Чехов о Баранцевиче и его друге Альбове выразился так: «...они наблюдают жизнь в потемках и сырости водосточных труб...»; 4 письма Чехова к Б. напечатаны в «Чеховском сборнике», 1929, и 8 писем в сб. «Чехов и его среда», 1930 г. О Л. Т. Гулине, Б. писал Чехову, — просил найти в одном из суворинских предприятий работу ему.

[1] Пьеса Чехова впервые была поставлена на сцене театра Корша в Москве 19 ноября 1887 г.; после значительной переделки — на сцене Александринского театра в Петербурге 31 января 1889 г.; напечатана была в «Северном вестнике» III, 1889.

[2] Голике Роман Романович, типограф и издатель; издавал вместе с Лейкиным «Осколки».

[3] Стрепетова Полина Антипьевна (1850—1903), играла в Александринском театре с 1881 г. по 1890 г.; ее мемуары «Минувшие дни» изданы в 1934 г. («Academia»).

[4] П. Д. [Обо] Ленский принят был в труппу Александринского театра с 1 августа 1890 г.; до этого много играл в провинции, где, может быть, исполнял роль Иванова.

[5] Давыдов Владимир Николаевич (1849—1925); в 1887 г. исполнял роль Иванова (театр Корша в Москве); в Александринском театре ту же роль в 1889 г.; в конце жизни работал в Малом театре (Москва); в чеховских пьесах исполнял, кроме того, роли Сорина («Чайка») и Светловидова («Калхас»).

[6] Михневич Владимир Осипович (1841—1899), фельетонист, публицист.

[7] Фофанов Константин Михайлович (1862—1911), поэт-лирик.

Я. Л. БАРСКОВ

1

24 июля 1895 г.
Москва.

Редакция журнала
«Детский Отдых».

Многоуважаемый Антон Павлович!

Будьте добры, напишите что-нибудь для Д. О.[1] в 1896 году. Дайте лист, два, три, чтобы можно было поместить в одной или двух книжках. Простите, если предлагаю Вам 80 рублей за лист, который в Д. О. меньше, чем в Рус[ской] Мысли. Деньги будут высланы по первому требованию. Вы для детей писали[2]. Если откажетесь, то будет жаль не мне одному. Кстати обо мне: я был хорошо знаком с Вашим братом И. П-чем[3] и О. П. Кундасовой[4]. Если Вы еще видаетесь с кем-либо из них, спросите, правду ли я говорю, что, только любя детей, взялся за журнал, в котором никто не писал, кроме так называемых «постоянных» сотрудников. О, эти постоянные сотрудники, честные и добрые люди; многие из них знают детей и готовы работать для них; они даже хорошо

подчас пишут, — но все они нехудожники и потому «сделать» журнала не могут. Тут не в именах одних суть: и Вы, и Короленко [5], и Круглов [6], и Потапенко [7], и Мамин [8], и Григорович [9], и еще я не знаю, кто, кончая графом Львом [10], все вы служите «приманкой» для подписчиков в толстых журналах; но в таких изданиях, как Д. О., читатели ждут в вас художников и понимают и любят только как художников. Теперь м. б. яснее станет мое сравнение с Вами и Вам подобными. Как издавать детский журнал, если в нем даются нравоучения, наставления, советы и прочие педагогические сочинения.

Мне и в голову не приходило, что я буду когда-либо редактировать Д. О., и вот теперь я прочел более 300 рукописей. Из них, увы, чуть не все 300 могли бы остаться без подписи или иметь одну и ту же подпись. Все картины природы, все лица, все положения, даже здания и костюмы написаны по какому-то трафарету. Согласитесь, что после такого эксперимента crucis завопишь благим матом и будешь умолять и Вас и других, Вам подобных и близких, чтобы они дали свое согласие участвовать в журнале.

Простите, что я решаюсь говорить с Вами, как со старым знакомым. Виной тому два лица, от которых я так много слышал о Вас, не говоря о Ваших произведениях.

С полным уважением и совершенною преданностью

Я. Барсков.

2

Редакция журнала «Детский Отдых»

4 октября 1897 года.

Глубокоуважаемый Иван Павлович [11].

Летом в дружеской беседе с одним из молодых профессоров литераторов [12] пришлось мне долго говорить о Вас, о Ваших произведениях, о значении Вашем для русской литературы. Не стыдно повторить свое признание в любви и уважении к такому писателю и человеку, как Вы, и в самом деле приятно и лестно быть хоть чуточку Вам полезным...

Случайно узнал я, что Вам приходится уехать за границу [13] и пожить за границей, но как водится исстари на святой Руси для этой поездки приходится вдвойне-втройне работать. Мне думалось, что если бы придти к Вам и предложить без всякого труда и унижения добытые деньги, Вы не отказались бы взять их на время, убедившись, что с моей стороны нет ни малейшего посягательства на какую-либо особую благодарность. Искренно говорю, что простой долг любви и уважения руководит мною или лучше сказать эгоистический расчет наслаждения настоящим «добром».

Случайно узнал я и «цифру». Когда я намекнул денежным и сведущим лицам, что вот дескать следовало бы выручить вполне достойного человека в трудную минуту, то встретил сверх ожидания от одних отказ под предлогом «не завязывать ни с кем личных долговых отношений»; от других — тоже отказ под иным предлогом «непривычки к таким крупным, частным, не коммерческим делам...»

Все это, разумеется вздор сущий, который в миллионный раз доказывает, что деньги губят, портят, сбивают с толку тех, кто их имеет, — что сытый голодного не разумеет... Однако эти же сытые люди мне сказали, что вообще достать крупную сумму помимо деловых обязательств или прямо дружеских связей, едва ли возможно: никто дескать из богатых людей не решится брать проценты, взыскивать по векселям и т. д.; с другой стороны, едва ли кто захочет просто навязать три-четыре тысячи человеку, который не нуждается в «благотворительной поддержке». Ну вот я так и остался в недоумении.

Мне посоветовали разбить всю сумму на меньшие части, не стесняясь короткими и длинными сроками: во-первых, не пришлось бы заключать никаких обязательств по ссуде; во-вторых, не пришлось бы путать текущего бюджета. Таким образом я мог бы и действительно надеюсь, если будет Вам угодно, без малейшего для себя затруднения и без всякого посягательства на какую-либо исключительную признательность или благодарность с Вашей стороны высылать Вам от времени до времени по 300 или 500 рублей (например, ме-

сяца через два — по 300, месяца через три — по 500). Первую посылку могу сделать немедленно по получении Вашего ответа.

Простите, что я решаюсь писать так запросто, но как же еще писать, как не просто? Вполне понимаю и высоко ценю Ваше не литературное, а человеческое самолюбие, но я не собираюсь наступать на него грязной, тяжелой подошвой.

Вы меня не знаете или знаете два месяца, а я еще на студенческой скамье в дружеском кругу товарищей читал вслух Ваши рассказы, как приятную новинку приносил новую книжку журнала с Вашей фамилией в заголовке... Что удивительного, если хочется быть Вам полезным? Я думал, что все устрою с большим успехом, но, как водится, думал о людях лучше, чем они есть на деле. Может быть, Вы думаете, что треплется Ваше доброе имя, что я кичусь этими заботами о Вас — это так естественно, — но именно я совсем иного склада, иного опыта, иного характера...

Все, что я пишу, остается и останется между нами. Если приходилось упоминать Ваше имя, то я шел прямо от Вашей литературной известности и от последних журналов и газетных известий. Почему-то мне думается, что Вы устроили свои дела тем простым, хотя и неприятным путем, каким всегда они устраиваются, т. е. счетами и расчетами с издателями. Мне думается также, что это в конце концов самый верный и надежный путь, свободный от лишних хлопот и обязательства с Вашей стороны.

О себе я не говорю — я буду искренно рад исполнить любое Ваше поручение. Признаться по совести, именно это неведание Вашей воли, Ваших планов и дел не дает мне возможности обращаться к «тузам», — вроде Морозовых, Мамонтовых, Солдатенковых и др.

Очень возможно, что Вы предпочитаете обратиться к Суворину [14] или Лаврову [15], с которыми имеете деловые отношения, нежели к российским меценатам. Дело — дело и есть, а «меценат» наполовину все же Кит Китыч Колупаев...

Еще раз простите, что полуизвестный Вам человек решился писать так много прежде, чем что-нибудь сделать. Если я не пригоден в данную минуту, не пригожусь ли впоследствии [16]. Не сомневайтесь только в искреннем к Вам вполне задушевном уважении.

Я. Барсков.

[1] Д. О. — журнал «Детский отдых», редактором которого состоял Я. Л. Барсков.

[2] Свое отношение к так называемой детской литературе А. П. Чехов высказал позднее: «Писать для детей вообще не умею, — говорил А. П. Чехов в письме от 21 января 1900 г. к Г. И. Россолимо, — пишу для них раз в 10 лет, и так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых. Андерсен, Фрегат Паллада, Гоголь читаются охотно детьми, взрослыми также. Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых, т. е. из настоящих художественных произведений: уметь выбрать лекарство и дозировать его — это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство только потому, что он ребенок».

[3] И. П-чем — Чеховым Иваном Павловичем (1861—1922), учителем.

[4] Кундасова Ольга Петровна, знакомая семьи Чеховых, обучавшая Антона Павловича Чехова французскому языку.

[5] Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель.

[6] Круглов Александр Васильевич (1853—1915), поэт, детский писатель.

[7] Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1926), писатель.

[8] Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852—1912), писатель-беллетрист.

[9] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель.

[10] Графом Львом — Толстым Львом Николаевичем (1828—1910).

[11] Публикуемое письмо Я. Л. Барскова ошибочно адресовано к Ивану Павловичу Чехову, брату писателя, с которым Я. Л. Барсков также состоял в переписке. Письмо, несомненно, относится к Антону Павловичу Чехову, что подтверждается как тематикой письма, так и ответом на него самого Антона Павловича.

[12] Повидимому, с Котляревским Нестором Александровичем (1863—1925) историком литературы, впоследствии академи-

ком; с ним Я. Л. Барсков находился в очень близких дружеских отношениях и состоял в большой переписке.

[13] Это была третья поездка А. П. Чехова за границу: первая в 1891 г., вторая в 1894 г. и третья — в 1897 г.

[14] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), издатель газеты «Новое время».

[15] Лавров Вукол Михайлович (1852—1912), издатель и член редакции журнала «Русская мысль», переводчик.

[16] Я. Л. Барсков был одним из «благодетелей», которые были привлечены на помощь Чехову по инициативе одной знакомой Антона Павловича, О. П. Кундасовой. Чехов имел неосторожность пожаловаться ей на безденежье, особенно неприятное при необходимости ехать за границу. Та всполошилась и мобилизовала ряд лиц на помощь. Барсков был, повидимому, одним из таких встревоженных лиц. Вся эта история причинила Антону Павловичу, по словам Марии Павловны, очень много неприятных минут, тем более, что он «не успел очнуться от письма Барскова, как получил две тысячи рублей от Левитановского Морозова». «Я не просил этих денег, — писал А. П. Чехов одной из своих приятельниц, — не хочу их и прошу у Левитана позволения возвратить их в такой, конечно, форме, чтобы никого не обидеть. Левитан не хочет этого. Но я все-таки отошлю их назад. Погожу еще 1/2—1 месяц и возвращу при благодарственном письме. Деньги у меня есть». (Из неопубликованных писем А. П. Чехова в доме-музее А. П. Чехова в Ялте. Сообщено М. П. Чеховой и И. М. Прониным.)

Истинное же положение вещей было таково. Антон Павлович, — как любезно разъяснила нам Мария Павловна, — «ездил на свои средства от текущей работы. Ничьей помощью не воспользовался». Он тогда же отклонил все попытки субсидировать его деньгами. Уехав за границу, А. П. увез с собой почти все заработанные деньги и, сообщая сестре из Ниццы от 5 октября о том, что он пока ни в чем не нуждается, досадовал лишь, что мало оставил дома. Беспокоясь об этом, на другой день от 6 октября снова писал сестре, откуда она может достать денег: 1) что «она каждое 1-ое число из «Нового времени» должна получать 200 рублей», 2) что Александру Павловичу посылается доверенность на получение гонорара за «Иванова», 3) «...получишь деньги от Общества драматических писателей, от Кондратьева». Вскоре опять пишет сестре, что вышлет ей 1000 франков (так как «Новое время» 200 руб. ей не прислало) и далее: «Если за это время ты успела уже взять у Русской Мысли, которая и без того уже выслала мне 1.000 руб., то из полученных денег, уплати ей». А в письме к В. М. Соболевскому от 24 октября извещает, что посылает еще рассказ («На подводе», помимо ранее напечатанных в том же году в «Русской мысли» рассказов «Печенег», «В родном углу»...). (Из неопубликованных материалов дома-музея А. П. Чехова в Ялте. Сообщено М. П. Чеховой и И. М. Прониным.)

Ф. Д. БАТЮШКОВ

14 января 1904 г.
[С.-Петербург].

Глубокоуважаемый и дорогой Антон Павлович!

Приходится мне заочно Вас приветствовать, а как хотелось самому приехать и на первое представление «Вишневого сада» [1] и на Ваши «именины» — по святцам и по литературной дате, хотя последнюю Вы, повидимому, желаете отсрочить (сужу по газетам). Но выехать не могу: — рассчитывая, что Ваша пьеса пойдет 9-го, как Вы писали, или во всяком случае до 15-го, я назначил на 16-ое одно свое чтение в русско-американск[ом] обществе и теперь уже нельзя откладывать. Затем, эти дни ревизует меня по делам Лит[ературного] Фонда ревизионная комиссия и, наконец, приходится невзначай возобновить лекции на Женск[их] Курс[ах], т[а]к к[а]к мой заместитель, — (а как я надеялся, и преемник) — Е. В. Аничков [2] умудрился в погоне за освобождением упрятать себя на неопределенное время в весьма замкнутое учреждение, откуда ему, вероятно, предстоит далекий путь. И таким образом я не предвижу, чтобы раньше масляницы или даже поста я мог бы хоть на два дня проехать в Москву. — Как ни банальны всякие выражаемые пожелания, — это простая потребность сердца их высказать, привязавшись к тому или другому

поводу и суть, конечно, не в выражениях, а в сильном желании всего лучшего дорогому лицу, к которому питаешь огромную признательность за то, что он вам дал и чем он для вас представляется. Сколько Вы нам дали нового, неожиданного, проникновенного, как научили видеть и показали, как следует творить. Для многих, идущих за Вами, Вы истинный учитель, который ведет за собой целую новую школу молодых писателей, и они должны быть Вам особо признательны. Но ценить Вас дано всякому, ценить и чувствовать все Ваше значение. На Ваших произведениях я переживаю большой период в своей жизни, после университета, ибо Вы духовный вождь целого поколения, к которому и я принадлежу. Можно бы рассказать эти «переживания», — начиная со «Скучной истории» (и даже раньше), но было бы длинно, для Вас утомительно читать, а мне теперь и недосужно все это изложить. Поверьте пока на слово и примите самую душевную признательность за наслаждение, доставляемое Вашим творчеством, больше чем наслаждение — ибо оно есть питание, могучий агрегат в росте сознания. Низко кланяюсь Ольге Леонардовне[3] и, еще раз пожелав Вам всего лучшего, прошу верить глубокому уважению и сердечной преданности.

Ваш *Ф. Батюшков*

Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920), историк литературы и критик в 1902—1906 гг. был редактором журнала «Мир божий»; писал о Чехове неоднократно: «Бальзак, Чехов и Короленко о крестьянах» в сб. «Памяти Белинского». 1899; «Предсмертный завет Чехова» — «Мир божий», VIII, 1904; «Чехов и освободительное движение» — «Мир божий», IV, 1906 и др.; 9 писем Чехова к Б. опубликованы были в V и VI томах «Писем»; 9 писем — в сб. «Чехов. Новые письма», Атеней, 1922 и 1 письмо в сб. «Чехов. Несобранные письма». 1927.

[1] Первая постановка «Вишневого сада» в МХТ 17 января 1904 г.

[2] Аничков Евгений Васильевич (1866—?), историк литературы и критик, покинул Россию в 1899 г.; по возвращении в Россию был арестован; после Октября — в эмиграции.

[3] Книппер-Чехова Ольга Леонардовна, с 1901 г. жена Чехова, артистка МХТ со дня учреждения театра (1898); теперь народная артистка СССР.

И. А. БЕЛОУСОВ

1

6 января 1902 г.
Москва.

Дорогой, добрый Антон Павлович!

Спасибо Вам — сердечное спасибо за память — присылку мне VIII тома Ваших сочинений. Наверное, когда Вы посылали книгу, — вспомнили о Москве; и я, получивши книгу Вашу, многое вспомнил, что было давно, давно...

Вспомнил о Вас, когда Вы жили в Замоскворечье, кажется в доме Клименкова, внизу; еще из Вашего окна была видна дворницкая, а на ней какая-то надпись углем, большими буквами и безграмотная. У Вас еще тогда был камин, и Вы любили сидеть у него и класть в огонь бересту. Вспомнил Головин пер. на Сретенке, — у Вас была квартира на 2-м этаже; там я бывал редко; помню только — в зале лежал ковер — волчья шкура с головой и с распростертыми лапами...

Как сейчас помню Ваш кабинет на Садовой у Кудрина в доме с башнями, а в кабинете налево Ваш письменный стол; направо — полки с книгами; рядом печь с рисунками Левитана. Вы тогда писали расск[аз] «Ведьма» и рукопись лежала на столе...

Все это так мягко, нежно и глубоко легло на душу и не забывается! И в последний раз осенью, увидя Вас, мне все так же, как и всегда, хотелось пожелать Вам только хорошего; хотелось, чтобы ничто Вас не тяготило; даже и тогда, когда Вы пошли в театр и стали одевать свое барашковое пальто, — я подумал, что Вам тяжело его носить, Вам нужно бы пальто легкое, теплое...

Живу я по старому, как прежде. Хотелось бы хоть изредка слышать от Вас о Вашем здоровье.

Душою любящий Вас

И. Белоусов.

P. S. Жена узнала, что я пишу Вам письмо, просит поклониться Вам и пожелать Вам всего лучшего. Увидите А. М. Пешкова, поклонитесь ему от меня.

И. Б.

Москва, Фуркасовский, 10.

2

11 марта 1903 г.

Дорогой Антон Павлович!

Послал я Вам бандеролью свою новую книжечку стихов, — получили ли Вы ее? Когда я ее посылал Вам, я не думал, что это такой литературный труд, который стоит посылать Вам. Посылая, я думал иное: я думал, — Антон Павлович любит родную природу — поля, ручейки, березнячки, наше солнце после теплого дождя, тихие заводи речек, огоньки ночных пастбищ во мгле летней ночи... Может быть моя книжечка напомнит Вам хоть смутно родную природу. — Вот зачем я послал Вам свою книжечку и буду рад, если не ошибся.

Как Ваше здоровье?

Всегда, как увижу Марью Павловну, я спрашиваю об этом.

Получаю «Ниву» и радуюсь, что буду иметь полностью Ваши сочинения [1]. Старший сын мой вдвоем с репетитором-студентом, который ходит к младшему сыну, каждый вечер читают Вас.

Желаю Вам от души здоровья.

Искренно, душевно Вас любящий

И. Белоусов.

Белоусов Иван Алексеевич (1863—1930), поэт и переводчик; ранее был портным; автор ряда статей мемуарного характера о Чехове; 6 писем Чехова к Б. опубликовано было в шеститомном собрании писем; 4 письма в сб. «Чехов. Несобранные письма», 1927.

[1] В 1903 г. сочинения Чехова (в 16 томиках) были приложением к журналу «Нива» (издатель «Нивы» А. Ф. Маркс в 1899 г. приобрел право собственности на сочинения Чехова); дополнительные 6 томиков были приложением к «Ниве» в 1911 г.

П. Д. БОБОРЫКИН

5 июля 1889 г.
Москва.

Дорогой собрат,

Начну с личного объяснения. Вас, как рассказчика, и вообще как беллетриста, я не читал до осени прошлого года. Отправляясь за границу на всю зиму, я купил два томика Ваших рассказов, чтобы знакомиться с ними медленно, насколько позволяет мне моя болезнь правого глаза (ablatio retinae): я работаю только одним левым. Во Флоренции, на Ривьере, везде, Ваши два томика были моим утренним чтением, и я, рискуя утомить единственный зоркий для работы глаз, с трудом отрывался от них: это заменит Вам жалкие излишние любезности.

Как Ваш старший — по летам — собрат, я сердечно приветствую Вас и благодарю за то, что я пережил, читая Ваши правдивые и яркие рассказы, полные оригинальной новизны.

Теперь будет говорить руководитель большого драматического театра. К началу сезона я делаюсь заведующим репертуаром театра Горевой [1]. Вы меня истинно утешите, поделившись с нами чем-нибудь новым и крупным.

Узнал от Вашего приятеля, Владимира Ив. Немировича, что у Вас есть две вещицы, еще не игранные в Москве. Дайте их нам.

Меня Вы найдете здесь, с 15 августа. В Лоскутную можете адресовать Ваш ответ, я съезжу только на море, в Финляндию, и с половины Августа буду уже — при деле.

Душевно Вам преданный

П. Боборыкин.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1922), плодовитый беллетрист и драматург, автор ряда работ по истории литературы, эстетике, философии; с 1902 г. почетный академик; Б. — бытописатель интеллигенции, купечества и нарождаю-

щейся буржуазии; он зорко подмечал, но поверхностно трактовал современные ему общественные явления; М. Горький едко сказал о нем: «Какой же он реалист? он, как судебный пристав, описывает все, что подвернется под руку»; Б. ревниво относился к судьбе своих произведений, к мнениям читателей и критики, а также к растущей славе Чехова, как наследника Льва Толстого; в письмах его к А. А. Измайлову (опубликованных в «Известиях Азербайджанского ун-та», Баку, 1927) он ставит себя между Толстым и Чеховым, утверждает преемственность «чеховского языка, тона фразы, ритма», оспаривает «прибаутку об его фотографичности» и упреки в чересчур поспешном использовании для беллетристической эксплоатации чисто случайного, не типического материала.

[1] Горева Елизавета Николаевна (1859—1917), драматическая артистка, работала в Александринском театре (СПб.), много выступала в провинции и за границей; недолго имела свой театр в Москве (в том здании, где теперь МХТ).

В. Л. КИГН (ДЕДЛОВ)

21 ноября 1903 г.
Довск. Могил[евской] губ.
Федоровка

Многоуважаемый Антон Павлович, опытные люди утверждают, что старости нет, старость выдумала глупая молодежь. А Вам и подавно нечего стареть: Вы большое дарование, которое долго не поддается старости. Это только кажется Вам, что Вы чего-то не видите, что все в Ваших глазах одноцветно и серо. Все у Вас прежнее, — и отличный русский язык, и техника, уверенная, сжатая и меткая («на плотине блестит горлышко бутылки, от колеса падает черная тень, — и лунная ночь готова» [1]), а что касается самого важного для крупного таланта — сметь быть правдивым, так это свойство у Вас растет. Вы смотрите жизни прямо в глаза, не мигая, не бегая глазами. Вы смотрите своими глазами, думаете своей головой, не слушая, что говорят о жизни другие, не поддаваясь внутреннему искушению видеть то, что хотелось бы видеть. Это в искусстве самое трудное, а в авторах самое редкое. У Вашего глаза могут быть особенности, даже неправильности, но это не важно, если он зорок. Особенности — Ваш «букет». Вы будете писать долго, много и все лучше, — вот увидите. Опытные люди говорят, что старости нет, — и я думаю, что они правы: может быть, человек, ощущая, что он делается не-молодым, немного пугается новости положения и придает этому тревожное значение.

Я не женат. Вы спрашиваете: отчего? Надо думать, просто от легкомыслия. Это не очень хорошо, — быть старым холостяком, — я очень ценю семейную жизнь, а потому от души поздравляю Вас с женитьбой. Я свое одиночество переношу довольно легко и только длинными деревенскими зимними вечерами не то что скучно, а чувствую, что медленно отравляюсь одиночеством. Впрочем, есть и противуядие: я очень люблю землю, иной раз приятно просто подержать ее в горсти.

Ваш отзыв о Накрохине [2] не совсем верен. Он бывал не только в палисаднике жизни, но и в ее доме. Этот болезненный человечек уловлял ход жизни, ощущал движение ее струй, — струи добра и струи зла, и передал то, что видел, «деликатно», почти робко, но с большой поэтичностью. Если случится, перечтите его «Стихию».

Одновременно с этим письмом высылаю Вам мои «Школьные Воспоминания», не как сочинение, а как «документ».

Искренний Ваш почитатель
В. Кигн.

Кигн (псевд. Дедлов) Владимир Людвигович (1856—1908), беллетрист, литературный критик, фельетонист, автор путевых очерков; 7 писем к нему Чехова опубликованы в книжке «Чехов. Новые письма». (Атеней, 1922); был деятельным сотрудником правонароднического журнала «Неделя», в конце же жизни сблизился с крайними правыми организациями и был убит при таинственной обстановке.

[1] Слова Треплева в «Чайке» («У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова...»).

Здесь Чехов цитировал самого себя (см. рассказ «Волк», первоначально «Водобоязнь», 1886 г.). Ср. также письмо к брату Александру от 10 мая 1886 г. («...у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что ...на плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки...»). Письма, I, стр. 230.

[2] Накрохин Прокофий Егорович (1850—1903), беллетрист. Чехов писал о нем Кигну (10 ноября 1903): «... Накрохин в самом деле был талантлив. Я читал его «Идилия в прозе». Но он изображал только красивый цветничек около дома, полисадничек, но в самый дом не решался входить...» («Чехов. Новые письма», 1922, стр. 62). Накрохин в начале ноября 1903 г. умер в больнице для душевнобольных.

П. И. КУРКИН

27 октября 1899 г.
Губернское Санитарное бюро
Московского Земства.

Сижу в бюро, за работою, но работа как-то не клеится, отодвигаю ее — и хочу написать Вам несколько слов по поводу, главным образом, вчерашнего спектакля.

Я был в ложе с Иваном Павловичем[1] и его семьею. Признаюсь, мы оба чувствовали себя сначала как-то неспокойно. Но это продолжалось лишь до начала второй половины первого же акта. Затем мы были свидетелями почти беспрерывно продолжавшегося весь вечер триумфа — Вашего и артистов Художественного театра. Мне кажется, что уже первое действие определило успех спектакля. Пред нами с чрезвычайною живостью встала деревенская глушь с туземными и пришлыми элементами, с тоскою и скукою, охватывающими одинаково всех как торжествующих в жизни, так и униженных. Публика была заинтересована и, несмотря на то, что это была московская публика первых представлений, строгая, требовательная, интеллигентная Москва, первый акт закончился при горячих аплодисментах. Второй акт развернул перед нами положение, которое неминуемо должно было привести к катастрофе. Кажется, здесь самое сценичное место всей пьесы — в смысле, правда, более легкого эффекта. Этот акт прошел чрезвычайно бойко и живо. Третьего акта я ждал с особенным нетерпением. Здесь душевная сумятица, которую чувствуешь, как основной мотив, достигает кульминационного пункта и разряжается взрывом. Наконец, последняя сцена. Ах, эта последняя сцена. Как хороша она! Как глубоко продумана! Я особенно отметил эту сцену при чтении пьесы. А теперь, сегодня на другой день после того, как видел эту сцену, и здесь в бюро, где все так далеко от всякого лиризма, я не могу отделаться от этой последней сцены, которой заканчивается пьеса, не могу работать над моими цифрами и докладами. Мне кажется, что я был где-то в далеком живом мире. Отзвуки этого мира еще громко звучат в душе и мешают отдаться будничной работе. Теперь все кругом кажется таким неинтересным и скучным. Мне очень хотелось бы разобраться, в чем именно секрет этого очарования последней сцены, после которой хочется плакать, плакать без конца. Конечно, дело не в морали, которую формулирует Соня. Совсем напротив! Многих, быть может, оттолкнет эта мораль в наши дни; у некоторых она, вероятно, даже ослабит впечатление. Дело, мне кажется, в трагизме этих людей, в трагизме этих будней, которые возвращаются теперь на свое место, возвращаются навсегда и навсегда сковывают этих людей. И дело еще в том, что огнем таланта здесь освещена жизнь и душа самых простых, самых обыкновенных людей. Все улицы переполнены этими простыми людьми и частицу такого существования носит в себе каждый. Поэтому, при виде этой последней сцены, когда все уехали, когда наступают опять бесконечные будни со сверчками, счетами и т. д., я почувствовал почти физическую боль — и казалось, лично за себя. Кажется, от меня все уехали, я сижу и щелкаю счетами.

Быть может, сейчас я не рассуждаю объективно, быть может, мало знаю, но я готов утверждать, что последняя сцена «Дяди Вани» — одно из самых сильных и вырази-

тельных мест в нашей драматической литературе. И, конечно, нужно иметь не только художественный талант, но и глубокую человеческую душу, чтобы нарисовать такую сцену.

Настоящая постановка «Дяди Вани» в Художественном театре[2] производит такую массу впечатлений, в которой сразу нет возможности разобраться. Надо посмотреть еще и еще, тогда, быть может, найдется большая ясность во впечатлениях.

[П. Куркин]

Куркин Петр Иванович (1858—1934), врач-общественник, работал сначала в Серпуховском уезде Московской губ., затем в Московском статистическом бюро. Друг Чехова с молодых лет; по его просьбе составил картограмму по Серпуховскому уезду для «Дяди Вани», которую в пьесе демонстрирует доктор Астров. О Чехове написал статью «Чехов как земский врач» в журнале «Общественный врач», № 4, 1911.

[1] Чехов Иван Павлович, брат писателя.

[2] Постановка «Дяди Вани» 26 октября 1899 г.

В. М. ЛАВРОВ

1 февраля 1901 г.

Друг Антон. Интересно тебе знать впечатления, вынесенные мною из театра после первого представления «Трех сестер»?[1] Интересно — читай, нет — брось. Газеты что-нибудь да переврут. Я же старался быть простым зрителем, не журналистом, не критиком.

Итак:

Успех? не такой шумный, какой имела «Чайка», но по мне более ценный и значительный, потому что мы, зрители, отнеслись к делу с глубокой вдумчивостью и вниманием. Вообще-то успех громадный[2].

Пьеса? С удовольствием зарезал бы тебя за нее, такое ужасающее впечатление она производит. Если ты хотел добиться этого, то можешь быть совершенно спокоен. В чтении это представляется превосходным литературным произведением, но при сценической интерпретации выступает то, что не было видно ярко, рельефно и неумолимо безжалостно.

Обстановка? Ну ее к чорту. Конечно, хорошая, но сему последнему обстоятельству я придаю значение малое.

Публика? Были я и Гликерия Николаевна Федотова[3]. Остальное — мало интересное, может быть потому, что я почти никого не видал.

Игра? Играли все отлично, за исключением Книппер[4], — та была изумительно великолепна. Настоящая трагическая актриса высшей школы.

Дальнейшее времяпрепровождение — Эрмитаж. Я, Тихомиров[5], Гиляровский[6], Софья Федоровна[7] и несколько лиц без речей. А теперь мне хочется тебя обнять, друг милый

Вот и все.

Твой *В. Лавров.*

14 февраля еду в Ялту.

Лавров Вукол Михайлович (1853—1912), с А. П. Чеховым находился в дружеских отношениях и переписке; история знакомства и встречи с Чеховым описаны им в статье «У безвременной могилы», в газ. «Русские ведомости» № 202, 1904.

[1] Первое представление «Трех сестер» в Московском Художественном театре состоялось 31 января 1901 г. Постановкой этой пьесы очень интересовался В. И. Ленин. — «Что за новая пьеса Чехова «Три сестры»? — писал он сестре М. И. Ульяновой 20 февраля 1901 г. — Видели Вы ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах». После постановки пьесы В. И. Немирович-Данченко писал А. П. Чехову: «В конце концов я остаюсь при решительном убеждении, что ты должен писать пьесы. Я иду очень далеко: бросить беллетристику ради пьес. Никогда ты так не развертывался, как на сцене» (апрель 1901 г.).

[2] Исполнение пьесы Художественным театром вызвало также восторженный отзыв М. Горького: «Три сестры» идут изумительно. Лучше «Дяди Вани». Музыка, не игра» (март 1901 г.).

[3] Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925), знаменитая драматическая артистка Малого театра; А. П. Чехов очень ценил ее за тот «огонек, который один в состоянии трогать нас до горючих слез, до обморока».

[4] Книппер Ольга Леонардовна исполняла в «Трех сестрах» роль Маши.

[5] Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915), деятель по народному образованию, издатель детских журналов.

[6] Гиляровский Владимир Алексеевич, писатель.

[7] Софья Федоровна, жена В. М. Лаврова.

А. С. ЛАЗАРЕВ (ГРУЗИНСКИЙ)

19 января 1899 г.

Уважаемый Антон Павлович!

Услышав, что я собираюсь писать Вам, Вл. Дмитриевич [1] просил передать его маленькую просьбу, с которой я начинаю. По случаю 35-летия «Будильника» он думает издать сборник произведений, уже напечатанных в журнале, с портретами авторов. Не позволите ли Вы перепечатать в этом сборнике одну или две из Ваших вещиц, напечатанных в «Буд.» 10—15 лет назад? Если — да, черкните мне пару строк о Вашем согласии. Сборник назначается не для продажи, а для бесплатной рассылки подписчикам «Будильника», в виде юбилейного «сюрприза» [2].

А теперь о себе, или, вернее, о «Чайке».

Я давно уже собирался писать Вам о том необыкновенном впечатлении, которое производит на публику Ваша «Чайка», с первого представления. Собственно о ее успехе Вы хорошо знаете из газет и телеграмм, но газеты и телеграммы не говорят о том, что делается в театральном фойе и коридорах. Быть может, Вам, как автору, это покажется интересным.

Я сам был на первом представлении. С первого же акта началось какое-то особенное, если так можно выразиться, приподнятое настроение публики, которое все повышалось и повышалось. Большинство ходило по залам и коридорам с странными лицами именинников, а в конце (ей-богу, я не шучу) было бы весьма возможно подойти к совершенно незнакомой даме и сказать: «а? какова пьеса-то?» По крайней мере, всегда очень сдержанный и «благоприличный» Н. Е. Эфрос [2] неожиданно ринулся на меня с кресла, когда я после второго акта возвращался на свое место, и, остановив меня в проходе партера, воскликнул чуть не на весь театр:

— А?! Какова пьеса-то, А. С.?! Каково играют?!

Такова сила энтузиазма!

Играют Вашу милую «Чайку» действительно превосходно. Роксанова совсем не так плоха, как о ней пишут, и я решительно не понимаю, почему рецензенты так на нее накинулись, как накидываются мальчуганы на бабки, которые хотят взять «на шарап». Похвалив Роксанову в «Будильнике», я был очень рад, прочтя в тот же самый день похвалы по ее адресу князя Урусова в «Курьере». Если наши голоса, быть может, остались одинокими в московской прессе (я не читаю всех московских газет), то из разговоров с знакомыми я убедился, что публике нравится Роксанова. Но, возвращаюсь к первому представлению. Я ходил по фойе тоже в приподнятом настроении и, увы, ни слова не понял из того, что говорил мне милейший А. И. Иваненко [4]: он где-то ехал в вагоне и кто-то каким-то образом собирался Вас эксплуатировать. Где, кто, как — посейчас ничего не знаю. Знакомый мне доктор Членов [5] все хватался за голову и все повторял:

— Отчего я нигде не пишу о театрах, А. С.?! Это такая пьеса, такая пьеса... Если бы я мог написать о ней рецензию, я бы... сразу прославился!

Эпилог несколько неожиданный и эгоистический, но если принять во внимание, что Вы уже прославились, а бедному доктору слава не помешала бы, его можно извинить.

За кулисами, говорят, царил тот же энтузиазм. Я где-то читал, что актеры обнимались и целовались за сценой. Вполне вероятно. По крайней мере, когда я был через 2 дня после первого представления у Лужского (В. В. Калужского, очень милого человека, с которым я знаком), он почти ни о чем другом не мог говорить, кроме «Чайки», и говорил, что роль Сорина ему отчаянно нравится, что теперь это его любимая роль.

Сын моего покойного директора, симпатичный студент (не мальчик: кончив математический факультет, он теперь перешел на естественный), уже

два раза был на «Чайке» и сказал мне на днях:

— Я решил сходить на «Чайку» в этот сезон 4 раза.

— Почему так много? — удивился я, сам бывший уже на двух спектаклях.

— Я кое-что не понял; я не понял «пьесы» * в 1-м акте. А затем, пьеса мне так нравится, что я схожу, быть может, и более четырех раз.

Тот же студент рассказывал мне, что в один из антрактов не то курсистка, не то неизвестно кто, собрав вокруг себя род веча, говорила с жаром (дело было после 3-го акта):

— Чехов, очевидно, сочувствует Тригорину. Это безобразие! Это барство! Все они баре (т. е. герои). Заставить бы их землю пахать!

Я, знаете, не удержался и крикнул: «прежде нужно понять автора, а потом и говорить!»

— Ну и что же?

— Мне она не сказала ни слова. Только грозно посмотрела на меня.

Я мог бы Вам рассказывать без конца, но хвораю, не могу много писать и потому ставлю точку.

Будьте здоровы и благополучны, Антон Павлович.

Всех Вам благ!

Ваш *Ал. Лазарев.*

Лазарев-Грузинский (наст. фамилия Лазарев) Александр Семенович (1861—1927), писатель-юморист, беллетрист, фельетонист; был секретарем редакции «Будильника»; с Чеховым был в дружественных отношениях и до конца жизни сохранил благодарное чувство к Чехову, относившемуся к нему всегда тепло; в своих статьях мемуарного характера дал много сведений о годах сотрудничества молодого Чехова в мелкой прессе; в шеститомном собрании писем Чехова — 5 писем к Л. Г., кроме того 12 писем в сб. «Чехов. Несобранные письма», 1927, и 18 писем в сб. «Чехов. Неизданные письма», 1930. В письме от 1 ноября 1889 г. («Несобранные письма») часто (и неточно) цитируемая фраза Чехова: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него».

[1] Левинский Владимир Дмитриевич, редактор-издатель «Будильника».

[2] В сб. «Сюрприз» (1899) перепечатан был рассказ Чехова «На даче», ранее напечатанный в «Будильнике» № 20, 1886.

[3] Эфрос Николай Ефимович (1867—1923), театральный критик, историк театра, журналист; редактировал журнал «Семья», где Чехов напечатал рассказ «Душечка», 1, 1899.

[4] Иваненко Александр Игнатьевич, музыкант-флейтист, друг семьи Чеховых, подолгу жил у них в Мелихове; напечатал несколько рассказов в «Будильнике» (псевдоним «Юс малый»).

[5] Членов Михаил Александрович (род. 1871), врач-дерматолог, впоследствии профессор; был в дружественных отношениях с Чеховым, автор статей о Чехове — «Чехов и медицина» и «Чехов и культура» («Русские ведомости» № 91 и 169, 1906).

Б. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

1

27 января 1902 г.
Севастополь.

Многоуважаемый
Антон Павлович.

Хочется с вами поделиться той печалью, которую пережил сегодня. Вернули мне торжественно из «Русск[ой] Мыс[ли]» рассказ. Конечно, не нужно было соваться, но вернули, признав его негодным, «ибо очень уже видно подражание Чехову».

Обидело это меня ужасно. Вы большой талант, знаете это вы сами и вся Россия. Таланту же подражать нельзя, потому что — невозможно, — ничего не выйдет. Так и вы говорили, так и я думаю. Поставлено мне в вину, что в сравнительно небольшом рассказе я развернул целую душевную драму, «а это может делать только Чехов. . .» говорит рецензент.

Ну, нет в рассказе и конституции, а только кусочек жизни.

Я его непременно напечатаю в другом месте и пришлю вам, чтобы вы видели, что нет там подражания.

Для меня ясно, что человек, писавший мне, впал в ошибку.

* Т. е. пьесы Треплева.

Эпизодически в рассказе говорится, какое впечатление произвел рассказ ваш «Без заглавия» на натуру непосредственную. Говорю я об этом, потому что так было на самом деле. Рецензент же очевидно смешал два понятия: «подражать» и «увлекаться идеей Чехова» и вышло неумно и несправедливо, а потому даже и не очень больно.

Эту неделю я увлекался все Вересаевскими вещами, сильное, хорошее впечатление от них остается. Славный он должно быть парень.

Получил я от Ив. Ив. Горбунова[1] хорошее приветливое письмецо, а вот Миролюбов[2] что-то помалкивает, ну и бог с ним.

Прочел я стихотворение «Антоновки»[3], оно ничего было бы, если бы поглаже написано.

Затем в первый раз в жизни прочел «Бесов» — странная штука. В том месте, где описывается чтение Кармазинова, я диву дался.

Вот ненависть к Тургеневу у Достоевского!

Я теперь не в состоянии читать Достоевского, он мне противен, несмотря на всю величину его таланта.

Как вам понравился Мазепа? Веруша называет его «страшнюка». Мне хочется, чтобы вы при случае показали этот портрет Горькому. Я себе представляю, как он засунет пятерню пальцев себе в волосы и нагнется над портретом, чтобы получше его рассмотреть.

К сожалению, все остальные выпуски отцовских очерков[4] разошлись и прислать их нельзя. Будет 2-ое издание и тогда достану.

Погоды у нас стоят хорошие, а в Ялте вероятно и подавно, и вам веселее.

Любящий вас *Бор. Лазаревский.*

На масляной может быть на один день заскочу.

2

5 сентября 1903 г.
С. Подлипное.

Я пробыл неделю в Москве, а потом 1 день в Ясной Поляне (3-го) и до сих пор не могу отделаться от того удивительного впечатления, которое на меня произвел Л. Н.

Хочется поделиться всем этим с Вами, дорогой Антон Павлович, и кажется, что один Вы только поймете мою радость.

Я попал в Ясную Поляну чрезвычайно удачно, — никого из гостей не было.

Л. Н. видимо скучал, он совсем здоров, но 29-го лошадь наступила ему на палец ноги и нужно сидеть в кресле, а ему хочется верхом поехать, — погода в Ясной Поляне чудная осенняя, просто для Тургеневского описания.

Л. Н. обласкал меня очень, не знаю, так ли он со всеми.

Меня удивила его память. Он сразу сказал, что ему понравился мой рассказ «Не выдержал», и по тому, как он говорил, было видно, что он помнит чуть ли не каждое выражение. Всего, о чем он говорил, здесь не опишешь, но много говорили и о Вас — «Чехов — это Пушкин в прозе...»

Если бы Вы знали, как мне радостно было слышать это сравнение.

Меня Л. Н. ставит на одну доску с Серафимовичем, Буниным и Андреевым.

Вряд ли, если бы Андреев слыхал это, — вряд ли бы ему понравилось такое мнение. День в Ясной Поляне был самым счастливым в моей жизни. Вечером Тат[ьяна] Льв[овна] и Алекс[андра] Львовна с гитарами пели

Ночи безумные.

Окна были открыты, звездное темное небо... Л. Н. сидел, подпершись рукою в кресле, и, видимо, с наслаждением слушал.

Когда я прощался, Л. Н. долго задержал мою руку в своей и сказал:

— Да, так вот что я хотел еще вам сказать, самое главное у писателя это его индивидуальность, а чтобы быть индивидуальным, надобно быть ужасно искренним.

— Да и по-моему нужно быть до цинизма искренним.

— Именно, до цинизма, сказал Л. Н., он еще пожал мне руку и подарил свой портрет с надписью.

Вы можете представить, с каким чувством я летел в тюльбери, в ночной темноте к «Козловой Засеке». Точно воздух вокруг другим стал, а

в вагоне потом как дышалось, как дремалось.

В Москве тоже было интересно и хорошо. Я был у Ив[ана] Пав[ловича]. Чудный он господин и чудная его школа.

Теперь скорее в Севастополь. Утром отбывать службу, а ночью за работу у письменного стола. Сейчас ужасно хотелось бы устно рассказать Вам о всем, что говорил Л. Н.

Крепко любящий Вас

Бор. Лазаревский.

Лазаревский Борис Александрович (1871—1919), беллетрист; служил в военно-морском суде; писал повести и рассказы также на украинском языке; его воспоминания о Чехове напечатаны в «Русской мысли» XI, 1906; 7 писем Чехова к Л. напечатаны в шеститомном собрании писем Чехова. Кроме того, 4 письма в кн. «Чехов. Несобранные письма», Гиз., 1927.

[1] Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864—1940) — писатель, друг Л. Н. Толстого, руководитель издательства «Посредник».

[2] Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939), издатель «Журнала для всех» с 1898 г.; ранее (под фамилией Миров) в течение 4-х лет — артист Московского Большого театра (бас).

[3] Автор стихотворения — Родион Абрамович Менделевич, сотрудник московских газет. Вот начало стихотворения: «Ах, вошел напрасно в моду бедный Чехов, наш Антон... От Антоновок проходу не имеет в Ялте он...»

[4] Лазаревский Александр Матвеевич (1834—1907) — отец беллетриста; служил по судебному ведомству; автор ряда трудов по истории Украины.

А. А. ЛУГОВОЙ

1

21 июня 1896 г.
[С.-Петербург].

Многоуважаемый Антон Павлович.

Ваша рукопись[1] за ее нецензурность арестована... в несгораемом шкапу у Маркса. Я получил ее 19-го, вечером прочел, а утром так расхвалил ее Марксу, что он, и не читав ее, восстал против возвращения ее Вам, как Вы этого желаете. Маркс вчера уехал за границу, а рукопись я передал управляющему конторой, у которого она и хранится в денежном шкапу.

Сердечное, искреннее спасибо Вам за то, что Вы прислали мне именно эту, а не какую-нибудь другую повесть, не маленький рассказ. Я ценю в ней то, что эта вещь с большим содержанием. С одной стороны, она злободневна; но не настолько, чтоб приближаться к все еще модной толстовщине, с другой — она вечна, потому что страдания свободного духа, стремящегося освободиться от опутавшей его паутины житейских мелочей, были и будут, всегда и всюду, одни и те же. Впрочем, это даже и не страдания, потому что свободный дух не может испытывать страданий, — он выше их; это даже не борьба, — это естественный рост зерна, сбрасывающего с себя оболочку и сквозь слой насыпанной сверху земли пробивающегося к солнцу к жизни. Всего же ценнее в Вашей повести то, что вот все, что я сейчас сказал в выражениях несколько приподнятых, выражено в ней словами и образами в высшей степени простыми. Нет проповеднического «глаголания».

Словом, мне будет очень приятно печатать эту вещь, а для Вас выгодно выступить именно с таким произведением пред такой большой аудиторией, как аудитория «Нивы». Вещь глубокая по содержанию, она, тем не менее, общедоступна. Все это я, разумеется, говорю, судя по первой трети; но мне кажется, что и две последние будут таковы же.

На те условия гонорара, о котором Вы говорили при нашем последнем свидании здесь, т. е. 350 р. за лист (35 т. букв), Маркс согласен, но было бы желательно, чтоб Вы сохранили пока размер гонорара в секрете.

Теперь поговорим о цензурности Вашей повести. Правда, Вы взяли тему, с этой точки зрения, щекотливую, и не зная конца, я не могу еще составить окончательного суждения по этому вопросу.

Однако, в частности, в первой трети я еще не вижу ничего такого,

что встретило бы большие препятствия в цензуре или чем, в крайнем случае, было бы нельзя поступиться без ущерба для художественной цельности произведения. Ведь в отдельном издании Вы можете восстановить все, а в «Ниве», ради большой аудитории, можно кое-чем и пожертвовать. Но, повторяю, я еще пока не вижу ничего, о чем бы я не решился с цензором спорить. Я надеюсь, что даже сцена у губернатора пройдет целиком. — Кстати, какой прекрасный, художественный штрих этот вопрос: «вы вегетарианец?»! — Но вот что я считаю необходимым вычеркнуть прямо в рукописи, так это слова: «гримасничала, передразнивая губернатора» (стр. 65 рукописи, цитирую на память). Надобности в них нет, а что они подействуют раздражающим образом, это я чувствую. Конечно, и на рассуждениях о всеобщем физическом труде цензор остановится, но я думаю, что я буду в состоянии все это отстоять. Однако, все будет зависеть от того, как Вы закончите повесть. Зная Вашу объективность, подавшую повод упрекать Вас даже в индиферентизме, я смело надеюсь, что в общем, несмотря на опасность темы, Вы все напишете цензурно, — по крайней мере с той точки зрения, как я смотрю на цензуру, как я ее понимаю и знаю. Мне приходилось слышать от покойного цензора драматических произведений, Кейзера, что по высшим, неофициальным инструкциям, цензура руководствуется такими соображениями: если произведение имеет высокое художественное значение, если автор беспристрастен, если сомнительные в цензурном отношении места в произведении нужны для полноты и ясности художественных образов,—пропускается многое такое, что никогда не пройдет в произведении ничтожном или тенденциозном, где автор или видимо бьет на низменные инстинкты толпы, или односторонне, пристрастно выдвигает одну почему-либо неудобную в цензурном смысле сторону того или другого явления общественной или государственной жизни. Проведите только произведение чрез фильтр audiatur et altera pars и его можно всегда провести чрез цензуру.

Укажу еще на личный опыт. Когда печатались в «Сев⟨ерном⟩ Вестн⟨ике⟩» мои «Грани жизни», цензор, уже знавший меня по «Pollice verso», вычеркивал у меня сначала многое, но потом, после данных ему мною объяснений, кое-что опять восстановлял из зачеркнутого. По мере того, как роман развивался, цензор становился менее строгим, а когда я встретился с ним чрез несколько месяцев по окончании печатания романа, то он сказал мне, что, еслиб он предвидел, как я буду писать конец, то и все вычеркнутое в начале пропустил бы.

Вот почему, зная Вашу манеру писать, я думаю, что Ваша повесть пройдет без особых затруднений.

Во всяком случае, и я, и Маркс, мы готовы попробовать, если будет нужно, представить всю повесть в наборе до начала печатания.

Обо всем этом мы еще поговорим, когда я получу от Вас окончание.

Что касается названия «Моя женитьба» [2], то я понимаю, почему оно Вам не нравится: оно мало, узко для содержания взятой Вами картины; Вы захватили больше, чем выражает это заглавие.

Теперь вопрос о возвращении Вам присланной первой трети рукописи. Прежде всего, так как Вы теперь уехали в гости, то удобно ли посылать рукопись, чтоб она лежала неопределенно долгое время в Серпухове или в Лопасне на почте. Во-вторых, нужна ли она Вам теперь, или тогда, когда Вы кончите все и пришлете лишь конец. Тогда мы могли бы прислать Вам начало уже в наборе, и Вы могли бы по корректуре править, изменять и дополнять, как Вам угодно. С своей стороны, как редактор, я нахожу, что печатать эту вещь можно и без малейших поправок; там есть только две, три ничтожных шероховатости, вроде, например, того, что у Вас три раза, по разным поводам, повторяется л и л о в ы й цвет. — Но такие мелочи заметнее, когда Вы будете читать корректуру, спустя некоторое время после окончания вещи. Но Вы, как «отец своего детища», конечно, любите находить

нужным украшать и приглаживать его до последней минуты выпуска его в свет. Словом, если Вы хотите непременно получить теперь же эту рукопись обратно, то черкните об этом две строчки в редакцию «Нивы» на имя Юлия Осиповича Грюнберга[3], и он тотчас вышлет Вам рукопись. Если же не хотите, чтоб она трепалась взад и вперед по почте, и если Вы можете для своих исправлений удовлетвориться имеющимся у Вас черновиком, то оставьте ее здесь до августа и правьте прямо по корректуре.

Теперь еще вопрос о том, когда же Вы пришлете конец. Я уезжаю 29-го июня, если ничто не задержит. Вернуться предполагаю только в первых числах августа. За границей ничего читать не буду, да и не буду оставаться нигде долее 2—3-х дней, причем не составляю себе никакого определенного маршрута. Значит, конец Вашей повести нужно получить здесь к первому августа, потому что я могу вернуться и к первому, хотя может случиться, что на несколько дней запоздаю. Решить же вопрос о получении Вашей повести как можно раньше важно и в том отношении, что мы сентябрьскую книжку начинаем набирать в первых числах августа; а если возможно, то и в конце июля. Ваша повесть должна пойти на первом месте — ergo... Начать же ее в сентябре желательно потому, что она по своему объему потребует места во всех четырех книжках до нового года.

На основании того, что я написал Вам сейчас о цензуре, Вы можете судить, насколько конец и общий характер Вашей повести подходит к моим соображениям, и я прошу Вас написать мне об этом пару строк. Не мешает, во всяком случае, принять во внимание и то, что теперь новый начальник Главного управления по делам печати, и каковы будут новые порядки еще не известно. После коронации здесь были огромные стачки рабочих на фабриках, продолжавшиеся чуть ли не две недели, и хотя теперь рабочие принялись за работу, но еще неизвестно, будут ли удовлетворены их просьбы и не возобновятся ли стачки. Все это, конечно, может отразиться неблагоприятно и на цензуре. Однако, я думаю, что, при таких условиях, бесцензурные журналы делаются еще осторожнее.

Пишите мне теперь в редакцию «Нивы» с надписью на конверте «л и ч н о е». Мне перешлют письмо за границу. Из-за границы я Вам напишу, когда именно я вернусь в Петербург.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вашу руку. Душевно преданный Вам

Ал. Луговой.

Если Вам в счет присланной рукописи понадобятся деньги, напишите мне, если же Вы обойдетесь без этого до августа, тем лучше.

2

10 мая 1897 г.

Спасибо, многоуважаемый Антон Павлович, за присылку «Мужиков». Все это прекрасно, как все, что Вы пишете, с художественной точки зрения, и отвратительно, как действительность, чорт ее побери! Еще еслиб можно было утешаться, что это так у нас, а у других народов лучше; а то ведь везде есть эта тьма. Наши мужики все еще лучше тех, которые описаны Золя. Вас упрекают, что в «Мужиках» Вы т е н д е н ц и о з н о берете только темные стороны, умалчивая о светлых. Вздор это. Точно художник о б я з а н, чтобы быть объективным художником, подыскивать непременно и такие явления, которых у него в данную минуту не оказывается под руками. Такого рода тенденциозная объективность, с равным количеством темных и светлых сторон, должна претить художнику в минуту вдохновения. Вы берете сегодня одну темную краску, потому что у Вас такое настроение, навеянное каким-нибудь явлением, завтра, под влиянием другого настроения, возьмете одну светлую, и благо Вам.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам здоровья и всего лучшего.

Душевно Ваш *Ал. Луговой.*

У меня здесь тоже есть два, три интересных мужицких типика. Наслу-

шаешься слов, каких не выдумаешь, хоть изгрызи перо, как сказал Некрасов.

Луговой (наст. фамилия Тихонов) Алексей Алексеевич (1853—1914), беллетрист и драматург; был редактором журнала «Нива»; его воспоминания о Чехове напечатаны были в «Вестнике Европы», VIII, 1904; 9 писем Чехова к Л. напечатаны в шеститомном собрании писем Чехова, кроме того 7 писем в кн. «Чехов», Атеней, 1925.

[1] Повесть «Моя жизнь» напечатана была в «Ежемесячных приложениях» к журналу «Нива» (X, XI, XII, 1896).

[2] Чехов сначала хотел назвать повесть «Моя женитьба», потом телеграфировал новое название «Моя жизнь», потом в письме к Луговому из Феодосии (от 13 сентября 1896 г.) писал: «Это название кажется мне отвратительным, особенно слово «моя». Не лучше ли будет «В девяностых годах»? Это в первый раз в жизни я испытываю такое затруднение с названием» Ср. Письмо к Лаврову (от 9 февраля 1893 г.), где приведено 9 вариантов для названия повести, напечатанной впоследствии под названием «Рассказ неизвестного человека».

[3] Грюнберг Юлий Осипович (1851—1900), управляющий конторой журнала «Нива» и издательства А. Ф. Маркса.

М. О. МЕНЬШИКОВ

1

20 августа 1896 г.
Ясная Поляна.

Дорогой Антон Павлович,

Пишу Вам, по обещанию, прямо из львиной берлоги. К сожалению, седой лев болен[1]: желчные камни, хотя это не мешало ему еще третьего дня, когда я приехал, играть в lawn tennis, купаться (плавает по-богатырски), а вчера ездить верхом верст 16. Недавно он с Татьяной[2] и Чертковым[3] ездили за 35 верст верхом туда и назад! Но сегодня уже не выходит: клистир, ревень, Эмс и ванны.

Стоило мне сказать, что я от Чехова, как все львицы, старая и молодые, выразили величайшее внимание: — Отчего он к нам не приедет? Я, со свойственною мне, в качестве Вашего дипломата, тонкостью заметил, что он, Чехов, страшно хотел бы к вам приехать, да боится стеснить: у вас-де столько гостей etc. Львицы подняли вопль. Софья Андреевна со свойственною ей тонкостью заявила, что такое уж их несчастье, что целые толпы разной сволочи осаждают их дом, а люди милые и им дорогие стесняются приехать, «но скажите ему, что мы всем сердцем рады и примем его à bras ouverts. Дальше — комплименты Вашему уму, таланту и пр. Записала от меня Ваш адрес, собирается сама писать. Ужасно жалела, что Вы можете приехать только в сентябре, когда ее не будет здесь (от 5 до 23 Сентября она — запомните — будет в Москве). Я передал Ваше намерение принимать с Машей больных, — Маша этому очень рада — и вообще, что они, барышни, очень Вам понравились. Вчера, едучи с Татьяной Льв., опять говорили о Вас. Татьяна «очень вас любит, но чувствует какую-то грусть за Вас, думает, что у Вас оч[ень] большой талант, но безжизненное материалистич[еское] миросозерцание» и пр. Рассказом «Убийство», который мне так понравился, Татьяна возмущена. Скажите, — он очень избалован? Женщинами? — Да, говорю, — к сожалению, избалован. — Ну, вот, — мы говорили об этом с Машей и советовались, как нам держать себя с ним. Эти дамы — противно даже, — смотрят ему в глаза: — ах, Чехов вздохнул, Чехов чихнул. Мы с Машей решили его не баловать, прибавила Таня с прелестною откровенностью. Вы и представить не можете, как это мило было сказано. Я рассмеялся и заявил, что непременно напишу Вам обо всем этом. Сегодня опять в разговоре о Вас С. А. заявила, что только Вас и считает из молодежи за писателя: Короленко, по мнению всей семьи, фальшив. Лев отозвался о Вас так, что Вы большой и симпатичный талант, но связанный (как я подсказал ему) скептическим миросозерцанием, и он боится даже надеяться, что Вы высвободитесь из этих пут (как — прибавил он — можно было ждать от Лермонтова, например). Чувствуется, что Лев

очень любит Вас и следит за Вами, но не без родительской тревоги. Вот и все, что слышал о Вас; может быть что и забыл, но общий тон тот, что Вас очень любят, ценят и ждут как дорогого гостя. Я расхваливал Вас, с своей стороны, в той мере, в какой непритворно люблю Вас и уважаю, т. е. в степени близкой к превосходной. Расспрашивали о Вашей семье, и я особенно настаивал на необходимости молодым графиням подружиться с Марьей Павловной, на разрисовку которой тоже не пожалел суздальских красок.

Будьте здоровы, передайте мою благодарность за гостеприимство П[авлу] Е[горовичу], Е[вгении] Я[ковлевне], М[арии] П[авловне] и глубокие поклоны. Едва ли мне придется поехать с Вами в сентябре, но не забудьте меня, если буд[ете] в Петербурге.

М. Меньшиков.

Вся семья, особенно барышни, как я пригляделся, — чудные люди, совсем простые, и я чувствую себя лучше чем дома.

2

12 апреля 1897 г.

Дорогой Антон Павлович.

В Петербурге слух, что Вы серьезно больны. Я знаю, как Вам должно быть противно писать письма, но хоть двумя строчками на открытке сообщите, верен ли этот слух. Об этом просит Вас не один, а трое Ваших искренних почитателей: Яша, Лидия Ив. Веселитская [4] и я. Прочли «Мужиков» [5]; Лидия Ив. в восторге, я же ошеломлен этой тяжелой картиной. Вещь мастерская, одна из самых сильных Ваших вещей: это та картина, о которой мечтал Гаршиновский Рябинин. Прочитать этот рассказ безнаказанно нельзя. От всего сердца желаю еще таких же повестей о забытом теперь мужике, хоть с десяток, т. к. Вы мало пишете.

Преданный Вам *М. Меньшиков.*

3

[Январь 1899 г.].

Дорогой Антон Павлович, Гайдебуров [6] в Париже, и судя по телеграммам, склонен застрять там. То, что он послал Вам 300 вместо 500, как я просил, поставлю ему на вид. А пока не можете ли Вы написать, сколько «Неделя» должна Вам доплатить (по размеру гонорара Вашего в «Ниве»), считаю в листе «Недели» 25 000 букв. Тогда я мог бы и без Гайдебурова потребовать, чтоб контора дослала Вам недоплаченные деньги.

Рассказ Ваш [7] вышел очень сильный, «цоцкай» как живой. Читая эту вещь, я все удивлялся краткости формы и обилию содержания: слова, фразы, слог — все это у Вас канва, совсем исчезающая под картиною огромной и глубокой жизни. Вся суть в волшебной способности находить в хаосе слов те самые простые словечки и то нечаянное сочетание их, которые — как чиркнутая спичка — сразу освещает множество вещей. Единственное, что мне показалось несколько натянутым в рассказе, это сон следователя. «Мы идем, идем, идем» — превосходно, но объяснение этого символа, и от лица покойника, и книжным языком — мне показалось ненатурально. Но конец опять захватывает силой и естественностью. Это одна из лучших Ваших вещей.

«Русь» [8] Вам должна быть выслана уже за истекающий год и будет высылаться в будущем, если, конечно, допустить, что она будет продолжаться. При мне пришел в типографию высокий, полный господин в цилиндре с портфелем. Велел остановить набор «Руси», заботливо распорядился (в мои корректуры так и впился глазами: — Это не для «Руси»?) и уехал обедать. Я подумал: что это за дивное существо русский интеллигент! Его можно нанять в инспектора типографии, в цензоры и во что хотите, и он за сто рублей высмотрит все щели, не запряталось ли там неугодное начальству слово...

А «Русь» прекращена по донесению еще оч[ень] молодого, «начинающего» цензора, губ[ернского] секр[етаря] Тучапского.

На днях у меня был Ежов [9]. Очень милый человек. В Москве буду — зайду к нему и постараюсь познакомить с Толстым. Здесь познакомил его с Микулич и мы оба уговаривали

его вернуться к художественной работе.

Яша мой покашливает. По Вашему совету Лидия Ив. обтирает его водой 27°. А меня мучает тошнота и рвота после обеда и собираюсь после святок к Манасеину [10].

В Алуште есть у меня знакомые толстовцы, которые сильно зовут купить около них землю, зовут приехать выбрать ее и пр. Не знаю, соберусь ли.

Как то Вы проводите праздники, дорогой Антон Павлович? Скучно, небось. Все мы сердечно поздравляем Вас с Новым годом и желаем всего лучшего.

Ваш *М. Меньшиков.*

Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), публицист и литературный критик; был сотрудником либеральных журналов, позднее видный сотрудник «Нового времени», крайний реакционер. 1 письмо Чехова к М. опубликовано было в VI томе «Писем», 49 писем напечатано в сб. «Чехов», изд. Атеней, 1925. О М. есть запись в дневнике Чехова за 1896 г.

[1] Толстой Лев Николаевич (1828—1910).

[2] Толстая (по мужу Сухотина) Татьяна Львовна (род. 1864), старшая дочь Л. Н. Толстого.

[3] Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936), друг Л. Н. Толстого; в 1884 г. — соучредитель изд-ва «Посредник», в 1897 г. был выслан за границу, где организовал изд-во «Свободное слово» — в нем печатались запрещенные в России сочинения Л. Н. Толстого; вернувшись в Россию, поселился близ Ясной Поляны и занялся распространением религиозно-философских взглядов Толстого; последние годы был главным редактором советского академического издания сочинений Толстого.

[4] Веселитская (псевдоним Микулич) Лидия Ивановна (1857—1936), беллетристка.

[5] О «Мужиках» М. напечатал восторженную статью в «Книжках Недели», V, 1897. [«Среди уличного гама раздался строгий Реквием — таково впечатление от нового рассказа Чехова» — так начинает свою статью М.; он считал рассказ исключительным явлением как по художественному, так и по социальному значению, событием, делающим эру в беллетристике, «как когда-то «Антон Горемыка» (несравненно слабейший) или «Записки охотника» (не более сильные); «... рассказ поражает глубоким знанием предмета; рассказ дает не только полное знание, но и знание важное по существу»].

[6] Гайдебуров Василий Павлович (род. 1866), журналист и поэт, сын П. А. Гайдебурова, издателя журнала «Неделя».

[7] Рассказ «По делам службы» напечатан был в «Книжках Недели», I, 1899.

[8] Газета «Русь» издавалась также В. П. Гайдебуровым.

[9] Ежов, Николай Михайлович (род. 1862) — беллетрист, юморист, фельетонист; писатель мало одаренный, он прославился своими злобными и клеветническими статьями о Чехове, напечат. в суворинском «Историческом вестнике» (1909, 8 и 11); статьи эти вызвали в свое время возмущение; при жизни Чехова Е. часто прибегал к помощи и покровительству Чехова; еще в 1904 г. ко дню премьеры «Вишневого сада» он в телеграмме поздравлял Чехова «от всей души, исполненной прежней любви и преданности».

[10] Манасеин Вячеслав Авксентьевич (1841—1901), профессор, выдающийся терапевт, публицист, редактор журнала «Врач».

П. Н. ОСТРОВСКИЙ

4 марта 1888 г.

Милостивый Государь
Антон Павлович.

Премного благодарен Вам за доставление оттиска; от Плещеева я так его и не дождался; за чтение «Степи» принялся я с большим любопытством; первый раз прочел все за один присест, во второй раз медленнее с новым удовольствием; затем принялся перелистывать и перечитывать, отмечать выдающиеся места, подбирать промахи и погрешности... вообще старался подвести итог и формулировать общее впечатление. Впечатление это оказалось довольно сложным: к испытанному мною чувству живого удовольствия примешивалась также и нек[ото]рая досада.

За удовольствие позвольте Вас поблагодарить, за досаду попенять, а также позвольте поделиться с Вами мыслями, к[ото]рые забродили во мне по прочтении Вашей «Степи». Начну, чтобы поскорей с ним разделаться, с чувства досады. Все время в продолжении чтения во мне шевелился и не давал покоя вопрос: зачем так мало искусства, мастерства на такое большое количество таланта? Зачем так мало отделки, распорядка в этой массе поэтического материала высшей пробы? Спешность и, извините, небрежность работы отзывается не только в частностях, в легко поправимых пустяках (однообразная конструкция фраз, нечистота языка, кой где неудачные эпитеты), но и сказывается отсутствием плана и дает себя чувствовать на общем впечатлении. Эта небрежность нагромоздила в рассказ материала больше чем следует, заторопила ход рассказа и скомкала его конец. Автор не ведет читателя, не помогает ему отдыхать, сосредоточивать его внимание на известных выдающихся местах. Я уверен, что читатель обыкновенный, «не искусившийся на грамоте», не разберет в рассказе многое, пробежит мимо доброй половины того, что есть в нем хорошего; конечно растягиванье, размазыванье жидкого, скудного содержания на многое множество печатных листов гораздо хуже, и несомненно, что недоговорить лучше, чем наговорить лишнее, но это все-таки недостаток!

В рассказе нет внутренней организации, к[ото]рая бы определяла всему надлежащее место и меру, — нет центра, к к[отор]ому бы, располагаясь вокруг, тяготели второстепенные лица и мелкие подробности; жизнь степи и душевная история ребенка взаимно не покрываются, и то ребенок, то степь перетягивают к себе внимание читателя. Комментарии и впечатления автора, издавна знакомого со степью вдоль и поперек, автора, резонирующего и поэтизирующего свои впечатления, перемежаются с наивными, непосредственными ощущениями ребенка; в отдельности и то и другое верно, поэтично; но переходов между ними нет или они слишком резки; внимательного читателя это иногда сбивает и вредит цельности его впечатления! Тургенев в этом смысле (как достигать цельности впечатления?) великий мастер и образец достойный изучения: самые незначительные его рассказы производят эффект тем искусством, с коим он выбирает какую-нибудь человеческую фигуру в посредники между изображаемым миром и читателем (нечто вроде прозрачной сферы, собирающей и преломляющей световые лучи, прежде чем они дойдут до глаза) и никогда не выходит из тона и миросозерцания этой фигуры.

В общем Ваш рассказ произвел на меня впечатление большого полотна, зарисованного маленькими картинками; Вы мало обратили внимания на постройку; если к этому я прибавлю, что на мой вкус второй рассказ старика о разбойниках лишний и что губчатая шишка Емельяна, а также пожирание живой рыбы Васей мне кажутся неприятными подробностями, к[ото]рые ничего не мотивируют и сами ничем не мотивированы, то этим, пожалуй, будет исчерпано все, к чему бы я мог придраться. Затем остается только кланяться и благодарить! Картины природы, душевные состояния ребенка, огромное количество нарисованных фигур... короче все полно жизни, правды и поэзии! Тургеневу хватило-бы Вашего материала на пол-дюжины «рассказов охотника». Вы не слепы и не глухи к божьему миру; видите его краски, слышите его звуки; у Вас много отзывчивости на всякое дыхание жизни, много способности передавать воспринятые впечатления для всех ясно, осязательно и нередко с неуловимою тонкостью; к этому свойству чуткости надо прибавить меткость. Вы умеете передавать особенные черты во всей их особенности, с их запахом и вкусом, с их характерностью; читатель ясно видит не только главных действующих лиц, но и все немые, мимоходом набросанные Вами фигуры: таинственного Тита (сколько я видел таких мальчишек!), интеллигентную парочку в церкви, Варламова и др... Затем в весьма значительной степени Вы владеете душевным настроением: за внешними про-

явлениями жизни, ее звуками, линиями и красками Вы чуете жизнь души, моменты душевных состояний; чуете, изображаете и заставляете читателя их переживать; гроза, болезнь Егорушки, подводчики, Дымов, ненавистник Соломон, счастливый муж... все это и многое другое захвачено психически верно, изображено тонко-задушевно; фигура счастливого мужа положительно восхитила меня; думаю, что от нее не отказался-бы ни один из прежних наших больших беллетристов! Тонкость ощущений в соединении с отсутствием болезненной нервности чрезвычайно привлекательны; от Ваших отношений к жизни веет чем-то свежим, здоровым, бодрым; в этом коренное Ваше различие с современными молодыми беллетристами: между ними есть люди с талантом; но или психопатическое нытье, или тупой, озлобленный радикализм мешают им смотреть просто на божий мир. — Короче, главные, первичные, элементарные свойства таланта у Вас в изобилии; это дает повод надеяться на бо́льшее, вернее сказать, дает право требовать бо́льшего; талант обязывает! Хочется думать, что Вы пойдете дальше: от жанровых сценок перейдете к большим картинам. Когда я старался осмыслить впечатление, выносимое мною из чтения Ваших маленьких рассказов, мне иногда приходило в голову такое сравнение: пианист подходит к рояли и берет аккорд, иногда повторит его раз, другой, сильнее или слабее, октавой выше или ниже и только! Кажется немного, но отчего-то взятый аккорд затрогивает в душе слушателя чувствительное место и иногда очень глубоко в ней отдается; удивительная способность! Но все таки это аккорд, не больше; пора приняться за мелодию; Вы доказали свою способность к изображению душевных настроений, моментов, когда душа одержима известной эмоцией и из нее не выходит; приятно было бы, чтобы изображение расширилось на всю область душевной жизни и затронуло направление воли, чтоб мы увидали, как человек не только чувствует, принимает жизнь, но и как он действует, устраивает судьбу активно и как слагается, во взаимодействии данного от природы характера с влиянием окружающей среды, его душевный облик. Хочется думать, что сила таланта не истратится по мелочам, что из толпы воспринятых образов, сменяющих друг друга, нек[ото]рые вынырнут, привлекут к себе исключительное внимание автора и вырастут в представителей общественных типов и идеалов — что к элементарным, инстинктивным свойствам таланта привзойдут и сознательное чувство меры, без коего нет художественного произведения, и обобщающие явления жизни идеи, без к[ото]рых не может быть большого писателя — то и другое приобретается личным усилием и трудом — и что мы дождемся наконец хорошего русского романа; романа, т. е. не жанровых картинок, не одних рассказов, порожденных временным субъективным настроением автора, а объективного изображения современного общества с его чувствованием и пониманием жизни, с его верованиями, идеалами, или по крайней мере с его поисками за верованием, с его тоской по отсутствующему идеалу. — Чувствуете-ли Вы, как нужен нам такой роман? В последние 10, 15 лет мы совершенно утратили понимание русской жизни. За эти годы совершилось многое: изменился весь прежний строй общества, разложились окончательно прежние сословия с их крепкой типовой жизнию, увеличился чуть не вдесятеро личный состав среднего общества, народился интеллигентный пролетариат; люди иначе, не по-прежнему чувствуют жизнь, приспособляются к ней, иначе веруют и не веруют, иначе молятся, иначе ищут душевного равновесия... Я последние годы сижу дома, варюсь в собственном соку, слежу за жизнию по газетам и журналам и конечно не знаю жизни, но я твердо убежден, что новая жизнь не исчерпывается, как уверяют многие, разливом пошлости и кулачества и думаю, что шум и сутолока жизни только мешают присмотреться к той сокровенной внутренней работе, к[оторая в ней непрестанно совершается. Личность кристаллизируется по новому, складывается новый общественный тип, а литература и журна-

листика все корячатся с своим направлением 60-х годов, к[ото]рое в сущности давно выдохлось и от к[ото]рого остались только фраза, да поза! Впрочем... я замечаю, что заговорился и взял в сторону; вижу, что пора окончить. Позвольте пожелать Вам: 1) сохранить свою независимость от редакций и литературных кружков, их зловредные влияния исказили, или свели на-нет не мало начинающих талантов и 2) писать, не спеша, и овладеть секретом постройки беллетристических произведений, что ведь не бог знает как трудно; пишите, если Вам так уж бог послал, 6 печатных листов в месяц, но еще хоть месяц прибавляйте на отделку написанного; дайте нам три, четыре безукоризненно отделанных повести; а роман (пожалуйста не забудьте своего обещания показать мне первую часть: теперь, по прочтении «Степи», я еще больше этим интересуюсь) пускай зреет потихоньку; он ничего от этого не потеряет!

Написал довольно, а сказалось меньше, чем хотел; во всяком случае примите мое болтанье, с тем чувством, с коим оно написано, т. е. с самым доброжелательным.

Готовый к услугам *П. Островский*.

Какой славный юноша Ваш брат!

Автор этого письма-отзыва о повести Чехова «Степь» Петр Николаевич Островский (1839—1906) — брат знаменитого драматурга, окончил Инженерное училище, служил в саперных войсках, выйдя в отставку, служил в Контрольной палате; в 1876 г. редактировал «Театральную газету». Некрологическая заметка об О. — в газете «Слово» 26 ноября 1906 г. (автор — приятель О-го, писатель И. Л. Леонтьев-Щеглов); сведения об О-ом в статье Б. Л. Модзалевского — «О братьях и сестрах Островского» («Островский». Новые материалы. Ред. М. Д. Беляева. Труды Пушкинского Дома. 1924). Чехов познакомился с О. через Плещеева, который был с ним в дружественных отношениях и ценил его критические способности. «... Вот только в политических делах — я с ним расхожусь и стараюсь всегда избегать с ним разговора на эту тему...» (из письма Плещеева к Чехову от 8 февраля 1883 г.). В печати О. не выступал, довольствуясь, по выражению И. Л. Щеглова, своей скромной дружески-менторской ролью, ролью литературного советчика и помощника. Чехов тоже ценил литературный вкус О. («он имеет хорошее чутье, массу читал, повидимому, очень любит литературу и оригинален»); отзыв О. о «Степи» Чехов назвал в письме к Плещееву (от 6 марта 1888 г.) «в высшей степени симпатичным, доброжелательным и умным»; «важно, что он обладает методом; для аналитика, будь он ученый или критик, метод составляет половину таланта». Позднее, в письме к Плещееву (14 сентября 1889 г.), Чехов говорит об О.: «Его взгляды на нравственность, на политику и проч. — это какая то перепутанная проволока; ничего не разберешь... Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей, много думающих, но мало образованных, не привыкших к точным определениям и к тем приемам, которые учат людей уяснять себе то, что думаешь и говоришь». Никаких следов личных отношений Чехова с О. после 1890 г. не встречается; в письмах О. к И. Л. Щеглову, опубликованных в упомянутом выше сборнике Пушкинского Дома, есть отзывы О. о Чехове («... а Чехов меня повергает в уныние; мои надежды, что из него выработается крупный писатель, кажется, окончательно рушились...» «В маленьких штрихах талант сказывается попрежнему, но относительно развития характеров и всякой «выдумки» слабо»); «Рассказ неизвестного человека» (1893 г.) по словам О. «приятно изумил его»: это «первая вещь, в которой он показал способность к литературной выдумке; я давно ему советовал взяться за тип русского революционера...»

Письмо-отзыв П. Н. Островского с некоторыми сокращениями было напечатано в сборнике «Чехов и наш край», Азово-Черноморское краевое издательство, 1935 г., в статье С. Д. Балухатого о «Степи»; мы печатаем это письмо полностью.

В. А. ПОССЕ

1

10 октября 1899 г.

Уважаемый Антон Павлович, в настоящее время у меня гостит Алексей Максимович Пешков, и мысль невольно обращается к Вам... Вас не хватает «Жизни» [1], это мы чувствуем оба, чувствуем болезненно-сильно.

С ужасом перебираю я массу беллетристического хлама, присылаемого с разных концов нашего слишком обширного отечества и с нетерпением ожидаю, когда, наконец, пришлет нам хоть самую крошечную вещицу Антон Чехов. Мне кажется, книжка «Жизни» с Вашим рассказом непременно должна выйти улыбающейся, а то, как я ни стараюсь, а «Жизнь» все какая-то хмурая. Вы можете написать хмуро и о «хмурых людях», а журнал все же будет улыбаться и радовать мое истерзанное редакторское сердце. Чертовски скверно иногда себя чувствуешь! Многое, что в первую минуту одобришь и примешь, кажется потом никуда негодным.

Получаете ли Вы «Жизнь»? Я заботился, чтобы «Жизнь» следовала по Вашим пятам, но не знаю, удавалось ли это?

Довольны ли Вы концом «Фомы»?[2] Что скажете о Соловьеве-Андреевиче?[3]

Горький, я надеюсь, еще только начинает развертываться. Встретила его публика и критика с таким энтузиазмом, что ему унывать не приходится. Здесь он положительно плавает в своей «славе». Хвалят его на все четыре корки.

Репин пишет с него портрет. Только бы остался он простым и добрым малым!

Эх, Антон Павлович, до слез обидно, что Вы все болеете. Большая в Вас сила! Как бы мне хотелось с Вами повидаться! По временам не на шутку собираюсь поехать в Ялту на один день, чтоб взглянуть на Вас. Боюсь, как бы не разъехаться!

В конце концов жду от Вас рассказа, жду, что Вы примкнете к «Жизни» и своим сотрудничеством, а также товарищескими указаниями, поможете ей держаться правильного пути. Условия Вы можете ставить, какие угодно.

Искренно уважающий Вас

В. Поссе.

2

28 декабря [1899 г.].

Уважаемый Антон Павлович,

вчера получил и проглотил Вашу повесть[4]. Какая беспощадная, какая зловещая правдивость! Ни одного намека на эффект, а впечатление огромное, проникающее в душу и постепенно растущее уже после того, как повесть прочитана.

Вы хотите, чтобы повесть пошла в феврале. Вы хотите спокойно исправлять ее в корректуре.

Ваш голос в данном случае должен быть решающим.

Поместим «В овраге» (название, по-моему, очень хорошо!) в февральской книжке. Корректуру вышлю через несколько дней. (Рукопись в наборе.)

Нецензурного в повести, по-моему, ничего нет.

Цензор должен уж слишком сильно желать нам повредить, чтобы вычеркнуть хотя бы одно слово.

«Волнение» вызвано было, главным образом, слухом, что Вас в Ялте нет. Я думал, что рукопись могла затеряться, тем более, что почта с юга приходила крайне неаккуратно.

Как бы хотелось побывать в Ялте и повидать Вас, но теперь дела такая масса, что и думать об этом нельзя.

Предполагал приехать на первые дни праздника, но не был уверен, в Ялте ли Вы? Этим и вызвана была телеграмма к Синани[4].

Во всяком случае не умру, не повидавшись с Вами.

Вы пишете так гениально просто, что Вы и сами наверно гениально простой человек, а это — главное при людских отношениях.

Как, напр., удивительно «простой» человек Лев Толстой!

А есть ли более «сложная» натура?

И так, до свиданья!

Не выслать ли Ваш гонорар теперь же, не дожидаясь печатанья повести?

Подписка идет очень хорошо. Число подписчиков, вероятно, удвоится. Но главный успех, что Вы прислали нам такую глубокую, так продуманную вещь!

Жму Вашу руку и желаю Вам радостно встретить Новый год.

Ваш *В. Поссе.*

Поссе Владимир Александрович (род. 1864) — журналист, редактор журнала «Жизнь», автор мемуаров «Мой жизненный

путь», 1929; 8 писем Чехова к П. напечатано в VI томе «Писем».

[1] «Жизнь» издавалась в Петербурге с 1897 г. по 1901 г.; с конца 1899 г. в журнале главную роль стал играть Поссе; помимо статей легальных марксистов в журнале печатались статьи революционных марксистов (напр. статья В. И. Ленина — «Капитализм в сельском хозяйстве»); поводом к закрытию журнала (постановлением 4 министров) послужила помещенная в апрельской книжке за 1901 г. «Песнь о буревестнике» М. Горького. В «Жизни» Чехов напечатал повесть «В овраге» (1900, 1).

[2] Роман М. Горького «Фома Гордеев».

[3] Соловьев (псевдоним Андреевич) Евгений Андреевич (1866—1905), литературный критик, примыкавший к марксистам; автор «Книги о М. Горьком и А. П. Чехове», 1900; постоянный сотрудник «Жизни».

[4] Синани Исаак Абрамович, владелец книжной лавки в Ялте, служившей местом встречи ялтинской интеллигенции.

И. Н. ПОТАПЕНКО

23 августа [1896 г.].
Москва

Милый Антонио,

Ты исчез за день до моего появления в Москве. Это жаль. И куда ты исчез, никому неизвестно. Мне дал адрес в Феодосию, а поехал, кажется, на Кавказ. Но я следую адресу и пишу в Феодосию.

Пиеса[1] твоя претерпела ничтожные изменения. Я решился сделать их самовольно, так как от этого зависела ее судьба и при том они ничего не меняют. Упомяну о них на память. В двух местах, где дама говорит сыну про беллетриста: «я его увезу», изменено «он уедет». Слова: «она курит, пьет, открыто живет с этим беллетристом» заменены: «она ведет бестолковую жизнь, вечно носится с этим беллетристом», слова: «теперь он пьет одно пиво и может любить только немолодых» заменены: «теперь он пьет одно пиво и от женщин требует только уважения» и еще две-три самых незначительных перемены. Дело в том, что цензор желал не совсем того, как ты понял. Он требовал чтобы Треплев совсем не вмешивался в вопросы о связи Тригорина с его матерью и как-бы не знал о ней, что и достигнуто этими переменами.

Теперь пиеса пропущена. Давыдов сказал мне, что ты обещал ему дать пиесу для прочтения и на этом основании я дал ему. По возвращении в Петербург (26-го) я отдам ее в переписку и затем 2 экземпляра представлю в Комитет. У меня есть твое прошение. Не помню, был ли ты так умен, чтобы не прописать месяца и числа. Если Всеволожский[2] будет в Петербурге, то я добьюсь надписи «прочитать вне очереди», тогда она будет готова в начале сентября. Если его не будет, то она попадет в очередь и это несколько замедлит ход. Думаю, что Григоровича[3] в сентябре в Петербурге не будет. Если ты желаешь, чтобы пиеса читалась в Комитете[3] в его присутствии, то напиши мне об этом.

Я уеду из Петербурга за границу 3-го сентября, а вернусь обратно к числу 25-ому. Меня совершенно измучили камни. Двое суток шли. Теперь я бросил есть и пить. Ем только куриную котлету, хорошо прожеванную поваром и двумя лакеями, а пью чай. Играл в Москве на скачках и выиграл 70 р. Кугель[4] сообщил мне, что Соловьев[5] настаивает, чтобы «Русская мысль» пригласила тебя редактором. Это — серьезно. Меньше шести тысяч не бери. Меня он хочет «назначить» редактором «Московского листка», так как ему известно, что для меня меньше 12 тысяч никак невозможно. Правдин[6] что-то просил меня передать тебе о его благодарных чувствах по поводу какого-то присланного тобой рассказа, от которого он в восторге. В Москве кроме Гольцева[7] и актеров Малого театра никого не видал. Завтра увижу мертвеца «Русской мысли»[8]. Говорят, что Ремезов[9] впал в лихорадку от моей повести из быта гробовщиков, приняв ее за намек на то, что ему пора уже... А у Вукола[10] начинается разжижение мозга. Это — самые свежие новости. Каково — приехать в Москву и — не есть, не пить! У Тестова ем — куриный бульон, в Московском Трактире — яйца в смятку, в Эрми-

таже даже не был, а если буду, то стану пить аполинарис.

Будь счастлив. Слышал, что ты получил какой-то волчий билет [11] «по железным дорогам». Завидую!

Жму твои колени.

Твой *И. Потапенко.*

Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929), беллетрист, драматург, фельетонист (псевд. Фингал), отличавшийся необыкновенной плодовитостью, очень популярный в 90-х годах; был в приятельских отношениях с Чеховым; часто гостил у него в Мелихове; его воспоминания о Чехове напечатаны были в «Ниве» № 26, 27, 28, 1914; 2 письма Чехова к П. — в шеститомном собрании писем Чехова, 1 письмо опубликовано было в газете «Правда», № 28, от 29 января 1935.

[1] «Чайка».

[2] Всеволожский Иван Александрович (1835—1909), директор императорских театров с 1881 г. по 1899 г.

[3] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899), был председателем петербургского отделения «Театрально-литературного комитета», разрешающего постановки пьес на казенной сцене.

[4] Кугель Александр Рафаилович (1863—1928), журналист и театральный критик; редактировал журнал «Театр и искусство»; руководил сатирическим театром «Кривое зеркало»; в вопросах театра был «старовером», отрицательно относился к новым течениям в театральной жизни, в частности к МХТ.

[5] Соловьев Михаил Петрович (1842—1901), начальник Главного управления по делам печати.

[6] Правдин Осип Андреевич (1849—1921), артист Малого театра, литератор, переводчик, автор статей по вопросам театра.

[7] Гольцев Виктор Александрович (1850—1906), профессор-юрист, либеральный журналист, публицист; неоднократно подвергался административным взысканиям, хотя был лишь умеренным конституционалистом; с Чеховым был в дружественных отношениях; в общественной жизни Москвы играл большую роль.

[8] «Русская мысль» — журнал, издавался в Москве В. М. Лавровым при ближайшем участии В. А. Гольцева, был одним из видных органов либерально-народнической интеллигенции; после 1905 г. сделался органом правых кадетов (редактор П. Б. Струве); после Октября издавался за границей, объединяя правых кадетов с монархистами. В «Русской мысли» Чехов с 1892 г. преимущественно печатался («Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», «Три года», «Убийство», «Ариадна», «Дом с мезонином», «Чайка», «Мужики», «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Случай из практики», «Дама с собачкой», «Три сестры»).

[9] Ремезов Митрофан Нилович (1835—1901), писатель, член редакции журнала «Русская мысль».

[10] Лавров Вукол Михайлович (1852—1912), издатель журнала «Русская мысль», переводчик Сенкевича и др.

[11] В письме от 26 июня 1896 г. Чехов благодарит Суворина за билет (для бесплатного проезда по всем железным дорогам в I классе): «Билет получил, торжествую по сему поводу и шлю Вам тысячу благодарностей. Теперь остается только придумать, куда поехать».

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

Schmargendorf près Berlin, le 5 Mars 1900.

Très-honoré Monsieur Tchechoff,

Je viens de traduire Votre «Чайка» et j'ai l'espérance non seulement que ma traduction paraîtra ici, mais aussi que la piéce même serca jouée.

En faisant ma traduction je n'ai pu me servir que d'une copie manuscrite; maintenant j'ai bien besoin d'un exemplaire imprimé, parce que j'ai l'intention de traduire aussi «Дядя Ваня». Comme toutes mes démarches pour me procurer l'édition imprimée de vos oeuvres dramatiques ont été en vain, je prends la liberté de m'adresser à vous-même et vous prier d'avoir la bonté de m'envoyer un exemplaire de Vos drames et de me mettre ainsi à même d'éxécuter mon intention sans délai.

Agréez, très-honoré Monsieur Tchechoff, l'expression de ma profonde reconnaissance et de mes hommages respectueux avec laquelle je suis votre très dévoué.

Rainer Maria Rilke.

Allemagne, Berlin, Schargendorf, Villa Waldfrieden.

Перевод

«Многоуважаемый г. Чехов, я только что перевел Вашу «Чайку» и надеюсь, что мой перевод не только появится здесь, но также, что пьеса будет исполнена. Делая перевод, я мог пользоваться только рукописной копией; теперь я очень нуждаюсь в печатном экземпляре, так как намерен сделать перевод также «Дяди Вани». Так как все мои попытки добыть печатный экземпляр Ваших драматических произведений оказались тщетными, я беру на себя смелость обратиться к Вам и просить Вас прислать один экземпляр Ваших драм, чтобы дать мне возможность исполнить мое намерение без промедления. Примите уверения в глубоком уважении и преданности.

Райнер Мария Рильке.

Р. М. Рильке (1875—1926), немецкий писатель-модернист, поэт-лирик и прозаик; в 1927 г. вышло собрание его сочинений в 6 т.; на русский язык Р. переводили Б. Пастернак, Л. Горбунова, А. Биск и др.; Р. долго жил во Франции, был другом и личным секретарем скульптора Родена; в 1899—1900 гг. был в России; был у Льва Толстого; одно письмо Л. Толстого к Р. (от 25 сентября 1899 г.) опубликовано в 72 томе юбилейного издания собр. сочинений Толстого, стр. 569; в сопровождении немецкой писательницы Андреас-Саломе (беллетристки и автора книги о Ф. Ницше), посетил поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина; в журнале «Путь» (XII, 1913) напечатаны воспоминания С. Д. Дрожжина о «Райнере Осиповиче и Луизе Густавовне», об их впечатлениях от России, приведены их записи в альбоме Д. По собственному признанию Р. пребывание в России сыграло большую роль в развитии его поэтической личности; влияние России особенно заметно в прозе и драматургии Р.

По справке Библиотеки иностранной литературы, перевод «Чайки», сделанный Рильке, не выходил, может быть потому, что одновременно появился в серии издательства Ф. Реклама (№ 4319) перевод «Чайки», сделанный Генрихом Штюмке (в этом переводе Нина Заречная переименована в Нину Миронову).

Г. А. РУСАНОВ

14 февраля 1895 г.
Воронеж

Уважаемый и дорогой Антон Павлович!

Неделю тому назад я имел счастие получить Ваше доброе и милое письмо и портрет. Поблагодарить Вас тотчас же не мог, так как был болен. Спасибо Вам и Ивану Ивановичу. Выразить вполне радость, которую дали Вы мне, не могу; скажу только, что дай бог, чтобы Вы сами испытывали такие же большие радости. Я давно хотел достать где-нибудь портрет Ваш, но получить его от Вас — о таком счастье я не мечтал. Горячо благодарю Вас.

Я — поклонник Ваш с 1887 года. По моему мнению, из беллетристов, явившихся в России после Толстого (Толстого я считаю гением первой величины, самым великим романистом в мире, равного которому не представляет ни одна литература в мире), самый крупный по дарованию Вы.

Когда я прочел в первый раз сборник рассказов Ваших «В сумерках» [1], я, воспитавшийся на великих писателях «золотого века нашей литературы» и привыкший пренебрежительно относиться к послетолстовским беллетристам, был изумлен и восхищен... Неожиданно-новое и оригинальное открылось мне.

С этих пор (1887 г.) я не мог уже не следить тщательно за всеми вновь появившимися в газетах и журналах маленькими и большими рассказами Вашими, не мог не разыскивать их, не спешить приобретать новые сборники этих рассказов и не перечитывать их.

И чем больше перечитывались мною Ваши произведения, тем больше и больше делались Вы моим любимцем.

Изумило и привело (и приводит) меня в восхищение в Ваших произведениях вот что: во-первых, новизна и оригинальность формы, во-вторых, чрезвычайная наблюдательность Ваша и обнаруженный Вами дар тонкого психолога (а после Толстого и Достоевского русский читатель разборчив и требователен в этом отношении) и, наконец, в-третьих, и это главное то, что Вы — поэт, несомнен-

ный, оригинальный, искренний поэт, пробуждающий во мне «добрые чувства». Меня восхищают Ваш милый, тонкий юмор, меткие, острые мысли и замечания (как, например, в «Скучной истории»), Ваши описания природы и многое другое.

Но на описаниях природы нужно остановиться. Уж кажется на что богата по этой части наша литература; один Тургенев чего стоит, а Толстой превосходит самого Тургенева, — этого, так сказать, специалиста описаний природы, — описаниями зимы, а Гоголь («Днепр»), Лермонтов («Герой нашего времени»). И что же? К удивлению и радости моей — Ваши описания природы я нахожу неуступающими ничьим. Они и глубоко-правдивы и высоко-поэтичны, и в них есть что-то оригинальное, собственное Ваше, чеховское. Это ч е х о в с к и е описания природы, как существуют т у р г е н е в с к и е. Относительно описаний природы у Вас нет соперника в современной литературе. Описание, например, степи ночью (когда Егорушка[2] ехал на козлах брички Кузьмичова) — это что-то необычайное, приводящее в восторг! Выше этого я ничего не знаю, наравне же с этим я могу поставить только самые лучшие описания природы, имеющиеся в нашей литературе.

Есть люди, требующие от Вас произведений больших по объему. Неразумность этого требования удивительна. Неужели дело в объеме? Такие сравнительно-небольшие вещи, как «Степь», «Скучная история» и такие совсем миниатюрные вещицы, как «Верочка», «Святою ночью», «Пустой случай», «Недоброе дело», «Перекати-поле», «Счастье», «Поцелуй», «Припадок», «Попрыгунья», «Черный монах» и многие другие из Ваших рассказов — ведь это перлы русской литературы...

Вы — единственная теперь надежда русской литературы. Это, кажется, признается всеми. Но, по моему, сказать, что Вы только н а д е ж д а недостаточно. Если бы Вы сейчас, по какой бы то ни было причине, перестали писать, это было бы, без сомнения, большим несчастьем для литературы, но и то, что уже до сих пор создано Вами (лучшее), не думаю, чтобы могло умереть: правда, художественная п р а в д а бессмертна.

Давайте же поклонникам и почитателям Вашего прекрасного дарования то, что даете. Я г л у б о к о в е р ю в то, что тот я р к и й огонек, которым представляетесь мне Вы в современной русской литературе, разгорится впоследствии ⟨современем⟩ в е щ е б о л е е яркий огонь. Но если бы даже и не случилось этого, он, все-таки, останется настоящим огнем, который и освещает, и греет, и радует «в сумерках», все более сгущающихся. И нужно нам быть благодарными этому, радующему нас, единственному огоньку нашему, и нужно беречь его. Обыкновенно воздают должное писателям, когда их уж нет на свете, когда они уже не умеют услышать выражений сочувствия, и как я счастлив, что имею возможность сказать Вам то, что говорю в этом письме, сказать, как я высоко ценю и люблю Вас! Дай бог Вам, дорогой и уважаемый Антон Павлович, здоровья и высшего, истинного счастья, — блага Вашей души. Этим искренним пожеланием только и могу отплатить Вам за те радости, которые Вы несколько лет даете мне. Диктую это (сам не могу писать, так как разбит параличом), а передо мною стоит Ваш портрет в рамке, с сделанною Вами на нем надписью, и мне очень, очень радостно...

Кстати, вероятно, Вам интересно будет знать мнение о Вас Льва Николаевича Толстого. Мне два раза пришлось слышать мнение его о Ваших произведениях.

В первый раз, в декабре 1890 года (в Ясной Поляне) он очень хвалил Вас, говоря: «Мопасан и Чехов — крупные таланты», причем с удовольствием заметил о том, что талант Ваш «свободный».

Во второй раз 2 апреля прошлого года Лев Николаевич, во время пребывания его у меня в Воронеже, опять хвалил Вас и между прочим сказал, что «Степь» Ваша ему очень нравится, что она представляется ему началом большого автобиографического романа, и что «очень жаль», что Вы не продолжаете его. О «Черном монахе» Лев Николаевич с жи-

Страница рукописи А. П. Чехова «О. Сахалин»

востью и с какою-то особенною нежностью сказал:

Это прелесть! Ах, какая это прелесть! . .

Если бы Вам случилось быть когда-нибудь в Воронеже, надеюсь, что Вы не откажете мне в радости принять Вас у себя. Жена моя такая же поклонница Ваша, как и я. Сыновья (старший — студент) также знают Вас и любят.

Примите уверение в истинном и глубоком моем уважении к Вам.

Любящий Вас и готовый к услугам

Г. Русанов.

Так как заказных писем на ст. Лопасню не принимают, то я, — пока не узнаю, что письмо это дошло до Вас, — не буду покоен. А потому очень прошу Вас, если это Вас не затруднит, уведомить меня, хотя бы одной строчкой, о получении моего письма. Адрес мой: Воронеж, Воскресенская ул., дом Устиновой, Гавриилу Андреевичу Русанову.

Несколько слов, написанных Вами ко мне, дадут мне один из самых радостных дней в моей жизни.

Русанов Гавриил Андреевич (1844—1907), друг и единомышленник Л. Н. Толстого, служил по судебному ведомству, автор воспоминаний о Толстом.

1 Речь идет о сборнике «В сумерках. Очерки и рассказы». СПб., изд. А. С. Суворина, 1887.

2 Егорушка — один из персонажей повести А. П. Чехова «Степь».

П. А. СЕРГЕЕНКО

1

28 февраля 1889 г.
Ивановское почтов. Отделение
[Екатеринославской губ.]

Любезный Антон Павлович! Обращаюсь к тебе с просьбой. Обстоятельства моей жизни так сложились, что я очутился в затруднительном положении. Хотелось бы завязать отношения с Петерб[ургом], но за несколько лет моего отсутствия я утратил из виду моих петербургских друзей, которые могли бы мне оказать помощь в этом случае. Обращаюсь к тебе, как к старому товарищу и, судя по внутреннему смыслу твоих произведений, хорошему человеку. У тебя имеются литературные связи, твое ходатайство должно иметь вес. Пристрой где-нибудь прилагаемые при сем стихотворения, если, конечно, сам найдешь их достойными твоего покровительства. В «Сев. Вестн.», в «Нов. Вр.» — куда знаешь, лишь бы оплачивали мало-мальски сносно поэтический жанр. Пробую сделать сие через тебя, потому что так будет вернее. По крайности я буду знать о результатах и не ждать манны небесной оттуда, где для меня уготовлен только кукиш без масла. По опыту знаю, сколько бывает возни с подобного рода поручениями, но нахожу оправдание в том, что мне пришлось очень круто и что я то же самое сделал бы для тебя.

Пользуясь случаем, не могу не сказать тебе несколько слов, к[ото]рые давно уже висят у меня на языке. С радостным чувством и даже с некоторой гордостью следил за твоим успехом в литературе. Твое быстрое и почти триумфальное шествие тем более радовало меня, что при этом я испытывал и личное удовольствие сознания своей критической непогрешимости. Не знаю, попадалась ли тебе моя критическая заметка, написанная года полтора тому назад, в которой я предсказывал тебе «трон на парнасе» на условиях, от обязательности которых и ныне не отказываюсь: если ты не попадешь в литературную кабалу и будешь писать с «расстановкой». На правах товарищества скажу тебе прямо, что не только публика еще не раскусила тебя вполне, но и ты сам не знаешь твоего таланта, иначе не обращался бы с этим драгоценным даром божиим так расточительно. Не знаю твоей частной жизни, насколько она вынуждает тебя работать так много (это вопрос очень серьезный), а потому молчу о том, о чем ты вероятно и сам хорошо знаешь.

Привожу некоторые вещи, думаю, небезъинтересные для тебя.

В провинции, где мне приходилось быть, после Надсона[1] (ко-

торого, не ведаю почему, проглатываю теперь), ты самый популярный из новых писателей. Но молодежь на тебя пока не наклевывается. И это понятно. Как ни симпатична наша молодежь, а в деле искусства это совершенно отпетый народ. К нему без «начинки» и всякой чертовщины лучше и не подходи. С этим мирились все большие таланты и тебе надо примириться. Публицистика всосалась в кровь нашей молодежи вероятно вместе с материнским молоком. Недавно в одном большом обществе был продолжительный разговор по поводу твоей комедии «Иванов» и слова «жидовка» в каком-то акте. Спорили лица, видевшие твою пиесу, которая, говорят, «производит впечатление». Ты очень бы меня разодолжил, буде сие возможно, приславши мне твою пиесу, только для чтения.

Сердечно обнимаю тебя.

Твой *П. Сергеенко.*

Приписка Александра П. Чехова:

Даю тебе слово, что я прочел только первую строку и подпись.

А. Чехов.

Получил ли деньги и вексель?

2

5 января 1893 г.
Москва.

Хотя я и люблю тебя, Антон Павлович, но должен признаться чистосердечно, что если бы в моем присутствии кто-нибудь решился назвать тебя свиньей, то для меня не вполне ясно — задушил бы я этого человека или нет. Но сообщить тебе приятную, как мне думается, весть — я всегда рад.

Недели две тому назад мне пришлось беседовать о тебе с моим другом Львом Толстым[2], который очень интересовался тобой и рад с тобою свидеться. А сегодня мой друг приходил в «Америку» за твоим адресом (Они были с Репиным, к[ото]рый хотел видеть тебя). Я сказал так:

Вообще: Московско-Курск. ж. д. Ст. «Лопасня» усадьба Телихово[3], Херсонскому помещику Чехову.

А в частности: СПб. М. Итальянская 18[4].

Так ли это? Впрочем, будь здоров и на возвратном пути немножко сломай ногу и застрянь в Москве. Масса людей тебя хотят адски видеть и ужинать с тобой.

Твой богомолец
П. Сергеенко.

P. S. Если хочешь встречи с парадом, музыкой и проч., дай знать заранее, кстати здесь основалось с анекдотическими целями «общество XII». Ты записан в числе учредителей. 1) Маковский[5] Вл., 2) Прянишников, 3) Киселев, 4) Коровин, 5) Танеев, 6) Корсов, 7) Южин, 8) Садовский, 9) Боборыкин, 10) Ты, 11) Вл. Немирович-Данч[енко] и 12) Твой покорный слуга. Место: Докторский клуб. Задачи: анекдоты. Занятия: чаепитие, гости и ужин.

P. S. Напиши (25 к. за строчку) сохранить твое имя или нет в XII.

П. С.

Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930) — писатель, юморист, беллетрист и драматург, автор нескольких книг о Л. Толстом; земляк и товарищ Чехова по Таганрогской гимназии; принимал деятельное участие в продаже книгоиздательству А. Ф. Маркса права на сочинения Чехова; автор первой рецензии на первую книгу Чехова «Сказки Мельпомены» (1884); произведения С. встречали со стороны Чехова отрицательную оценку («...действуют в повести не люди, а все какие-то сухие пряники. Сергеенко — юморист, комик, но вообразил себя великим писателем, стал серьезен и засох»; «...Талантом даже не пахнет, но очень возможно, что пьеса будет иметь успех, так как попадаются в ней такие слова, как «амфора» и Карпов [Е. П., режиссер] скажет, что она «обстановочна»); автор воспоминаний о Чехове (ежем. прил. к «Ниве», VII, 1904). 18 писем Чехова к С. напечатано было в шеститомном собрании писем Чехова; 2 письма — в сборнике «Чехов», изд. Атеней, 1925; 6 писем — в сб. «Чехов. Неизданные письма», 1930; 2 письма — в сб. «Чехов. Новые письма», изд. Атеней, 1922; 1 письмо в сб. «Чехов и его среда», Academia, 1930.

[1] Надсон Семен Яковлевич (1862—1887), поэт, пользовавшийся большой популярностью в 80-х и 90-х гг.

[2] Чехов познакомился с Л. Н. Толстым только в августе 1895 г. (был у него в Ясной Поляне).

[3] Ошибка: Мелихово.

[4] Адрес Суворина в Петербурге.

[5] В. Е. Маковский (1846—1920), И. М. Прянишников (1839—1894), А. А. Киселев (1838—1911), К. А. Коровин (1861—1938) — знаменитые художники; В. И. Танеев (1840—1921)— юрист, широко образованный человек, знаток социологии, был знаком и в переписке с К. Марксом; Г. Г. Корсов (1845—1920)— артист Большого театра, А. И. Южин (1857—1927) и М. П. Садовский (1847—1910) — артисты Малого театра; Вл. Ив. Немирович-Данченко (род. 1858) — драматург, беллетрист, режиссер, учредитель вместе с К. С. Станиславским МХТ, теперь народный артист СССР.

В. М. СОБОЛЕВСКИЙ

1

1 января 1899 г.
Москва.

Дорогой Антон Павлович!.. Третьего дня смотрел «Чайку» в превосходном, по моему, исполнении за исключением самого Станиславского [1], не совсем угадавшего задуманный автором тип. Не думаю, чтобы в него входили такие черты, как некоторая слащавость и ramolissement старичка — угодника дам.

Пьеса по всему остальному для меня имела интерес новизны, так как я никогда не читаю пьес напечатанных, так как вне сцены в них ничего не понимаю.

Это было четвертое (?) представление при переполненном театре. Публика ловила каждое слово, каждый жест. Обстановка и режиссерская часть не оставляют желать лучшего. А мне к тому же часто вспоминались Вы и наши беседы, и Ваши мысли. Давно я с таким удовлетворением не выходил из театра, несмотря на выстрелы, которых я боюсь и от которых всегда ухожу из зрительной залы.

Рассказ помещаю в воскресном (3 января) номере газеты [2]. Надеюсь, что он не будет тронут цензорской рукой, хотя за одно местечко (о богатых и святых) не ручаюсь: это bête noire нашего цензора, с которым до сих пор приходится иметь дело. Надежда моя вернуться из-за границы при лучшем режиме не оправдалась и данных для каких-нибудь изменений к лучшему в ближайшем будущем не вижу никаких...

Гонорар будет выслан, но не совсем согласно с Вашими указаниями, так как помещаемый теперь рассказ будет оплачен по новому, повышенному тарифу, согласованному с тем, что Вы в последнее время получаете в журнале, то есть не менее 30 копеек за каждую строку.

До свиданья

Ваш *В. Соболевский.*

2

28 марта 1900 г.

Дорогой Антон Павлович! Здесь о Вас то и дело вспоминаем и вспоминаем по всевозможным поводам. Не далее как на последних двух неделях беседы на собраниях самоучащейся молодежи у В[иктора Александровича] [3] (студенты, студентки, артисты Общедост[упного] театра, Ермилов [4], Иванов [5] и т. д.) были посвящены специально «Дяде Ване» и «Чайке». Эти две вещи продолжают господствовать в репертуаре не только театра, но вообще умственного обихода интеллигенции. На них упражняются, учатся думать, разбираться в жизни, искать выхода и т. д. Вот что значит затронуть самую суть и самые наболевшие струны.

Искренно преданный

В. Соболевский.

Соболевский Василий Михайлович (1846—1913), редактор газеты «Русские ведомости», где напечатано было с 1893 по 1899 г. одиннадцать рассказов А. П. Чехова.

[1] Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938) — выдающийся режиссер и артист, один из создателей Художественного театра; в «Чайке» исполнял роль

Григорина, О дружественных отношениях с Чеховым говорит переписка с ним Станиславского, а также его книга «Моя жизнь в искусстве».

[2] Речь идет о рассказе «Новая дача» А. П. Чехова, напечатанном в газете «Русские ведомости» № 3, 1899 г.

[3] Гольцев Виктор Александрович.

[4] Ермилов Владимир Евграфович, автор ряда статей о Чехове: «Из воспоминаний о Чехове» в Чеховском сборнике, М. 1910; «Светлый смех» в журнале «Заря» № 26, 1914 г. и др.

[5] Иванов Иван Иванович (род. 1862 г.), историк литературы и критик, сотрудник журнала «Артист», где поместил ряд статей о Чехове (см. «Артист» кн. 2, 1889; кн. 1, 1894; кн. 1, 1899, а также в газете «Русские ведомости» № 19 и 348, 1892 и № 58 и 82, 1893).

А. И. СУМБАТОВ (ЮЖИН)

Май 1897 г.

Дорогой и горячо любимый Антон Павлович.

Не знаю, как благодарить тебя, что вспомнил. «Дядя Ваня» — «Леший»? [1]

Слушай, надо непременно добиться постановки у нас или Чайки или Дяди Вани. Напиши несколько строчек Пчельникову (Павел Михайлович, Контора Моск[овских] и[мператорских] т[еатров], его п[ревосходительство]). Я поддержу всеми силами.

Я узнал о твоей болезни в п[о]н[едельник] на страстной, но о том, что ты был в клинике, — только на святой, иначе я хоть на минутку, чтобы не утомлять тебя, был бы у тебя.

Ты себе — пожалуй представить не можешь, что ты мне доставил своими «Мужиками». Я не народник ни в старом, ни в новом смысле. С точки зрения «убеждений» держусь, по чистой совести, того взгляда, что народу надо помочь научиться, как выбиться из его страшной нужды. Работая б. ч. в стороне от непосредственного касательства к нему, я не могу и много мудрствовать по его поводу, а, грешным делом, слияние с ним считаю настолько невозможным, насколько и восприятие его «умственных горизонтов». — Может быть они глубоки, и таинственны, и скрывают в своих нутрах обновление и спасение — я не могу в это верить, как не могу верить в рай за вериги и в ад за карточную игру. Но твои «Мужики» — величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, по крайней мере для русского человека. Перед впечатлением, которое ты на меня сделал предметом — как ты видишь, далеко меня не охватывающим и не восхищающим, бледнеет впечатление двух крупнейших вещей последних 20 лет (по-моему: я не критик, ни даже знаток. Я просто «книжник») — Без догмата и Слепой Музыкант [2].

Удивительно высок и целен твой талант в Мужиках. Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного, шекспировского рисунка; точно ты не писатель, а сама природа. Понимаешь ли ты меня, что я этим хочу сказать? Я чувствую в Мужиках, какая погода в тот или другой день действия, где стоит солнце, как сходит спуск к реке. Я все вижу без описания, а фрак вернувшегося «в народ» лакея я вижу со всеми швами, как вижу бесповоротную гибель всех его, Чикильдеева, светлых надежд на жизнь в палатах Славянского Базара. Я никогда не плачу: когда он надел и затем уложил фрак, я дальше долго не мог читать.

Насколько я не считаю нужным и возможным говорить тебе то, чего я не чувствую, ты можешь судить по моим разговорам с тобой о твоей «Палате № 6» и «Черном монахе». Сейчас я также восторженно пишу тебе на плюс, как может быть несправедливо (а по-моему, справедливо) говорил тебе на минус тогда.

Будь здоров, ради бога, будь здоров, будь здоров во что бы то ни стало. Обнимаю тебя и кланяюсь М. П.

Весь твой.

А. Сумбатов.

Сумбатов (по сцене Южин) Александр Иванович (1857—1927), артист московского Малого театра, драматург, режиссер, после Октября — директор Малого театра; в «Чеховском сборнике», 1929, напечатано было 5 писем Чехова к С., отрывок из письма от 26 февр. 1903 (о М. Горьком, его значении, его презрении к мещанству) напечатан был в журнале «Звезда» № 11, 1937.

[1] Пьеса «Леший» написана была Чеховым в 1889 г.; артист Александринского театра (СПб.) П. М. Свободин хотел взять пьесу для своего бенефиса, но Театрально-литературный комитет забраковал пьесу; пьеса была признана «прекрасной драматизированной повестью»; председателем «военно-полевого суда, который судил» «Лешего», был Д. В. Григорович. Артист московского Малого театра А. П. Ленский, которому Чехов дал пьесу для прочтения, прислал ему письмо, в котором убеждал его бросить писать для сцены: ...«пишите повесть. Вы слишком презрительно относитесь к сцене и драматической форме, слишком мало уважаете их, чтобы писать драму. Эта форма труднее повествовательной»; пьеса была поставлена на сцене частного театра М. М. Абрамовой в Москве, но успеха не имела; в 1890 г. Чехов значительно переработал пьесу и дал ей название «Дядя Ваня» (в письме к С. П. Дягилеву, давая хронологию своих вещей, Чехов устанавливает точно год — 1890. См. «Чехов. Несобранные письма», стр. 42, 1927; М. Горькому Чехов писал 3 декабря 1898 г.: «Дядя Ваня» написан давно, очень давно...»); пьеса «Дядя Ваня» была представлена в московское отделение Театрально-литературного комитета, но отделение в заседании 10 апреля 1899 г. признало пьесу «достойной постановки при условии изменений и вторичного представления в Комитет»; этот позорный документ, подписанный тремя профессорами (Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовский, И. И. Иванов), напечатан в книге «Воспоминаний» директора (с 1901 по 1917 г.) императорских театров В. А. Теляковского, 1924; двумя годами раньше, в 1897 г., пьеса была напечатана в сборнике пьес Чехова, изданных Сувориным, ее много ставили в провинции; в октябре 1899 г. пьеса была поставлена в МХТ; с этих пор за пьесой упрочилась репутация «жемчужины русской драматургии».

[2] Роман Г. Сенкевича; повесть В. Г. Короленко.

В. А. ТИХОНОВ

6 марта 1889 г.
С.-Петербург.

Дорогой Антон Павлович! Если бы Вы знали, какая горькая участь постигла мои письма, которые я начинаю писать к Вам чуть не ежедневно! — Напишу страницы две-три, а иногда и более, перечитаю и сожгу! Все это происходит потому, что мне хочется написать Вам что-нибудь большое — значительное. Наконец надоели мне все эти лукавые мудрствования, и я решаюсь ограничиться несколькими, хотя-бы и ничего не значащими строками.

В последнем своем письме Вы пишете, что я едва ли гожусь в критики, потому, дескать, что во мне мало озлобления и много уступчивости. Вы меня мало знаете: я человек злой в достаточной мере и на двух критиков, и не в этом беда. Беда в том, что я и ленив в более чем достаточной мере, а критику это не подобает.

В «Неделе» я работать более не буду и причина этому, во-первых, та, что Гайдебуров[1] безбожно укоротил мою заметку об «Иванове», а во-вторых, он боится всего, что уже кем-нибудь не было сказано ранее. Ну, а при таких условиях писать скучно. Вырезку из «Недели» я Вам посылаю, но знайте, что тут многого, и именно самого-то горячего, не хватает.

Ну, как Ваши дела? Едете ли Вы в Париж и т. д.? Пишете ли Вы еще что-нибудь для театра? (Пожалуйста, пишите!). Потехин[2] с «Ивановым» поступил нехорошо: во 1-х, он мог бы смело поставить его за это время не 5, а, по крайней мере, 7 раз; а во 2-х, поставить 2 раза утром и в такие дни как понедельник и среда — это тоже своего рода реприманд. Ну, да при всем том «Иванов» все-таки вышел победителем. А какие разноречивые толки он вызвал — просто восторг. Посмотрите, что он, т. е. «Иванов», будет делать с будущей весны, если только Поте-

хин не будет тормозить. Да, впрочем, пускай тормозит: «Иванова» он все-таки не умалит, а себя сконфузит жестоко! И по делом ему! Что это давно ничего Вашего не появляется? Ни в «Нов. Времени», ни в других журналах. Али заленились?

Не знаете ли каких-нибудь новостей о театре Корша? Т. е. что приблизительно предполагает он на будущий год?

Где я буду жить предстоящее лето положительно не знаю. Финансовые мои дела в ужасно плачевном состоянии, можно сказать, в небывалом еще. А на лето предстоит масса работы: буду писать большую комедию, которую уже вот три года вынашиваю под сердцем.

Ах, вот еще! Открыл я еще одного поклонника Вашего таланта! Да ведь какого поклонника-то! Такого мне еще и встречать не приходилось: он считает Ваш талант выше всех русских писателей, как настоящих, так и прошедших (без исключения). И поклонник этот профессор Н. П. Вагнер [3]. Я недавно с ним про Вас говорил и когда он мне сказал это, то при всем моем неограниченном уважении к Вашему таланту, при всей любви моей к Вам лично, я все-таки был несколько ошеломлен. Но старик говорил мне это таким уверенным, таким убежденно-восхищенным тоном, что я возражать не стал: может и впрямь он прав. Что же давай бог! Нам же лучше. Он к Вам применил слова Тургенева о Л. Толстом: помните — «Л. Толстой слон между нами»... и т. д.

Голубчик, пишите Вы мне хоть изредка и верьте, что каждое Ваше письмо для меня праздник, потому что я люблю Вас. Весь Ваш.

Вл. Тихонов.

Адрес:
Троицкая улица, дом № 11, кв. 28.

2

4 июня 1889 г.

Спасибо за письмо, дорогой Антон Павлович! Сердечно скорблю вместе с Вами, что у Вас такое горе * в семье, и за Вас, что Вы прикованы к одному месту. На рябой бабе я не женился, да вероятно и не женюсь — потому что это интересно только в романах (то же относится и к сумасшедшей актрисе), а в действительности я очень доволен сам собой, своим обедом и женой и надеюсь сохранить все сие без изменения. Недоволен я только своей пьесой (я ее уже кончаю) и недоволен потому, что она «вумная». Нет ничего глупее, как задаваться мыслью написать что-нибудь умное (это я понял только теперь). Нужно думать только о том, чтобы произведение твое было интересно, а если при этом ты сам человече не глуп, то умно оно будет непременно. А я вот выдумал «умную» тему, придумал «умные» разговоры и в результате: у меня ходят какие-то манекены и говорят ни для кого не интересные глупости. Больше не буду! Говорят, что у русских людей гораздо больше таланта, чем ума (и от того-то они и спиваются), я с этим не согласен — умом нас господь не обидел, но зато творчеством мы не богаты. Умных людей в России хоть отбавляй, а талантов — один, два, да и обчелся. Так что лезть в умники по меньшей мере глупо. Вот у французишек наоборот, там таланту на целую Эйфелеву башню хватило, ну а скажите — что умного в этом сооружении? К месту сказать, я французов весьма не люблю и не за то только, «что Москву сожгли», а и за многое другое; но народ этот безумно-талантлив, мы же более способны написать 2-ю часть «Фауста» так же непроходимо умно, как это сделал и г. Гете. Мы пьем квас, пиво и едим блины и пироги — все это располагает к скуке. Относительно вашего замечания, что у профессионального драматурга из 10-и 7 пьес могут быть и слабыми, я отчасти согласен: это допустимо, но не желательно. Ведь сами же Вы говорите, что «нет ничего скучнее скучных пьес», и это очень справедливо! Их жечь надо! Ну, а чем жить? Ведь писать 10 пьес в год, чтобы выбрать из них 1 или 2, нет физической возможности. Это, отчасти, усугубляет мои авторские муки. Ну да, может быть: «не так страшен чорт, как его малюют», и моя комедия выйдет уж не такой позорной, как мне это мерещится (это — я исключительно для того,

* Болезнь брата Николая (умер 17 июня 1889). *А. Э.*

чтобы себя немного успокоить и обрести силы дописать последний акт).

Вы пишете роман, и давай Вам бог успеха! Пишите, голубчик, и докажите еще раз, что Вы заблуждаетесь, говоря, «что Вы не такой великий человек, как вещал за обедом Соковнин» [4] (это Ваши слова из Вашего же письма). Великий человек! Это, конечно, весьма условно: и Шекспир велик, и Петр I-й велик, и Ротшильд велик. Горбунов [5] вон говорит, что и разум бывает разных сортов: «книжку написать», говорит он, «нужен разум, ну и начальству понравиться тоже нужен разум», но, очевидно, другого разбора.

Ну, а меня гораздо сильнее трогает Ваш «маленький рассказ», чем все состояние Ротшильда или завоевания Александра Македонского.

Роман Вы нам обещаете только через 2—3 года, ну что же делать подождем; но позвольте надеяться, что за это время Вы не будете забывать нас своими «маленькими рассказами». Помните, как Вы однажды мне сказали: «ах, если бы я был богатый человек — я бы все маленькие рассказы писал!» Будьте богаты и пишите «маленькие рассказы»! Это будет неизмеримо прекраснее, чем ежли Вы будете бедны, а Ольга Шапир [6] или Надежда Мердер [7] будут писать большие романы. Если бы я был богат, то: во 1-х, я лет пять ничего бы не писал, а потом начал бы писать все, что мне вздумается, даже пред своей автобиографией не остановился бы, если бы пришла охота. Сила богатства в том и состоит, что оно дает возможность делать все, что хочется, и показывает человека в настоящем его виде «о натюрель», так сказать.

Вы пишете: «потягивает меня к работе, но только не к литературной». А к какой? Вы не подумайте, что бы я не понимал подобного «потягиванья» к нелитературной работе у литератора, я это очень понимаю; но если литератора потянуло к иному труду, то это верный признак, что он человек н е л е н и в ы й и вообще работы не боится. Это я говорю по собственному опыту; ведь я переиспытал массу профессий: был я и офицером, и актером, и приказчиком, и бухгалтером, и пришел к убеждению, что самая легкая работа — это работа литературная. Опять-таки не подумайте Вы, что я остановился на литературе только потому, что это так легко; нет, это была бы клевета на меня, потому что, будучи и офицером, и приказчиком, и т. п., я ни на минуту не переставал «писать», но с того самого момента, как только я получил возможность существовать литературой, я простился (не знаю надолго ли) со всяким побочным заработком. Раз я замечу, что это начнет сильно отзываться на качестве моих работ, я не премину опять вернуться к какому-нибудь вспомогательному «ремеслу». Вы какой работы хотите? И что сему причина? Смотрите, не отнимайте зря времени у литературы; боже Вас сохрани от этого! Талант обязывает человека не менее чем и «благородство». (Noblesse oblige...) Не забывайте, что талант, которым Вы обладаете, делает Вас т[аким] о[бразом] «общественным достоянием» и Вы сами собой распоряжаться, собственно говоря, не имеете права: с Вас взыщется. Да, сударь мой, взыщется! Ведь этот талант волей природы отнят у не одной сотни тысяч людей и сконцентрирован в Вас одном, так что те-то, обездоленные в Вашу пользу, они и взыщут. Вы пожалуй мне на это ответите: «ну что вы, полноте, вовсе я не то» и т. д. и при этом повторите Ваши слова из Вашего предыдущего письма об артели, т. е. что не будет ни Чеховых, ни Короленок, ни Щегловых, ни Альбовых и мн. друг., а есть целая группа писателей под названием «восьмидесятые годы или конец XIX столетия», а я Вам скажу на это: не согласен — многие другие сами по себе, а Вы сами по себе. Вот я уж и теперь на Вас роптать начинаю: прежде бывало как понедельник — в «Петерб. Газете» — А. Чехонте, а суббота, «Новое Время» возьмешь, ан глядь — Ан. Чехов. Много чудеснее было. Ну, да ладно, не сердитесь уж! Отдыхайте себе!

Если будете на Кавказе — вспомяните меня, там на каждой кочке моя тень сидит. Вот какая у меня натура предательская: до обеда писал Вам и чувствовал, что еще много-то писать

буду, а пообедал и шабаш! все мысли отбило. Если по какому-либо случаю судьба приведет Вас на Николаевскую железную дорогу, то не забудьте пожалуйста, что я живу около станции Бологое, в усадьбе «Горушка» Софьи Васильевны Ивановой, и буду Вам чрезвычайно рад. А пока до счастливого свидания. Пишите мне — я так люблю получать Ваши письма.

Передайте мой поклон Вашему семейству. Брату Вашему желаю поскорее поправиться.

Вам всего хорошего.

Ваш *Вл. Тихонов.*

3

8 марта 1890 г.
С.-Петербург.

Дорогой
Антон Павлович!

Простите, что я несколько запоздал с ответом; причин на это уважительных никаких не было, а потому — виноват.

Отвечу Вам по порядку: Вы пишете, что я должен непременно на Страстной приехать в Москву — и рад бы в рай, да грехи не пускают! Верьте, что и самому мне очень это желательно, верьте также, что я приму все зависящие от меня меры, чтобы явиться в комиссию, а главное, повидаться с Вами, но, увы! шансов на это мало. Шансы — это деньги. Да-с, я нахожусь в самом плачевном безденежьи. Мне очень стыдно перед «Обществом» [8], почтившим меня избранием в комиссию, я очень жалею, что не догадался во-время отказаться от этой чести, но тем не менее не вижу ни малейших данных для моего в Москву прибытия. Данные — это деньги! Хоть Вы и прочите мою дочь замуж за графа Шереметьева, но, к удивлению, будущий зять мой нимало не интересуется своим тестем и не оказывает ему ни малейшей поддержки. Прискорбно, но это так!

Теперь относительно забвения с Вашей стороны моей просьбы. Да, Антон Павлович, грешно Вам, что Вы за такое долгое пребывание в Петербурге не улучили минутки, чтобы завернуть ко мне! Хотя Вы и обвиняете во всем о. Сахалин, но, сколько мне известно, остров этот и без того уже место каторжное и потому никакой ответственности не подлежит, т. е. в рассуждении свидетельства в чью-либо пользу и даже в чей-либо вред. Ну, да уж бог Вам судья! Я человек незлобивый и, паче того, не злопамятный, да я к тому же сам весь в грехах пребываю, а потому и претензий или обиды питать себе не позволяю ни к кому, а тем более к Вам — к человеку, которого я так сердечно люблю и уважаю (Рифмы вкрались здесь не умышленно, а сами собой).

Искренно радуюсь и благословляю судьбу, дающую Вам возможность сделать этот далекий и занимательный вояж. И не за одного Вас радуюсь, а и за всех нас, читателей и почитателей Ваших. Когда-то и я мечтал о подобной прогулке, но теперь уже всякие мечты бросил, во 1-х потому, что к месту прикрепился семьей, а во 2-х по немощам моим такое путешествие скорее могло бы оказаться вредным, чем полезным. Я уже не говорю относительно бедных читателей, которых я бы угостил своими «Путевыми записками». Вы же другое дело! У Вас все козыри в руках. Поедете Вы, а с Вами словно и я поеду, конечно, душой моей, а не бренным телом. Да, Антон Павлович, я не скажу «экий Вы счастливец какой!» не позавидую Вам, потому что Ваша поездка и для меня выходит как бы на манер именинного кренделя. А таких как я, поверьте, уже много, а потому в путешествии Вашем не забывайте нас. Но главное себя не забывайте. Во всяком случае Вы должны жить прежде всего для себя, а потом уж для нас. Всякие иные претензии с нашей стороны были бы полнейшим эгоизмом. Вы когда-то мне писали, что вопреки мнению Н. П. Вагнера Вы себя ни слоном, ни каким-либо иным зверем в русской литературе не считаете и сопричисляли себя к артели писателей под названием «80-тые годы» или «Конец XIX-го столетия», включая в эту артель и Короленко, и Баранцевича, и Ясинского, и Щеглова, и даже меня грешного. Я и тогда с Вами согласен не был, а теперь в особенности протестую против этого. Нет,

Антон Павлович, Вы в эту артель не годитесь: «В одну телегу впрячь не можно коня и сонных черепах!» Не только в качестве равноспособного члена, но даже и вожаком или старостой этой артели зачислить Вас нельзя, потому что на основании артельных начал староста избирается непременно из среды этой же самой артели. Так вот и в каторжных артелях (которые Вы на пути Вашем узрите) староста избирается из каторжников же и свободного вольного человека никто на подобный пост назначить не имеет права, даже и сам-то себя он назначить не может. А между нами Вы единственно вольный и свободный человек и душой, и умом, и телом вольный казак. А мы же все «В рутине скованы, не вырвемся из ига!»... Да и не в одной рутине, а во многом другом еще более ничтожном. Это Вы и сами хорошо подметили, когда писали, что Николай Степаныч Такой-то[9] читает желтенькие французские книжонки, а не современную русскую беллетристику. Вас-то бы он уж, наверное, читал не без полного удовлетворения. В другом своем письме Вы, по поводу позорища моего под названием «Качучи и чучи» [10], писали, что молодым писателям следует платить деньги, но остерегаться награждать их лаврами. Вполне согласен с Вами; но если я позволяю себе писать Вам мои искренние и глубокие (во мне по крайней мере) убеждения, то это потому, что молодым писателем я Вас не считаю. Вы может быть молоды еще годами и сердцем, но ум Ваш — зрелый ум и его уже никакими лаврами не испортишь. Человек, постигнувший красоты «Святой ночи» [11], может быть еще только поэтом, полным вдохновения, чутким, нежным, но поэтом. Глубокий и тонкий наблюдатель поймет «Врагов» и «Ведьму» и мн[огое] другое. Созерцатель небесследно проедет по «Степи». Психолог и «На пути» и «Дома» проследит за каждым извивом души человеческой. Психопатолог перестрадает и «Тиф» и «Припадок». Прозорливец отметит «Иванова» как продукт нашего времени; но заглянуть в душу «Николая Степановича Такого-то» может только мыслитель-философ. И для поэта, и для наблюдателя, и для психолога, и для прозорливца, и для созерцателя, и для психопатолога ранние лавры могут принести вред, но для философски созревшей мысли нет на свете опасностей. Вот поэтому-то смело присоединяюсь к Н. П. Вагнеру и вместе с ним заявляю Вам, что Вы слон между нами, т. е. между русскими писателями. А говорю я это все потому, чтоб Вы поняли почему я искренно радуюсь и благословляю судьбу, дающую Вам возможность прокатиться по белу свету и обогатить нас своими впечатлениями. Затем вот еще что: я давно желал и даже выражал это желание и Вам иметь Вашу фотографию. Вы обещали при возможности презентовать мне таковую, но... ну, да одним словом у меня еще Вашей фотографии нет. Тут как-то зимой, в «Осколках» появился Ваш портрет (в телеге на драматической тройке). Мне понравилось выражение Ваших глаз на этом рисунке и я имел глупость отдать этот рисунок сфотографировать, приставив к голове другой корпус. Говорю глупость — потому что из прилагаемого Вы видите, какое безобразие получилось; а еще этот снимок лучший (мне сделали их несколько в различную величину). Делал мне это один знакомый фотограф-любитель. Ну, я, конечно, немедленно сам уничтожил негатив, а также и снимки. Но от этого мне не стало легче — портрета-то Вашего у меня все-таки нет. Антон Павлович, нет ли у Вас лишнего? Вы, конечно, можете меня спросить — отчего я не приобрету Вашу фотографию у Шапиро, но, грешным делом, мне бы хотелось иметь ее с Вашим автографом. Если есть — пришлите, большое Вам скажу спасибо. А если не пришлете — тогда нечего делать — куплю у Шапиро.

Ну, будьте здоровы! Хоть изредко не забывайте меня своими письмами. Сообщайте адресы. Bon voyage!

Ваш *Вл. Тихонов.*

P. S. Я не то чтобы был совсем здоров, а так себе.

P. S. S. Чувствую, что знаки препинания хромают. Перечитывать письмо некогда... Проставьте сами.

4

1 февраля 1892 г.
Гатчина

Здравствуйте, Антон Павлович!

Сейчас моя жена окончила читать Вашу «Дуэль»... Сидит она теперь за чайным столом, сидит и молчит, а я вижу, что она меня презирает... — Хорошо? спрашиваю я. — Ах, оставь, пожалуйста, — ничего, говорит, ты не понимаешь! Скажи, пожалуйста, — говорит — ну, зачем ты пишешь? (а я только было собрался рассказец настрочить). Зачем, говорит, все вы пишете? — Как, говорю, матушка, зачем? Для литературы, т. е. чтобы литературу наполнять. Если бы мы, говорю, не писали, что бы ты стала читать, когда у тебя зубы болят? — Чехова, говорит, стала бы читать! — Ну, вот видишь! говорю. — А если бы и Чехов не писал, что бы тогда? — Нет, ты, говорит, Чехова оставь в покое! Чехов, говорит, не вам чета. Он-то пусть пишет; он должен, непременно, должен писать, потому что он н а с т о я щ и й; а вы, говорит, только лишнюю копоть разводите. Я бы, говорит, всем Вам строго на строго запретила писать. Потому что, если бы, говорит, вы не писали, а писал бы один Чехов, так его одного и читать бы стали и было бы, говорит, это самое н а с т о я щ е е дело, а то через ваше бумагомаранье до него насилу доберешься. Я, говорит, отныне ничего больше читать кроме Чехова и не стану! Пишите вы там, не пишите — мне все равно, лишь бы, говорит, Чехов писал; дай, говорит, ему бог здоровья.

— Хочешь, спрашиваю, я ему поклон напишу? — И не думай, говорит! Никаких ему от меня поклонов не нужно... Ну, говорит, пиши свой рассказ, а я спать пойду... В лоб меня поцеловала, а я вижу, что презирает. А разве я виноват, что не могу писать так, как пишет Чехов?

Вот, батюшка, до чего Вы своим писанием довести можете! Вдруг своего мужа, отца детей своих, женщина презирать начинает и все за то, что у него не так гладко выходит, как у Вас.

Однако Вы этим не смущайтесь и пишите, больше пишите! Тем более, что в качестве редактора, я стал уже окончательно не завистлив к чужому писанию, как бы оно хорошо ни было, лишь бы предназначалось для «Севера».

Смутно припоминается мне, что на именинах Жана Щеглова я вел себя крайне неприлично: плясал вприсядку, воображал себя гусаром, пел песни, варил какой-то напиток и, в заключение, уехал на козлах. Но все это ничего, все это для меня было более или менее привычное и я от этого не зарекаюсь. На Ваших именинах я готов свистать соловьем, танцовать канкан, воображать себя кирасиром, пить лампопо и уехать верхом на паровозе. Беда не в этом, беда в том, что мне припоминается, что я позволил себе наводить какую-то критику на Вашу «Дуэль». Вот это меня гложет хуже аспида и василиска. Во 1-х, потому, что это кощунство, во 2-х, я Вашу Дуэль люблю сейчас же вслед за моей старшей дочерью, а в 3-х, если жена об этом узнает, она меня со свету сживет. Так что, если действительно я что-нибудь ораторствовал — то сделайте так, что этого как-будто не было. Впрочем, я не думаю, что я мог бы сказать неодобрительное по поводу «Дуэли» и не подумал бы никогда, но мне смутно припоминается, что справа от меня сидел А. Введенский [12], а слева, но немножко впереди и немножко в тумане — Мережковский [13], а сии два господина действуют на меня, как настой мухоморов на голодный желудок, и под их обаянием я могу начать разносить самого Пушкина, которого люблю даже больше моей старшей дочери.

Вы очень хорошо сделали, что внесли за меня 20 к. голодающим [14] я очень мало внес им и мне стыдно. Но, право, у меня постоянно нет денег.

Пожалуйста сообщите мне Вашу биографию (хотя бы и краткую). Мне нужно в «Севере» напечатать Ваш портрет, а без биографии никак невозможно. Пожалуйста сообщите и поскорей.

Да вот кстати о «Севере». В № 6 будет напечатан очень глупый фельетон. Там есть несколько неодобрительных слов о докторах. Голубчик, Антон Павлович, вступитесь Вы за своих товарищей и пришлите несколько слов возражений. Когда Вы прочтете фельетон, Вы увидите в какой форме можно это сделать. Я бы и сам отделал этого Свербизубова, да я не специалист и не сумею этого сделать как следует, а Вы ведь в двух-трех словах это сделаете. Премного меня обяжете.

Когда думаете приступить к писанию «Обывателей»?

А я вот восьмой день сижу безвыездно в Гатчине, только что отдав дань проклятой инфлуэнце. Хотя вот уже три дня, как я встал, но доктор еще целую неделю не велит выходить из комнаты — все осложнениями пугает. А говорят эти осложнения скверная штука. Ко мне сюда приезжает мой помощник и мы вершим редакционные дела.

Третьего дня у меня был здесь в гостях только что приехавший из провинции Кигн (Дедлов), мой друг и приятель и самый хороший собутыльник (он про себя говорит, что вообще он пить не любит, а только что у него характер слаб). Как грустно посмотрели мы друг на друга: я едва-едва держался на ногах, но увы! не от вина, а от инфлуэнцы, а ему одному пить было скучно. А еще когда мне можно будет разрешить как следует! Грустно жить на этом свете, читатель!

Опишите мне что-нибудь про себя. Вот я сел-было рассказ писать, вместо этого Вам письмо написал. А все жена. Смотришь, рублей шестьдесят из кармана и вылетело! Ей же хуже, да и наука — не презирай!

Попрежнему всем сердцем Ваш

Вл. Тихонов.

5

12 февраля 1894 г.
С.-Петербург.

Дорогой Антон Павлович!

Что это Вы меня совсем забыли? Вот уже около года от Вас ни привета, ни ответа. Хоть бы строчку черкнули: «жив, мол, и здоров, чего и Вам желаю». А здоровья пожелать мне не мешает, потому что в настоящую минуту меня терзает жесточайший ревматизм. Помните, как в Москве, в Бучумовских номерах Вы мне мушку ставили на плечо? Вот и теперь тоже самое плечо мучит меня. Сижу, как индейский истукан — головой пошевелить не могу.

Ждали мы Вас, ждали в Петербурге, да и ждать перестали. От скуки даже про Вас сплетни сочинять начали. Кто говорил, что Вы куда-то в Африку владетельным принцем приглашены и теперь заняты изучением чернокожего языка, кто уверял, что Вы женились и взяли семьдесят миллионов приданого и хотите основать литературную колонию; а я, для оригинальности, распространял слух, что Вы постриглись в монахи. Брата Вашего несколько раз видел и брал от него сведения об Вас, но он всегда сообщал мало утешительного. Бывало, что вот-вот совсем надежда, что Вы приедете в Питер; ждать начинаем, пироги печем, а спросишь его; он говорит — «ни боже мой, Антон об этом и не думает!» Скажите, в самом деле, что Вы думаете: думаете Вы заглянуть к нам в Питер или нет? а если думаете, то когда?

У меня к Вам просьба есть: пишу я повесть, листа три печатных будет, а может и четыре; очень бы мне ее хотелось в «Русскую Мысль» пристроить; но право не знаю, как это сделать. Знакомых у меня в «Русской Мысли» никого нет, и вообще я человек робкий и редакторов боюсь хуже огня. Не только с ними лично объясняться, но писать даже им робею. Как подумаю, что прикрикнут на меня: куда лезешь? осади! так душа в пятки и уйдет. А в «Русской Мысли» люди все, кажется, строгие! Из профессоров которые, те в особенности. Так не поможете ли мне в этом деле? Не сообщите ли: как, кому, куда и когда писать надо? И тоже насчет формы изложения просьбы? А может Вы и совсем благодетелем мне пожелаете быть — словечко обо мне замолвите, чтоб меня там не высекли. А то ведь срам! Человек я зрелого возраста, отец семейства, имею знаки отличия, и вдруг выде-

рут. Ну, тоже и насчет денег, конечно... Ах, нужны мне деньги! Боже мой, как нужны! Жду от Вас милости, на Вас надеюсь и уповаю.

Не знаете ли Вы что-нибудь о Жане Леонтьевиче (dit Щеглове)? Где он? что с ним? Да, вот Вам новость: 5-го Января (в славную годину нашего с Вами путешествия по петербургским соборам) у Гнедича[15] был домашний спектакль. Играли «Жестокого барона»[16], трагедию в 2-х действиях и притом в стихах, юношеское произведение «неизвестного автора». Гнедич говорит, что эту книжечку презентовали ему Вы в Москве, на Курском или Рязанском вокзале — уж не помню. Представление было преотменное. Я изображал самого жестокого барона, М. М. Читау[17] — жену мою, П. О. Морозов[18] (приват-доцент) — Роберта Эшлингамма, П. П. Гнедич — монаха. Играли и пели мы очень дружно и, в конце концов танцовали что-то вроде канкана. Публика, если не умерла от хохоту, то только потому, что были приняты предварительные меры. Все жалели, что Вас не было. После спектакля по соборам не ходили, впрочем, со мной все-таки произошел некоторый казус, но об этом... «Ничего... ничего... молчание!»

Как рассказ для «Севера»? Жив ли он?

Ну будьте здоровеньки, кланяйтесь.

Всей душой Ваш.

Вл. Тихонов.

P. S. Основанные Вами о б е д ы б е л л е т р и с т о в[19] процветают, и отныне им присвоено наименование «Арзамас»[20]. На столе будет становиться чучело гуся, а на голове гуся — сверчок. Voilà!

Знаки препинания принадлежат моей секретарше — не отвечаю.

Ваш *Вл. Тихонов.*

P. S. S. Ответа жду.

Т и х о н о в Владимир Алексеевич (1857—1914), писатель, автор большого числа романов, повестей, пьес (за пьесу «Козырь» Т. получил в 1886—1887 г. Грибоедовскую премию), фельетонист, редактор журнала «Север», где Чехов напечатал в № 1, 1892 г. рассказ «Попрыгунья»; был в дружественных отношениях с Чеховым, который называл его «Российским Сарду»; в шеститомном собрании писем Чехова 32 письма к Т., кроме того 2 письма в сб. «Чехов. Неизданные письма», 1930, и 1 письмо в журнале «Красный архив», том 37, 1929; написал воспоминания о Чехове («Мир божий», VIII, 1905), где, между прочим, приведены слова Н. П. Вагнера («Кота Мурлыки»), назвавшего Чехова еще в 1889 г. «великим русским писателем», «слоном между всеми нами»; благодаря Т. за рецензию об «Иванове», Чехов писал Т. (7 марта 1887 г.): «... меня маленького так мало ласкали, что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласки, как нечто непривычное, еще мало пережитое».

1 Г а й д е б у р о в Павел Александрович (1841—1893), публицист, редактор право-народнического журнала «Неделя».

2 П о т е х и н Алексей Антипович (1829—1908), беллетрист, драматург, заведывал репертуаром Александринского театра; с 1900 г. — почетный академик.

3 В а г н е р Николай Петрович (1829—1907), профессор зоологии, писатель-беллетрист («Повести и сказки Кота Мурлыки», 7 томов).

4 С о к о в н и н Николай Михайлович, петербургский знакомый Чехова, большой его поклонник; о нем Чехов упоминает в письмах к Гольцеву и М. Чайковскому («Неизданные письма», 1930) и в письмах к В. А. Тихонову и А. Н. Плещееву («Письма», II).

5 Г о р б у н о в Иван Федорович (1831—1895), писатель, рассказчик, актер.

6 Ш а п и р Ольга Андреевна (1850—1916), беллетристка, автор большого числа романов и повестей.

7 М е р д е р Надежда Ивановна (1837—1906), автор большого числа романов; в сотрудничестве с П. М. Свободиным написала пьесу «За Волгой» и с В. А. Крыловым — пьесу «Генеральша Матрена» (писала также под псевдонимом Н. Северин).

8 «Общество русских драматургических писателей и оперных композиторов» учреждено было в 1874 г. для защиты их прав (получение авторской платы за исполнение их сочинений на частных сценах). Общество ежегодно выдавало Грибоедовскую премию (около 400 руб.); первую премию получил А. Н. Островский в 1882—1883 гг. («Красавец-мужчина»), в 1891—1892 гг. — Лев Толстой («Плоды просвещения»), в 1901—1902 гг. — Чехов («Три сестры»);

в 1889 г. Чехов избран был членом Комитета о-ва; в 1890 г. — членом Комиссии по пересмотру устава Грибоедовской премии (об этой комиссии идет речь в письме Тихонова).

[9] Повесть Чехова «Скучная история» (1889) начинается словами: «есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то...»; там же: «Я развлекаю себя французскими книжками в желтых обложках...» «было бы патриотичнее читать русских авторов, но... нынешняя литература представляется мне... кустарным промыслом, существующим для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его изделиями...»

[10] «Качучи и чучи» — шутливое название, данное Чеховым пьесе Вл. Тихонова «Лучи и тучи» (см. письмо Чехова к Тихонову от 7 декабря 1889 г.).

[11] «Святой ночью», «Враги», «Ведьма», «На пути», «Дома», «Тиф», «Припадок» — рассказы Чехова.

[12] Введенский Арсений Иванович (1844—1909), критик и библиограф; сотрудник «Русских ведомостей», позже «Нового времени».

[13] Мережковский, Дмитрий Сергеевич (род. 1866 г.), поэт, романист, критик, публицист; теперь в эмиграции.

[14] Чехов писал Т. 24 января 1892 г.: «... Посылаю Вам росписку. Вы думали, что этот двугривенный я на извозчика потратил, ан вышло так, что я его к голодающим свез» («Письма», IV).

[15] Гнедич Петр Петрович (1855—1925), беллетрист и драматург, художник, автор «Истории искусств»; был редактором «Ежегодника императорских театров»; управлял с 1901 по 1908 г. труппой Александринского театра; изданы его мемуары «Книга жизни», 1929.

[16] «Жестокий барон» — об этой пьесе П. П. Гнедич в своих воспоминаниях («Книга жизни», стр. 244, 1929) говорит, что пьеса имела шумный успех в кабаре «Летучая мышь», что автором этой «предшественницы «Вампуки» оказался пресерьезный профессор Моск. унив-та. С. Г. Кара-Мурза указал мне, что автор пьесы — проф. МГУ В. Е. Гиацинтов (1858—1933) — историк и теоретик искусства, отец артистки С. В. Гиацинтовой». См. «Русь» № 208, 212, 432, 1904; из этих статей видно, что многие считали автором пьесы А. П. Чехова.

[17] Читау Мария Михайловна — с 1879 г. артистка Александринского театра, оставила службу в 1900 г.

[18] Морозов Петр Осипович (1854—1920), историк литературы и театровед; видный пушкинист.

[19] «Обеды беллетристов» были задуманы Чеховым; первый обед состоялся 12 января 1893 г. (см. «Чеховский сборник», стр. 21, 1929, и «Книга жизни» П. П. Гнедича, стр. 192, 1929).

[20] Арзамас — знаменитый литературный кружок (1815—1818), основанный в противовес «Беседе любителей российского слова» (ревнители старины); каждый член наделялся особым прозвищем (Пушкин — «Сверчок»). Чехов писал Суворину (в январе 1894 г.): «...беллетристы напрасно назвали свои ежемесячные обеды Арзамасом. Это фальшиво».

ТОЛСТОЙ И. Л.

25 мая 1903 г.

Любезный Антон Павлович! Спешу исполнить свое обещание относительно рассказов, отмеченных моим отцом. Оказывается, что они, кроме того, еще разделены на два сорта, 1-й и 2-й.

1-й сорт: 1) Детвора, 2) Хористка, 3) Драма, 4) Дома, 5) Тоска, 6) Беглец, 7) В суде, 8) Ванька, 9) Дамы, 10) Злоумышленник, 11) Мальчики, 12) Темнота, 13) Спать хочется, 14) Супруга, 15) Душечка.

2-й сорт: 1) Беззаконие, 2) Горе, 3) Ведьма, 4) Верочка, 5) На чужбине, 6) Кухарка женится, 7) Канитель, 8) Переполох, 9) Ну публика, 10) Маска, 11) Женское счастье, 12) Нервы, 13) Свадьба, 14) Беззащитное существо, 15) Бабы.

Не могу Вам сказать, выбирал ли он эти рассказы из всех, или это только те, которые пришли ему на память, как особенно выдающиеся, но во всяком случае мне оч[ень] было бы интересно знать Ваше мнение о его выборе. Переехали ли Вы к Маклаковым? Если да, то передайте мой поклон Мар. Ал.[1]

Крепко жму Вашу руку

Ваш гр. *Ил. Толстой.*

Калуж. губ.
Почт. ст. Детчино

Толстой Илья Львович (1866—1933), сын Л. Н. Толстого.

Тот же список произведений А. П. Чехова приводит в своей книге «Яснополянские записки». М. 1923 и Д. П. Маковицкий (1866—1921), врач, единомышленник и близкий друг Л. Н. Толстого, говоря об отношении Толстого к русским классикам и составлению им «Круга чтения» на каждый день.

[1] Мар. Ал. — Маклакова Мария Алексеевна.

М. И. ЧАЙКОВСКИЙ

1

7 февраля 1889 г.
[С.-Петербург].

Согласно обещанию вот вам, милый Антон Павлович, отчет о вчерашнем представлении [1]. Зала совершенно полная; в царской ложе Владимир [2] с женою и Сергей [3]. Много лиц, бывших на первом представлении: первый акт я застал только в конце, поэтому ничего не могу сказать о его исполнении. Занавес опустился при аплодисментах средней силы, вызовов — 1. Второй акт шел как в бенефис Федорова [4] до появления Сашеньки. Вместо изящной фигуры Савиной [5], показалась — по моему очень несимпатичная по внешности и отнюдь не изящная — Мичурина [6]. Говорила она очень тихо, играла очень сдержанно (как я потом узнал — от страшного волнения). Обращение к скучающим барышням она произнесла вяло и безжизненно. Сцена Марфуши произвела фурор. — Вызов. Объяснение Саши опять прошло у Мичуриной точно под сурдинку. По окончании акта — два вызова с криками — автора. Если бы вы были здесь, вы бы должны были выйти, но сила их не настолько была велика, чтобы стоило режиссеру объявлять о Вашем отсутствии.

Третий акт прошел безусловно еще лучше, чем на первом представлении, как-то цельнее, спокойнее. Мичурина хоть и была хуже Савиной, но как говорится «ансамбля не испортила», а некоторые вещи сказала очень мило. Давыдов в сцене с доктором и с женою был превосходен, Стрепетова еще лучше: фразу: «когда, когда он сказал?» она произнесла внятнее и со стоном, от которого только камень, кажется, не заплачет. Я был потрясен до глубины души. Вся зала как один человек начала вызывать вас. Помощник режиссера вышел объявить об вашем отсутствии. Актеры выходили раз шесть раскланиваться перед публикой. В фойе страшные препирательства, толки и крики. Один литератор, к несчастью не знаю его фамилии, (но узнаю, наверно), говорил, что после пьес Гоголя ничего подобного он не видел, другой — адвокат чуть не с пеною у рта опровергал его, повторяя слова Михневича [7]. Везде были кучки. Я был центром одной из них, потому что ко мне подошел Утин [8], все стоявшие около примолкли, чтобы послушать мнение знаменитого адвоката. А адвокат нес белиберду страшную. Достаточно сказать, что он упрекал доктора в том, что тот в первом акте делает намек, что лечит даром. «С этой минуты этот человек перестал существовать для меня!» восторженно говорил он, «Иванов роняет себя, удостоивая его разговором». Впрочем рядом со вздором в речах Утина было и несколько дельного. Самое дельное — признание выдающейся, исключительной талантливости пьесы.

Четвертый акт был ослаблен игрою Мичуриной. Как бы мне вам передать верное впечатление, которое она производила? — Все у нее прилично, на своем месте, умно, тип, созданный Савиной, и ее тип тоже—в ней не было ни одной самостоятельной нотки — но все это покрыто точно дымкой какой-то, туманно, незаметно. Давыдов был хорош только с момента своего монолога в то время, когда Сашенька уходит за матерью. По окончании акта актеров вызывали раз 5. В общем успех пьесы был тот же, что 31-го Января, но менее блестящий с внешней стороны, потому что Вы отсутствовали.

Я смотрел пьесу с интересом и вниманием неослабным, много уловил новых прелестных черт и яснее заметил недостатки, а в общем по окончании ее остался при этом же мне-

нии, что это самое талантливое произведение из всех новых, какие я видел на Александринской сцене, и что в авторе ее сидит будущий великий драматург, который когда-нибудь скажет нечто великое. «Медведь» произвел фурор и превосходно был разыгран Савиной и Сазоновым [9].

Как бы я хотел, чтоб Вы хоть такой ничтожной услугой, как эта, еще дали мне случай высказать Вам, как Вы мне глубоко симпатичны.

[*М. Чайковский.*]

2

23 февраля 1890 г.
[С.-Петербург].

От всей души благодарю Вас, дорогой Антон Павлович, за Ваше письмо. Если бы Вы знали, какое значение я придаю Вашему отзыву, как был счастлив получить Ваше письмо, Вы бы написали мне его раньше. Я уже совсем уверился, что мое произведение Вам не понравилось и Вам тяжело высказать мне это.

По совести скажу, что меня печалил в этом случае не столько факт неодобрения, сколько — недоверия к искренности моего желания узнать Ваше мнение, каково бы оно ни было. Я никогда не понимал того презрения и насмешек, которыми осыпают наших фигнеристок, мазинисток, рубинштейнисток, потому что сам всегда был каким-нибудь истом. В эту минуту я репинист и чехист[10], отношусь к Вашему таланту с какою-то влюбленностью, которую невольно переношу и на личность, и поэтому особенно чувствителен в отношениях с Вами. Ваше молчание меня так же сильно огорчало, как обрадовало Ваше письмо. Ваши замечания в общем сводятся к недоделанности моей вещи. Я сам это чувствую и благодаря тому, что ранее будущего сезона не увижу ее на сцене, хочу летом поработать над ней и многое дорисовать.

Сегодня я окончил либретто «Пиковой дамы» для моего брата. Кажется, будет очень эффектно. Мой брат очень увлечен работой и в один месяц написал две трети оперы.

На днях мы здорово кутнули у Алексея Николаевича[11]. Было страшно весело и оживленно.

Как мне не нравится Крейцерова Соната! Какая натяжка, бесформенность и близорукость! Во все время чтения мне представлялся не колосс Толстой, а пресыщенный старикашка, оправдывающий свою половую неспособность — измышленной парадоксальной глубиной морали. От вещи ничего не останется кроме изумительной сцены убийства, где снова чувствуется его львиная лапа. . .

Дайте мне, пожалуйста, если можно, «Лешего». Мережковский [12] и Урусов [13] так хвалят его, что мне завидно.

Дай Вам бог хорошо съездить[14]. Я Вам страшно завидую.

Отъявленнейший

Чехист *М. Чайковский.*

Чайковский Модест Ильич (1850—1916), брат композитора, драматург, переводчик, либреттист («Пиковая дама», «Иоланта», «Дубровский»), биограф своего гениального брата; был, как и его брат, восторженным поклонником таланта Чехова; пять писем Чехова к Ч. напечатаны в сб. «Чехов. Неизданные письма», 1930.

[1] «Иванов» в Александринском театре.

[2] Романов Владимир Александрович, брат Александра III.

[3] Романов Сергей Александрович, убитый Каляевым в 1905 г.

[4] Федоров-Юрковский Федор Александрович (1842—1915), режиссер Александринского театра.

[5] Савина Мария Гавриловна (1850—1915), выдающаяся артистка Александринского театра: изданы ее мемуары «Горести и скитания», 1927.

[6] Мичурина Вера Аркадьевна, артистка Александринского театра, дочь знаменитой В. В. Самойловой-Мичуриной; впоследствии много выступала в чеховских пьесах (Раневская, Маша Кулыгина, Мария Константиновна в пьесе «Дуэль» Н. Бромлей — по Чехову).

[7] Михневич Владимир Осипович (1841—1899) — писатель, публицист и фельетонист.

[8] Утин Евгений Исаакович (1843 — 1894), адвокат и публицист; выступал в политических процессах; сотрудник журнала «Вестник Европы».

[9] Сазонов Николай Федорович (1843—1902) — артист Александринского театра;

в «Иванове» играл роль (1889) — Львова; в «Чайке» — Тригорина (1896).

[10] Чехов писал М. И. Чайковскому (16 марта 1890 г.): «...Вы чехист? Покорно благодарим. Нет, Вы не чехист, а просто снисходительный человек».

[11] Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт.

[12] Мережковский Дмитрий Сергеевич (род. 1866), поэт, романист, критик, публицист; один из учредителей «Религиозно-философского общества»; отличался неустойчивостью политических симпатий; после Октября — в эмиграции; в статье «Брат человеческий» («Русское слово» № 13, 1910) М. вспоминал, что видел драму «Леший» на сцене частного театра в Москве; он говорит, далее, что согласен с Урусовым, что Чехов испортил «Лешего», переделав его в «Дядю Ваню»: «... одна сильная фигура превратилась в две слабых, но слабые люди более свойственны таланту Чехова».

[13] Урусов Александр Иванович (1843—1900), знаменитый адвокат, литературный и театральный критик; был восторженным поклонником таланта Чехова; два письма его к Чехову напечатаны были в сб. «Слово», № 2, 1914; во втором из них он пишет: «... с грустью должен сказать Вам, что Вы, по моему мнению, испортили «Лешего». Вы его окромсали, свели к конспекту и обезличили. У Вас был великолепный комический негодяй... для пьесы он был дорог, внося юмористическую нотку... Еще более тяжкий грех: изменение хода пьесы. Когда я рассказывал французам «Лешего», они были поражены...; герой убит, а жизнь идет себе... Конечно, и «Ваня» хорош, лучше всего, что теперь пишется, — но Леший лучше был...»

[14] На о. Сахалин.

В. Г. ЧЕРТКОВ

26 ноября 1892 г.

Многоуважаемый Антон Павлович, пишу вам под впечатлением только что прочитанной вашей повести «Палата № 6» [1]. Не знаю, как выразить вам то радостное (сильное) и благое впечатление, какое чтение этого потрясающего по своей глубине и правде рассказа вызвало во мне и моих товарищах (жене моей и одном друге, когда мы вместе его прочли, это ваше последнее произведение). Благодарю вас от души за все хорошее, которое мы вынесли и несомненно вынесут все читатели от этой вещи. Радуюсь за вас, за ту высоту, на которой вы находитесь, за ширину вашего кругозора и глубину взгляда, когда писали это истинно-художественное произведение... Впрочем, не стану расхваливать вашу работу и размазывать своих восторгов: для того, чтобы ясно и понятно высказаться, пришлось бы составить целый художественно-критический разбор этой вещи. Но вам этого не нужно. А читатели лучше всего сами, каждый по своему, переварят ту душевную пищу, которую вы им предложили.

Спешу обратиться к вам с просьбой разрешить мне издать эту повесть в моей серии «для интел[лигентных] читателей» на тех же основаниях, как и «Именины» и «Жену», которые должны вскоре выйти в свет; (а именно могу предложить вам то-же, что вы получили от Суворина за первое издание в его «Дешевой библиотеке»: «Детвора» — 50 руб. с листа за каждые 5/т. выпускаемых экземпляров. В «Палате № 6» около 3 листов, следовательно — 150 руб. — Судя по тону ваших писем ко мне, я вижу, что вы не придаете преобладающего значения размеру гонорара; но затрагиваю тем не менее этот вопрос ради необходимой аккуратности и точности).

Главное же, мне хотелось бы поскорее широким распространением этого произведения дать возможность воспользоваться [благотворным] просветительным и душевно [ободрительным] пробуждающим его влиянием — тому обширному кругу культурных и полу-культурных читателей, среди которых будут вращаться книги нашей новой серии [изданий].

Итак буду ожидать вашего, надеюсь скорого, ответа. В случае вашего согласия на мою просьбу, прошу вас разрешить мне представить повесть в цензуру от вашего имени.

От всего сердца приветствую вас, Антон Павлович, в том подъеме ху-

дожественного творчества, в котором вы очевидно находитесь, и буду, вместе с остальными почитателями вашего таланта, ожидать от вас дальнейших произведений, проникнутых таким же жизненным и животворным духом.

В. Чертков.

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936), организатор издательства «Посредник».

[1] «Палата № 6» была напечатана в журнале «Русская мысль» за 1892 г. книга XI, затем отдельно в изд. «Посредник» для интеллигентных читателей. М. 1893. Повесть эта произвела сильное впечатление на В. И. Ленина, и он, судя по воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой, так определил это впечатление: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

И. Л. ЩЕГЛОВ (ЛЕОНТЬЕВ)

1

4 марта [1888 г.], пятница.
С.-Петербург.

И охота так много возиться Вам, дорогой Антуан, с таким неустойчивым нытиком, как ваш Жан Щеглов. Но раз взялись сосводничать — крепкое спасибо! Не знаю только — удобно ли иметь дело с Москвой в почтовом отношении: (недели 3 тому назад я отправил Гольцеву (для «Русских Ведомостей») «заказным» небольшую безделку воен[ного] быта: «Бурмазей» и до сих пор — ни ответа, ни привета... ни денежного пакета. Кто тут виноват — право не разберу! Пока не разъяснится недоразумение, обожду посылать что-либо в Р. Вед. Может быть Гольцев взял статью для «Русской Мысли», но я писал, что для журнала она слишком мелка. Но довольно, чорт возьми, о себе. Прочел Вашу «Степь»; и, хотя прочел не так, как читают, когда имеют книгу надолго, но все же могу сказать два слова. Первое слово — удивительно, второе — изумительно, а третье... скажу на ухо по приезде. Особенно неизгладимо врезались мне в память: описание купанья и ловли раков, влюбленный Константин и трогательная нота финала. Чудесно описание грозы, а описание степи на стр. 108 — шедевр описательной поэзии. Буренин[1] очень неметко похвалил Вас, можно привести отрывки куда характернее, и совсем напрасно заобидел Короленко и Успенского. Ради всех святых дайте оттиск Вашей «Степи». Почему-то не выезжаем летом из Петербурга — чистое благодеяние подышать степным воздухом, веющим от каждой страницы вашего очерка. До скорого свидания.

Ваш всею душою

И. Леонтьев.

Вашим родным мой душевный привет.

Пишите почаще!

Ваш *Жан.*

P. S. Правда ли, что театр Корша так мал и так пустует, как об этом повествует «Артист»?!

2

9 ноября 1889 г.
С.-Петербург.

Что Вы совсем замолкли, Антуан? Ни ответа, ни привета!.. Не собираетесь ли в Петербург? Как бы мне с Вами не разъехаться. Я непременно буду в Москве, как только окончится цензурная волокита с моей драмой. Окончится цензурная — начнется другая, закулисная. Объясните мне, ради самого бога, что это за история Солонин?[2] Каков он в «Иванове»? Последнее время его так ругают за деревянность, что я начинаю в нем сумлеваться и следоват[ельно] в возможности постановки драмы у Корша. Вся пиеса довольно рискованная и выручить может только страстность исполнения заглавной роли. Отпишите, не ленитесь.

Что «Леший»? Ужасно он меня интригует и к[ак] Ваша вещь и как

общий вопрос о сценичности, вопрос который бы следовало давно осветить и разъяснить должным образом. Почему-то я питаю веру в «Лешего» необыкновенную.

Вот «Скучная история» ваша меня не совсем удовлетворила. На всем произведении лежит печать утомления и надуманности. Мне сдается, что публика отнесется к ней несправедливо сильно: не заметит, что есть в рассказе тонкого и острого и привяжется к общей тусклости тона. Тип Кати очень метко схвачен, но к сожалению как-то силуэтен, не вытанцовался, не показывается. Будь рассказ сжатее и без m-elle Гамлет он бы служил хорошим «панданом» к «Смерти Ивана Ильича».

Впрочем, довольно о скучной истории — перейдем к веселой. Прочтите Рус[ские] Вед[омости] 7 ноября, рассказ «Мачтета»[3] И з - з а л ю б - в и? Это до того карикатурно-тенденциозно, что я хохотал от души. Решительно не понимаю, почему Мачтет популярен! А, впрочем, в письме не скажешь всего, в особенности таким куриным почерком. Сердечный привет всем Вашим.

Ваш *И. Щеглов.*

P. S. — $2^1/_2$ ч. пополудни, но такая слякоть и темь, что я еле дописал эти строки без свечи.

3

18 ноября 1889 г.
С.-Петербург.

У меня «инфлюенца», Антуан, — медицинская и писательская! Медицинская, благодаря хинину, благополучно отретировалась, но какое средство принять против второй, писательской инфлюенцы? Цензура решила, кажется, окончательно похоронить мою драму, и это повергает меня в состояние близкое к умопомешательству. Безнадежно ломаю голову и все не могу придумать: — что может представлять опасного для спокойствия общества — любовь ничтожного студента к ничтожной горничной, после того, как всякие намеки о дворянстве выкурены?!

Пиеса может быть плоха — это особь статья, но она скорее слишком наивна, чем опасна, и совершенно не заслуживает особого доклада г. Главноуправляющему.

Для меня при всех таких цензурных прорухах возникает вопрос общий: — не стоит писать! .. То, что действительно стоит воспроизводить, что схватываешь в обществе очень характерного, какое-нибудь типическое течение — того все равно цензура не пропустит ни в б е л л е т р и - с т и к у, ни на сцену тем более. Следовательно, остается з а б а в - л я т ь... А эта роль очень тяжела для человека, воспитанного в лучших традициях... Впрочем, в письме все-равно сути не расскажешь, а только тоску нагонишь... Словом, я нахожусь в очень тяжелом состоянии — не до Москвы мне теперь, ни до чего... Поклонитесь всем Вашим — я их очень люблю!! Душевно преданный

И. Леонтьев-Щеглов.

P. S. Прочтите «Неделю» № 45, 46. Там есть очень дельная статья «Бедствующие литераторы», а в последнем номере очень искренняя похвала Дистерло[4] Вашей «Скучной истории».

Мне очень досадно, что у Вас недостаточно ярко в психол[огическом] отношении определился тип К а т и! Ее тоска куда опаснее «инфлюэнцы», и она сама, до известной степени, знамение времени! Я ее понимаю м е - ж д у с т р о к а м и, но можно ли этого требовать от простого читателя?!

«Скучная история» страдает и переутомлением и отсутствием ловкости в композиции. — Не будь этого — это вышло бы замечательное произведение. Одна m-elle Гамлет чего бы стоила!!

4

3 декабря 1889 г.
С.-Петербург.

Вы бесконечно правы, Антуан, что не стоило столько хлопотать из-за «Гордиева Узла». Сколько я потерял времени даром, сколько испортил нервов и, — в конце концов, — когда хлопоты ни к чему не привели — впал в такую жалкую прострацию, что в письме даже неприлично рассказать. О цензурных курьезах

расскажу лично, при свидании в Москве, без чего, как кажется, дело не обойдется. Думаю побывать на праздниках или сейчас же после оных — увижу. Но побывать страх хочется!..

Вы знаете, с кем бы мне ужасно хотелось познакомиться? С братом Островского[5], с которым я знаком заочно по письмам к Плещееву и к которому чувствую непреодолимое влечение.

На меня очень одобрительно подействовало известие, что «Корделия» не обхаяна. Я находился в большом сумлении, тем более, что более удачная часть появится лишь в декабрьской книжке.

«Обыватели» мне очень понравились. Что свежо, то свежо, и об этом не может быть ни у кого разноречия. Разве Житель[6] будет протестовать. Вчера я зашел впервые после цензурно-медицинской инфлуэнцы к Суворину и столкнулся с Жителем. Он ужасно свирепствовал против нынешних драматургов. С чего бы казалось бы? Разгадка нашлась налицо сегодня же в Петерб[ургской] Газете, где он под маской Юлиуса 41 немного обругал всех нас. Совсем, как говорит Тургенев про одну барыню: «L'озлёбленный ум».

Здоровы ли все Ваши?

Глубочайший им всем поклон!! Жажду свидеться.

Преданный Вам, хотя и нервный излишне

Жан Щеглов.

P. S. Удивительный, ей богу, человек, этот Житель.

Человек не без задору, но совсем не убедителен. Надрывается, лает — и все не убедительно. Ему следовало, по справедливости, подписываться: «Мандарин — Лай-На-Луну», а не Житель. Однако — точка. Когда я разболтаюсь, — я хуже бабы! Еще строка — к чему Буренин так непростительно площадно облаял Михневича. Он (Мих.) глуп, но безобиден и совсем не шантажист. «Жестокие, сударь, нравы в нашем городе!»

И. Л.

5

30 декабря 1890 г.
С.-Петербург.

С новым годом, дорогой Антуан! С новым счастьем! 200.000 успехов в любви и в литературе!! — Впрочем последнее пожелание совершенно излишне, так как Вы будете его всегда иметь по праву, пока... не женитесь — удачно или неудачно, все равно, — первое пожалуй, для писателя еще опаснее. На этот счет у меня образовалась своя особенная философия, в которую, при свидании, я готов Вас посвятить, — разумеется, из самой нелицемерной симпатии к Вашему таланту. Но при каких условиях состоится наше свидание в 1891 году? Явитесь ли в Петербург инкогнито или в качестве знатного путешественника? В последнем случае мне, пожалуй, удастся увидеть только кончик Вашего носа. А хорошо бы нам было поговорить где-нибудь в трактирчике, часок, другой, по душе, потому что трактир для русского человека единственная международная почва, на которой он становится самим собою.

Вы пишете, что Вам нездоровится и что Вас тянет в деревню. Последнему могу только позавидовать, потому что я — напротив — при моей искалеченности физической и нравственной — чувствую себя в городе, как рыба в воде. Помнится, что Пржевальский после своих экскурсий всегда задыхался в своем городском доме, который ему после простора степей представлялся настоящей тюрьмой. И Ваше нездоровье, уверен, того же сорта — это просто le mal du Sachaline!

Кстати, о Вашем рождественском рассказе[7]. Какая прелесть! Или — вернее — какая правда! В нем нет ни тени силуэтности в обрисовке лиц, которой страдали иные из прежних очерков Ваших — и Гусев с Павел Ивановичем — художественные типы 84 пробы. Такие захватывающие по своей жизненности рассказы сбивают с позиций все мои художнические теории. Для большого художнического труда нужны условные рамки и не потому ли так хорош Ваш очерк именно, что он написан прямо с натуры, не дожидаясь, когда создастся

подходящая рамка? И потому — стоит ли ждать с материалами для ...«романа», когда романов теперь, по нашему времени, и читать некогда, и т. д. и т. д. Словом, на многое навел меня Ваш превосходный «Гусев», о чем [в] письме выходит несообразно, а лично истолковать хочется основательно.

Относительно «театра» Вы можете потешиться теперь надо мною вволю: из пяти новых написанных мною пиес (из которых 2 несомненно порядочные), Корш не берет ни одной. Что сие означает? — Для театра я, разумеется, теперь надолго замолкну — и это хорошо; но обида все-таки остается обидой, потому что мы знаем, что̀ идет у Корша и сколько провалов у него было в этом году. Кажется, он просто фокусник самого дурного тона. Чорт с ним!

Передайте, пожалуйста, мои душевные поздравительные приветствия Вашей многоуважаемой матушке, брату Ивану Павловичу, Михаилу Павловичу и добрейшей Марье Павловне! !

Поклон мангусикам! ..[8]

Да хранит господь от всяких напастей и болестей дом Фирганга!!

Сердечно Ваш *Жан Щеглов.*

Padre[9] вернулся из Парижа!!

P. S. На Невском, у Шапиро выставлена новая знаменитость, перед которой толпится публика, спрашивается —кто сие... Владимир *Тихонов.*

«Скажи мне, что такое слава,
О мой добрейший Антуан!»

И. Л.

P. S. Отпишите — когда именно будете в Питере. Ежели нужна тайна — сохраню в груди тайну.

6

26 декабря 1891 г. Четверг.
С.-Петербург

С праздником, милый Антуан! С наступающим Новым годом!!

Душевно рад, что скоро свижусь с Вами и, по всей вероятности, наговорюсь вволю... Ваша «Дуэль» очень явный и очень знаменательный шаг вперед в развитии Вашего творчества, московский фельетон Киселева[10] — сама прелесть, даже несмотря на некоторую небрежность — будем ждать «Жены» и «Обывателей»! — Но обо всем этом подробнее мечтаю где-нибудь в трактирчике, за стаканом чая, с глазу на глаз...

Не забудьте, друже, 7-го января, а также не забудьте передать мой сердечный поздравительный привет Вашим домашним! .. Да сохранит бог дом Фирганг от всяких болезней и напастей!

Мне не совсем здоровится и посему пишу мало и скверно; впрочем, Вам не привыкать стать ни к моей ипохондрии, ни к моему почерку!

Ваш душевно *И. Леонтьев-Щеглов.*

Щеглов (наст. фамилия Леонтьев) Иван Леонтьевич (1856—1911), беллетрист и драматург; бывший офицер, он обратил на себя внимание талантливыми рассказами из военного быта; автор большого числа романов, повестей, драм и водевилей, имевших успех на сцене: первые вещи Щ. находили высокую оценку Чехова; он отмечал в них и талант автора и «разнообразие, которого нет ни у Альбова, ни у Баранцевича, ни у Ясинского, ни даже у Короленко»; впоследствии Чехов отрицательно относился к Щ., сотруднику консервативных органов, «обличителю и независимому критику либералов и новых людей» («пьеса Щ. из жизни русских литераторов проникнута идейно-ненавистническим духом и фальшива, и такое впечатление, будто пьесу писал не юморист Щеглов, а кот, которому литератор наступил на хвост» — из письма к Суворину от 2 мая 1897 г.). Щ. написал воспоминания о Чехове («Ежемес. приложения к «Ниве», VI и VII, 1905), где говорит о «нежных дружеских отношениях между ними, которые завязались сразу, под веселую руку, и остались неприкосновенными на всю жизнь, невзирая на разность литературных положений и всяческие житейские превратности»; он вспоминает о первом знакомстве, об «опьянении его талантом, умом, юмором, всей его личностью, чуждой фразы и мелочной условности». В шеститомном собрании писем Чехова — 50 писем к Щеглову, кроме того 18 писем — в сб. «Чехов. Новые письма», изд. Атеней, 1922.

[1] Буренин Виктор Петрович (1841 — 1926), поэт, юморист, публицист, критик,

драматург, фельетонист; один из застрельщиков воинствующего либерализма в молодости, он сделался потом постоянным сотрудником суворинского «Нового времени», где печатал грубые пародии и злобные шаржи, между прочим, и по адресу Чехова.

[2] Солонин Павел Федорович, артист театра Корша в Москве; в «Иванове» (1887 г.) исполнял роль доктора Львова; в 1891 г. оставил сцену (психическая болезнь).

[3] Мачтет Григорий Александрович (1852—1901), беллетрист, пользовался одно время популярностью в прогрессивных читательских кругах; крайний схематизм, мелодраматичность и патетичность — основные черты его писаний.

[4] Дистерло Роман Александрович (1859—?), судебный деятель и литературный критик, автор книги о Л. Н. Толстом.

[5] Об Островском, Петре Николаевиче — см. выше (примечание к письму П. Н. Островского о «Степи» Чехова).

[6] «Житель» — псевдоним Дьякова Александра Александровича (1845—1895), беллетриста и фельетониста; в молодости участник революционных кружков и эмигрант, потом ренегат, автор (псевд. Незлобин) обличительных романов и повестей из жизни эмигрантов; сотрудник «Нового времени» (псевд. Житель).

[7] Рассказ «Гусев» напечатан был в «Новом времени» 25 декабря 1890.

[8] Двух мангусов Чехов привез из Индии, где он был на обратном пути с о. Сахалина (правильнее — мангусты, род хищных млекопитающихся, полезных истреблением ядовитых змей).

[9] Плещеев А. Н.

[10] Кисляев — так подписался Чехов под фельетоном «В Москве», помещенным 7 декабря 1891 г. в «Новом времени» (перепечатан был впервые в качестве приложения к III тому писем Чехова); в фельетоне сатирически изображен московский интеллигент.

А. И. ЭРТЕЛЬ

1

6 марта 1893 г.
Москва.

Не беда, дорогой Антон Павлович, тем более, что если бы Вы пришли позднее часа, то в «обмане» был бы повинен я: именно в час мне нужно было уйти по неожиданному и неотложному делу. Буду надеяться, что судьба вновь сведет нас и, кто знает, может быть при более благоприятных условиях. А я с обычною мне бесцеремонностью скажу, что буду рад этому, потому что то представление о вас, как о писателе, которое я уже имею, до известной степени совпало с тем представлением, которое получилось у меня при нашем личном знакомстве. К сожалению, так не всегда бывает и когда бывает, нужно этим дорожить. Если у вас найдется досуг и желание, напишите мне тот ваш адрес, по которому вам можно выслать посылку — хочу прислать вам книгу мою, «Гардениных» — конечно, не с целью заставить вас читать ее, но как посильное свидетельство моего уважения к писателю и, хочу думать, как начало наших «человеческих» отношений. До 10-го я пробуду в Москве, затем мой адрес: г. Воронеж, Александру Ивановичу Эртелю, без всяких дальнейших подробностей.

Искренно вам преданный

А. Эртель.

2

25 марта 1893 г.
Ст. Углянка Козлово-Воронежской ж. д.
Сельцо Емпелево

Более десяти дней я получил Ваше письмо, Антон Павлович, но в том же Воронеже, где получил его, я схватил некоторую мерзость, от которой лишь сегодня встал с постели, да и то двигаясь с усилием. Грипп ли это, или что иное, но t° доходила до 39,4, при кашле, насморке и т. д. Теперь очевидно дело идет на поправку. И пора. Не говоря уже о множестве литературной и другой работы, которая на очереди, до боли грустно смотреть из-за стекол на то, что теперь совершается в природе. До недавнего времени у нас, если не считать наступившей было в начале марта оттепели, стояла самая бесспорная зима: морозы, глубокие снега, отличные санные дороги. Но вот дня четыре все это изменяется, — хотя, к

нашему удовольствию, и не быстро. Говорят, воздух наполнен голосами жаворонков и щебетом всякой крылатой твари. От земли, на проталинах, подымается пар; ручейки звенят потихоньку; небо ясное, с пушистыми, белыми облачками, солнце яркое... Ужасно я люблю эту пору весны, — может быть за то чувство бодрости и обновления, за чувство сладкой тоски по чем-то, которое вплывает в душу вместе с звуками, красками и веяниями ранней весны. И вот не угодно ли любоваться из-за стенок! И выздоровление идет не так-то быстро. Температура вчера еще была нормальная, сегодня тоже; а чувство слабости такое, что беда... Аппетита нет, во рту отвратительный какой-то привкус, голова справляется с мыслями, как детские руки с пудовыми гирями, — можете видеть из сего сравнения, как она справляется!

Сеять во всяком случае будем после святой, — может быть даже с половины Фоминой недели. Но и больному приходилось нанимать на пахоту, определять количество земли под овес, подсолнух, просо, картофель, указывать старосте по плану эти предполагаемые площади и т. д. Ведь, вы знаете, что я тоже хозяйничаю, — к несчастью не на своей земле, а арендую у некоторых извергов рода человеческого, интересных однако в литературном отношении дворян-ростовщиков. Непрочная эта штука — аренда. Я снял на три года. В эти три года все мы успели привязаться и к усадьбе, и к окрестным деревням, — конечно, голодный год этому особенно способствовал. Но вот осенью срок, а с владельцами я не сошелся и придется уходить... Вы не поверите до чего это больно, и какая мрачная сторона нашей «разночинской» жизни эта невозможность «иметь свои дубы и липы». Правда, я мог бы возобновить срок, заплативши «извергам» ту аренду, которую они просят, но это значит стать в роль олуха — занятие не так уж достолюбезное, чтобы на него льститься. А подходящего имения далеко кругом нет. Всего более, жаль, конечно, детей, — у меня две девочки 6 и 3 лет, — и жену: они, может быть, более чем я приросли к здешней почве.

Впрочем, что это я вам все про хозяйственное!

Не знаю почему, но мне приятно было узнать, что вы — воронежец, да еще такого родовитого происхождения [1]. Обе мои бабки, и по матери, и по отцу, были тоже крепостными, одна — воронежских помещиков Бееров; другая — Мариновских или Мариных. На последней женился взятый в плен под Красным в 1813 г. и навсегда оставшийся в России Людвиг Эртель, увы, пруссак, — впрочем столь мало пруссак, что отец мой уже ни аза не знал по-немецки. Все мы, начиная с деда-пруссака, числимся мещанами города Воронежа; хотя горожанами никогда не были: и дед, и отец управляли барскими имениями в Воронежской и Тамбовской губ. Во времена своей юности я проходил свой курс на этой же стезе, — на иных не был, не был даже в элементарной школе. Каким это образом удалось вам быть в университете? Впрочем, вы моложе меня и, вероятно, отец ваш имел достаточно времени и возможности оценить высшее образование. Я родился в 1855 году, вы, вероятно, в 60, или позднее? Когда буду у В. Г. Черткова,— мы с ним давнишние приятели и я его очень люблю, несмотря на некоторые его увлечения, — я непременно распрошу тамошних старожилов о ваших предках.

Вы знаете, я долго не знал, а потому и не узнал Вас как писателя. Первое прочитал — Степь, — но несоразмерное нагромождение описаний, — правда, в отдельности, очень тонких, — меня утомило и не заинтересовало Вами. Затем, надо признаться, что Ваше безразличное отношение к «общественности» — не знаю, как точнее выразиться, — тоже отшатывало от Вас. Глаза мне открыл Ваш малюсенький, случайно прочитанный очерк — «Почтальон», кажется? [2] Ну, с тех пор я кое-что знаю о глубине Вашего захвата, и ужасно рад, что многое Ваше, что я читал до сего дня, более и более подтверждает это мое наблюдение.

И в том числе Палата № 6. Ради бога, не подумайте, что я Вам говорю комплименты. Думать так, это бы значило совсем, совсем не знать меня. Я скорее повинен в излишней откровенности, чем в комплиментах. А я говорю Вам так прямо, потому что считаю Вас писателем крупным и что талантом Вашим очень интересуюсь. Вы мне напоминаете другого писателя, не русского, наиболее любимого мною из всех нынешних французов, Гюи де Мопассана. Это не значит, что Ваш талант не оригинален, — совсем не значит, но у Вас столь же глубокий и затаенно-грустный взгляд на жизнь, такой же пессимизм в основе. — О последнем хотелось бы поговорить подробнее. Это было глубокое несчастье Мопассана, — как вообще несчастье искренний пессимизм. Но, чтобы пессимизм совпадал с истиною, — не верю. В нем нет столько пошлости, столько лакированного самодовольства, сколько в так называемом оптимизме, вот в чем его притягательность для людей сильных и умных, но за всем тем «во имя» пессимизма жить нельзя.

Устал. Чувствую, что вписалось совсем не так, но пусть. После до чего-нибудь договоримся. Всегда буду душевно рад переписываться с Вами. Едете в Чикаго? Если заберетесь в наши края, не забудьте ст. Углянку, это не доезжая Воронежа один час, а от Углянки до Емпелев 12 верст. Мы здесь во всяком случае до поздней осени. Гардениных вышлю как только можно будет послать в Воронеж. Крепко жму Вашу руку.

А. Эртель.

3

2 апреля 1902 г.
Ст. Веселое Сызр.-Вязем. ж. д.

Вот тебе и договор твой с Марксом, дорогой мой Антон Павлович! Из прилагаемого конверта увидишь, что он преспокойно лежал на ст. «Веселой» Таврической губернии, а почему ушел туда, и почему так долго лежал там, спроси у почтового ведомства, пути которого очевидно столь неисповедимы, как и вообще всех «ведомств» на Руси... Получил я эту штуку вчера и тотчас же послал тебе депешу, хотя и боюсь, что ты принял ее за «апрельскую» шутку. Да оно и похоже.

Конечно, я знаю, что ты женат, а если своевременно не принес поздравлений, то у меня уже правило: ни с женитьбой, ни с крестинами, ни с юбилеями не поздравлять, — не потому, чтобы я иногда не радовался таким событиям, а просто думаешь себе: и без меня найдется много поздравителей, а зачем вмешиваться в толпу. Тут вдобавок я совершенно не знаю твоей жены, — видел ее лишь на сцене, да на мгновение, выходя из уборной Станиславского, когда нас познакомили... Материала для поздравления серьезного, как видишь, мало.

Да и не везет мне с «поздравлениями». Разлетелся было приветствовать Горького со вступлением в академию, чему был искренно рад, — не столько за него лично, ибо зачем ему академия, — сколько за его «дух», неожиданно вторгнувшийся даже в официальные салоны, и не «силком», а по приглашению. Но по всей вероятности еще и письмо мое не дошло, как его не замедлили «изблевать»... Кстати, увидишь Горького, спроси, получил ли он мою записочку; я не имею сведений, дошла ли она до него.

Будь я на вашем месте, гг. академики [3], я бы не замедлил расплеваться с академией после этого пассажа, — конечно, наивозможно шумнее, дабы подчеркнуть это новое проявление «ослиномании» в наших, решительно спятивших, сферах.

Как видишь, за границу я до сих пор не выбрался. То возился с Крест[ьянским] Банком, которому продал часть чертковских имений в Воронежской губернии; то нельзя было отъехать, не дождавшись, пока местные мужички не купят эту землю у банка, дабы во-время прийти к ним на помощь с деньгами для задатков; то, — забралась сибирка на конный завод, и нельзя было отъехать пока не кончился процесс прививки сибиреязвенной вакцины. А тем временем подоспел яровой по-

сев... Еду на первых днях Пасхи, но теперь буду уж летать как угорелый, а не «путешествовать», ибо к началу мая обязательно должен возвратиться.

Вчера прочитал я воспоминания Михайловского о незабвенном и несчастном «Глебушке»[4], и такая взяла меня тоска... Я ведь знал его близко; одно время — до интимности; и вот, когда такие «исторические» фигуры уходят куда-то, с их умом, талантом, сердцем, — невыразимо плоска и зла, и пустынна представляется жизнь. А этот ушел еще заживо, — что еще загадочнее и печальнее.

Не знаешь ли чего-нибудь о Толстом? За последнее время он точно в воду канул, — по крайней мере со страниц наших несчастных газет, обреченных печатать именно то, что никому не нужно, и молчать о важном и необходимом.

Зато питаемся удивительными слухами и легендами...

Ну, будь здоров и бодр — и счастлив, если можешь. А я, брат, зарабатываю пропасть денег, предлагают еще больше, если захочу, — но в итоге и денег нет, и, ой-ой, какая непомерная тощища. Особенно вот весною, «когда и счастливых тянет в даль» не в ту географическую даль, о которой говорил Тургенев, а в ту, где что-то не сделано, что-то постыдно и трусливо пропущено, что-то брошено едва в начатом виде... И чувствуешь — поздно поправлять, жизнь ушла, вместо рублей на руках осталась мелочь, душа изъедена точно молью.

Довольно, впрочем, об этой материи. Искренно твой, и, пожалуйста, хоть ты-то не копти небеса, а делай именно то, что нужно тебе делать... *А. Эртель.*

Если нападет когда-нибудь на тебя «щедрый стих», писни-ка в контору Маркса, чтобы выслала мне все твои книжки нового издания, не на Веселое, конечно, а в г. Моршанск, Тамб[овской] губ. Старые ты мне дал, но в них далеко не все. А как тебе понравилась твоя «аморальность»[5] в Рус[ском] Богатстве[6]? Ах, олухи царя небесного! —

Эртель Александр Иванович (1855—1908), писатель-беллетрист, автор «Записок степняка», «Гарденины и их дворня, приверженцы и враги», «Смена» и др., в середине 80-х годов за участие в революционном движении был арестован и выслан из Петербурга; впоследствии управлял крупными имениями; с Чеховым был в дружественных отношениях; опубликовано 7 писем Чехова к Э. (6 в шеститомном собрании писем и 1 — в кн. «Чехов. Несобранные письма», 1927). Два интересных письма Э. к Чехову от 7 марта и 10 апреля 1897 г. были напечатаны в собрании писем Э., изданном под редакцией М. О. Гершензона, М. 1909.

1 Чехов писал Э. (в феврале-марте 1893): «...вы воронежский уроженец? Моя фамилия тоже ведет свое начало из Воронежских недр, из Острогожского уезда. Мой дед и отец были крепостными у Черткова, отца того самого Черткова, который издает книжки».

2 Рассказ «Почта» (в сб. «Хмурые люди»).

3 8 января 1900 г. А. П. Чехов избран был почетным академиком (по новому Пушкинскому разряду изящной словесности). Меньшикову он писал (28 января 1900 г.): «...званию академика я рад... но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения...» «Недоразумение» действительно произошло через $2^1/_2$ года, после того как по приказу царя Николая II отменены были выборы в почетные академики М. Горького; в знак протеста Чехов и Короленко отказались от звания почетных академиков.

4 Успенский Глеб Иванович (1843—1902).

5 А. И. Эртель имеет в виду неумную и чрезвычайно бестактную статью В. Г. Подарского (псевдоним Н. С. Русанова) в «Русском богатстве» I, 1902, — «Процесс оскудения литературы и причины его»; в статье этой автор, повторяя старый вздор, опять говорит о «художественном безразличии» и «глубокой аморальности» Чехова.

6 «Русское богатство» — ежемесячный журнал; в начале 90-х гг. перешел в руки народников и стал их главным органом в борьбе против марксизма; в 1892—1895 гг. редактор С. Н. Кривенко, с 1895 по 1904 г. во главе стоял Н. К. Михайловский (основные сотрудники: В. Г. Короленко, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, А. Г. Горнфельд, С. Я. Елпатьевский); позднее журнал менял названия («Современные записки», «Русские записки» и др.); прекратился в 1918 г.

А. И. ЯКУБОВИЧ (МЕЛЬШИН)

1

2 декабря 1896 г.
г. Курган

Многоуважаемый
Антон Павлович!

Ваша книга и сердечная надпись на ней были для меня полной неожиданностью. Говорить ли о том, как мне лестно и отрадно это внимание со стороны писателя, произведения которого всегда возбуждали во мне самый глубокий интерес.

Позвольте же и мне предложить Вам, в обмен, свою книжку. Простите только, что она уже была разрезана; но зато в этом экземпляре есть строки, которых нет в поступивших в продажу экземплярах: одно место относится к 228—229, другое к 289—291 стран[ицам].

Искренно уважающий Вас

П. Якубович.

2

29 мая 1900 г.

Глубокоуважаемый
Антон Павлович!

15-го ноября текущего года кружком писателей в Петербурге предположено чествовать сорокалетие писательской деятельности Ник[олая] Конст[антиновича] Михайловского[1] изданием литературного сборника (беллетристического, публиц[истического] и научн[ого] содержания)[2], выручка от которого пойдет в литерат[урный] фонд на основание особого капитала имени Михайловского. Нам обещаны пока статьи В. Г. Короленко, С. Н. Южакова[3], В. И. Семевского[4], Кареева[5] и некот[орых] др[угих] лиц, но желательно, конечно, привлечение возможно широкого круга писателей, и прежде всего — Вашего имени, которое является украшением современной русской литературы. Я лично вполне уверен, что, несмотря на всю независимость своего литературного пути, Вы, тем не менее, с полным уважением относитесь к деятельности Михайловского, а потому и не откажетесь, быть может, в его лице почтить свободную русскую мысль внесением своей лепты в предположенный сборник*.

Адрес для рукописей: СПб, Пантелеймоновская ул., 27, Н. Ф. Анненскому[6].

Крайний срок для представления рукописей 1—15 октября, но я очень просил бы Вас, многоуважаемый Антон Павлович, теперь же ответить мне утвердительно или отрицательно, имеете ли Вы в виду что-нибудь дать для сборника[7].

Мой адрес: С. Петербург, станция Удельная, Удельный пр., 36, Петру Филипповичу Якубовичу.

Готовый к услугам Вашим

П. Якубович (Мельшин).

P. S. Посылаю в Ялту же пригласительное письмо Горькому, но в Ялте ли он? Надеюсь, впрочем, что заказное письмо во всяком случае будет ему переслано.

3

22 июня 1900 г.
С.-Петербург, станция Удельная.

Многоуважаемый
Антон Павлович!

Вполне — и давно уже — разделяю Ваш скептицизм относительно благотворительных сборников и альманахов. Они и потому уж одному не выдерживают критики, что, задаваясь благотворительной целью, налагают в то же время непосильное бремя на писателя, в большинстве случаев нуждающегося: простой обыватель платит за сборник 3 р., а писатель должен отдавать почему-то 50, 100 и больше рублей... Уже эту одну несправедливость давно бы пора понять г.г. издателям сборников и вывести их из моды. — Но на предполагаемый сборник в честь Н. К. Михайловского мы глядим иными глазами: сорокалетие писательской работы, этой борьбы без роздыха и без примирения, борьбы за однажды — еще в ранней юно-

* В отделе публицистики предполагается ряд статей об эпохе 70-х годов, о Михайловском, Успенском и др[угих] писателях того времени.

сти — намеченный идеал, — как хотите, Антон Павлович, это зрелище редкое и трогательное, это в своем роде праздник русской литературы, к которому даже и враги, — честные враги, — должны отнестись почтительно. Поэтому и задуманный сборник есть не своего рода стрижка овец-литераторов, а для них самих дорогое и приятное дело. Я думаю, каждому из нас, с одной стороны, хотелось бы, конечно, дать в такой сборник хорошую вещь, но с другой — тяжело было бы и совсем ничего не дать, остаться в стороне...

Вы лично, глубокоуважаемый Антон Павлович, стояли всегда поодаль от боевой, полемической струи в нашей литературе, равно далеко от правого и левого ее лагеря, — шли самостоятельной дорогой большого художника; но я, тем не менее, всегда чувствовал и верил, что самая дорогая святыня для Вас — это родная литература и тот бог, которому она всегда неизменно служила, — правда. Вот почему мне и думалось (и я так рад, так счастлив, что не ошибся!), что Вы должны уважать Михайловского. Часто он ошибался, погрешал (да кто же не погрешал?), увлекался, но кто же за последние 30 лет (после смерти Писарева) с такой страстью, умом и талантом служил этому богу русской литературы — правде? Кто, как не он, шел во главе стольких поколений?

И я не знаю, как вообще возможно приравнивать подобный сборник к тем, которые создаются по большей части в удовлетворение литературного и издательского зуда самих инициаторов, — ни для чего больше. Для нас совсем даже не важно, будет ли сборник иметь, так сказать, базарный успех — лишь бы он вышел удовлетворительным в идейном отношении.

Вы совершенно правы, что недостаточно чествовать Н. К. М. сборником; но чествования, по всей вероятности, и не ограничатся этим. Однако, в ряду разных чествований сборник мне кажется, должен занять видное место: ведь литераторам наиболее всего и пристало чествовать собрата-литератора тем, что дано им самой судьбою, — своим пером, своими талантами!

Конечно, дело затеяно довольно-таки поздно, срок недостаточен, и сборник от этого сильно пострадает, но что же делать! Во всяком случае идея принята публикой так горячо и сочувственно, что вливать яд сомнения и скептицизма, право, уж было бы жалко... Я перечислю Вам некоторые обещанные статьи, из заглавий которых Вы можете видеть отчасти и характер будущей книги: 1) Н. Кудрина [8] — «Общее значение Михайловского в русской литературе»; 2) Южакова—«Михайлов[ский] и Успенский»; 3) Венгерова [9] — «Мих[айловский], как литерат[урный] критик», 4) Пешехонова [10] — «Живые цифры» Гл. Успенского; 5) Горнфельда [11] — Эстетич[еские] взгляды Успенского; 6) Мякотина [12] — о Радищеве; 7) Кареева — об историч[еских] взглядах Лаврова; 8) В. И. Семевского — о деле петрашевцев, и т. д. В отделе беллетристики: рассказы — Короленко (уже имеется очень поэтическая вещь), Дмитриевой [13], Елпатьевского [14], Баранцевича, Мельшина; полу-обещал Златовратский [15]. — С Маминым-Сибиряком [16], к сожалению, никак не могли еще снестись, но он, конечно, д о л ж е н быть. Горький [17], к кот[орому] я писал тогда же, когда и к Вам, почему-то до сих пор не отвечает. Здоров ли он? В Ялте ли? — Лев Толстой, к великому сожалению, отказался под предлогом, что уже раньше отказал очень многим сборникам...

Я думаю, Антон Павлович, что в таком сборнике Вы непременно должны участвовать. Хоть самый маленький рассказик дайте, — важно, чтобы Ч е х о в не отсутствовал в нашей компании! Я гляжу на это дело, как на Ваше столько же, как и наше, и потому теряю всякую совестливость, всякую деликатность и вопию: голубчик Антон Павлович, постарайтесь! Поборите свою летнюю неохоту работать и напишите, напишите что-нибудь!

Засим простите и позвольте крепко пожать Вашу руку.

П. Якубович.

Якубович Петр Филиппович (1860—1911), писатель, деятельный сотрудник «Русского богатства», автор книги «В мире отверженных» (псевд. Л. Мельшин), ряда критических статей (псевд. П. Ф. Гриневич), нескольких книг стихотворений, оригинальных и переводных (псевд. М. Рамшев и П. Я.); вскоре по окончании университета был арестован; по «процессу 21» был приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторжных работ; в 1896 г. Чехов послал ему в г. Курган, где Я. жил после каторги на поселении, свою книгу «Остров Сахалин» и вскоре получил от него 1-й том «В мире отверженных» с надписью: «Уважаемому писателю Антону Павловичу Чехову, в знак искренней признательности за сердечный и ободряющий привет от автора», а в конце 1898 г. — 2-й том той же книги. Свое мнение об Я., как писателе, Чехов высказал в одном из писем к писательнице Л. А. Авиловой: «... Говоря о новых писателях, Вы в одну кучу свалили и Мельшина. Это не так. Мельшин стоит особняком, это — большой, неоцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал...» (9 марта 1899 г.)

[1] Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — социолог, публицист и литературный критик; в руководимом им с 1895 г. «Русском богатсве» вел полемику с марксизмом; о Чехове писал много, судил о нем предвзято и недооценивал его.

[2] Сборник, посвященный Н. К. Михайловскому, вышел в 1900 г. («На славном посту», 1860—1900); второе изд. — 1906 г. Чехов не дал рассказа в сборник.

[3] Южаков Сергей Николаевич (1849—1910), публицист-народник; после возвращения из сибирской ссылки сотрудник журналов «Отечественные записки», «Северный вестник», «Русское богатство».

[4] Семевский Василий Иванович (1848—1916), историк, специалист по истории крестьянства и революционного движения в России.

[5] Кареев Николай Иванович (1850—1931), профессор-историк и социолог.

[6] Анненский Николай Федорович (1843—1912), статистик, публицист народнического направления; с 1895 г. член редакции «Русского богатства»; подвергался много раз административным ссылкам.

[7] Ответное письмо Чехова (на письмо Я. от 29 мая 1900 г.) напечатано было в журнале «Русское богатство», 1, 1910 (ни в одном из сборников писем не перепечатывалось; мне сообщил о нем А. Б. Дерман); приводим его полностью.

14-го июня 1900
Ялта.

Многоуважаемый Петр Филиппович.

Я глубоко уважаю Н. К. Михайловского с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему, но тем не менее все таки долго собирался отвечать Вам, на ваше письмо. Во-первых, до 1—15 октября — крайнего, как Вы пишете, срока для представления рукописей, я едва ли буду писать что-нибудь новое, так как занят и летом вообще пишу с большим трудом. Во-вторых, за 1900 г. я получаю приглашение участвовать в сборнике — в шестой раз, т. е. предполагается к изданию шесть сборников... Мне кажется, что Н. К. слишком большой и слишком заметный человек, чтобы празднование его 40-летнего юбилея можно было ограничивать изданием сборника, книги, которая вся будет состоять из статей, быть может и превосходных, но случайного характера, и которая не будет продана, так как сборники за весьма малыми исключениями вообще продаются плохо и плохо. Если бы я был в Петербурге, то попытался бы внушить Вам то недоверие к сборникам и альманахам, какое сидит теперь во мне, после участия в очень многих сборниках, чуть-ли не в 20, счетом по одному на каждый год моей литературной деятельности. Не знаю, быть может, я устарел или устал, но все же сборник, даже если он будет составлен прекрасно и распродан быстро, я считаю недостаточным. Если бы от меня зависело, то я объявил бы конкурс на книгу о деятельности Н. К., очень хорошую и нужную книгу, которую издал бы не спеша, с толком, издал бы указатель статей его и о нем, выпустил бы прекрасный портрет его...

Как бы ни было, указанный Вами срок я буду иметь в виду и если начну что, то немедленно сообщу Вам. А пока позвольте пожелать

Вам всего хорошего и пребыть искренно и глубоко Вас уважающим

А. Чехов.

[8] Кудрин — псевдоним писателя-народника Н. С. Русанова (род. 1859); после Октября в эмиграции.

[9] Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), историк литературы, библиограф.

[10] Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933), народник-публицист, статистик, сотрудник «Русского богатства», один из основателей народно-социалистической партии; в 1917 г. — министр продовольствия во временном правительстве; с 1922 по 1931 г. был в эмиграции.

[11] Горнфельд Аркадий Георгиевич (род. 1867), критик и литературовед; был членом редакции «Русского богатства».

[12] Мякотин Венедикт Александрович (род. 1867), историк и публицист; один из руководителей партии народных социалистов; после Октября в эмиграции.

[13] Дмитриева Валентина Иововна (род. 1859), дочь крепостного, врач, плодовитая беллетристка (повести из народной жизни, романы), автор мемуаров «Так было» (1930), рисующих быт предреволюционной провинции, петербургской среды и радикально настроенной интеллигенции; в мемуарах этих несколько высказываний о Чехове, наивных и характерных для прямолинейной народницы (она была способна, например, рвать отношения с поклонниками таланта Чехова, с теми, кто отдавал предпочтение Чехову перед Короленко и т. д.).

[14] Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933), врач и беллетрист, автор путевых очерков, воспоминаний (в том числе о Чехове, которого хорошо знал по Ялте), публицист, сотрудник народнического «Русского богатства»; в 80-х гг. был в ссылке в Восточной Сибири по политическому делу.

[15] Златовратский Николай Николаевич (1845—1911), писатель-народник, идеализировавший «устои» крестьянской жизни — общинный строй; с 1909 г. — почетный академик.

[16] Мамин (Сибиряк) Дмитрий Наркисович (1852—1912), беллетрист (уральские очерки и рассказы, романы, детские сборники); рисовал, главным образом, картины Урала в эпоху образования там торгового и промышленного капитала.

[17] М. Горький писал Чехову (в июле 1900): «... Сейчас написал [Якубовичу] отказ, в категорической форме, сославшись на недостаток времени, хотя следовало прямо сказать, что в предприятиях партийного [народнического] характера участвовать не склонен. Но жаль обижать их, ибо на такую формулировку они всенепременно обидятся...» (М. Горький и А. П. Чехов. Переписка. Изд. Академии наук СССР. 1937). Письмо Я. к М. Горькому от 28 апр. 1900 г. хранится в Институте мировой литературы Академии наук СССР («Архив М. Горького»); в нем следующие строки о Чехове:

«В Ялте ли живет А. П. Чехов? Вы кажется довольно близки с ним? Это, пожалуй, самая любопытная фигура во всей современной литературе русской. Я не об одном таланте его говорю (который как то дивно расширился и углубился в два последних года и стал мне ужасно близок и дорог), но и об его человеческом облике. Как о человеке, о Чехове я давно ничего не знаю, но тем больше он интересует меня. Такой глубокий талант должен принадлежать и душе глубокой и сердцу недюжинному».

ПРИВЕТСТВИЯ А. П. ЧЕХОВУ И КРУЖКУ ЕГО ИМЕНИ.

МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК — А. П. ЧЕХОВУ.

17 января 1904 г.

В хмурую пору русской жизни прозвучало впервые Ваше слово, дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович. Потерялось самое дорогое — бодрость. Сумеречные тени легли на все — на жизнь, на мысль, на чувство. Вам суждено было стать изобразителем этой унылой полосы растерянности и сомнений. И Вы согрели ее — теплом своего творчества, нежностью своей скорби, чуткостью своего сострадания. Вам суждено было выплакать ее сдавленные слезы. И на русской душе, подернутой тоскою, точно паутиною, стало светлее и легче. Потому что из выплаканных слез родится новая вера, в них обновляется бодрость. Вы, как прежде Пушкин, Гоголь,

Тургенев, ответили жизни только правдою, не желающею ни учить, ни утешать. И опять эта правда, не одетая ни в какие праздничные одежды, озаренная лишь глубокою любовью к человеку, хотя бы и герою «скучных историй», обвеянная таинственным дыханием таланта, оказалась лучшим учителем и самым действительным утешением. Она сделала Вас дорогим России, она завоевала Вам бессмертие не только в истории русской литературы, но и в истории русской жизни, куда перейдет имя Чехова в лучах неугасающей славы и неослабевающей признательности.

Московский Литературно-Художественный Кружок, гордый тем, что считает Вас среди своих членов, счастлив представившеюся сегодня возможностью отвесить низкий поклон Вам, достойнейшему продолжателю Тургеневских заветов.

Председатель Дирекции Литературно-Художественного Кружка

А. Сумбатов.

Директора Л.-Х. Кружка: Н. Музиль. С. Иванцов. А. Желябужский, А. Федотов А. Кондратьев. Н. Баженов. К. Рыбаков. И. Греков.

Члены Л.-Х. Кружка: Гликерия Федотова. Н. Никулина. О. Садовская. О. Правдин. А. Ленский. Е. Лешковская, М. Садовский. В. А. Кожевников. Lolo (Л. Мунштейн). Ф. Шехтель.

МОСКОВСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТР — ЧЕХОВУ.

17 января 1904 г.

Высокоуважаемый Антон Павлович.

Примите сердечный привет артистов Малого театра. Счастье приветствовать любимого, родного писателя, создавшего новую, чудную страницу великой книги русской литературы — не выпало на долю старых стен Малого театра, но искренность и сила нашего привета не становится от этого ни меньше, ни слабее.

Наш молодой товарищ, Художественный театр, тесно связал свою судьбу с Вашим творчеством, и с полным правом ревниво оберегает эту связь. Мы вполне признаем его заслугу перед русским обществом: он не только с большою любовью и старанием воспроизводит Ваши пьесы, но и в Вас самих вызвал живой интерес к сцене и побудил обогатить родной театр Вашим глубоким и созерцательным творчеством.

Пусть же Ваши произведения разольются широкой волной по всем русским театрам.

Гликерия Федотова. М. Ермолова. А. Кондратьев. О. Садовская. Е. Лешковская. Н. Никулина. А. Южин. Е. Садовская. Н. Яковлев. О. Правдин. С. Айдаров. В. Рыжова. И. Платон. Ив. Рыжов. А. Грибунин. Н. Падарин. Н. Музиль. С. Головин Пр. Садовский. Мих. Ленин. А. Яблочкина. А. Остужев. М. Садовский, Д. Гарин-Виндинг.

ТАГАНРОГЦЫ — КРУЖКУ ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА.

Нужно ли говорить о том, что у нас, уроженцев Таганрога, к чувству любви и преклонения перед дорогим Антоном Павловичем присоединяется еще и другое чувство — чувство гордости за столь славного земляка.

Еще на школьных скамьях детьми, слыша от старших о том, кто сидел вместе с ними, во времена их молодости, на этих самых скамьях, привыкли мы гордиться «нашим Чеховым».

Когда солнечные дни детства миновали, и нашу молодость овеяли те «сумерки», которыми так болела душа Антона Павловича, мы поняли, за что любит и ценит его вся Россия.

В русской литературе «сумерки» отразил в своем творчестве не один Чехов, но ему привелось стать певцом их в пору их наибольшей сгущенности. Поэтому его произведения более других будили и будят в нас чувства тоски и скорби, заставляя мучительно искать выхода из этих последних. Эти чувства, как самые глубокие, никогда не забудутся нами, а вместе с ними никогда не умрет у нас память об Антоне Павловиче.

Приветствуя в день 50-летия со дня рождения Антона Павловича Чехова молодой кружок его имени, мы, таганрогцы, горячо желаем ему всяческого преуспеяния в достижении намеченных им целей.

Земляки Чехова

Москва
17 января 1910 года.

СИБИРСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО — КРУЖКУ ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА.

С горячей любовью к Антону Павловичу Чехову и с сердечным благоговением к бессмертной памяти о нем — присоединяет Сибирское землячество учащихся в Москве свой голос к трогательно-единодушному хору приветствий, раздающихся в этом торжественном заседании в память 50-ой годовщины со дня рождения великого писателя.

Говорить о Чехове — это значит затрагивать самые интимнейшие и благороднейшие струны человеческого сердца; это значит — говорить о самом любимом, близком и заветном, ибо Чехов — один из тех, кто сроднился со всеми нами так, что стал нам бесконечно дорог, и что мы не можем говорить о нем без тихой грусти, без светлого умиления.

Но здесь было сказано уже немало о покойном писателе.

Нам, учащимся в Москве сибирякам, хотелось бы прибавить лишь то, что и наша огромная, холодная Сибирь отражена Чеховым в нескольких рассказах, в описании путешествия на Сахалин, в интересной серии его «Писем из Сибири».

Нам, сибирякам, радостно сознавать, что обаяние чеховского гения покоится и на нашей далекой окраине...

И еще более нам радостно сказать здесь сегодня, что и в Сибири до самых глухих городков ее; имя Чехова произносится с такой же любовью, как и в родной ему Москве, что и в Сибири чтут память о нем, как святыню...

Да будет же вечно священной эта память о великом писателе и благороднейшем человеке! Да связывает она невидимыми, но крепкими нитями человеческие сердца и да направляет она их к жизни светлой, чистой и полной высокого смысла.

В эту знаменательную годовщину со дня рождения славного писателя Сибирское землячество пользуется также случаем приветствовать «Литературно-художественный кружок имени А. П. Чехова» и высказывает кружку свои горячие пожелания процветания и плодотворной работы, направленной на увековечение памяти писателя, столь талантливо изобразившего в своих сочинениях всю пошлость и низменность русской «обывательской жизни».

Члены делегации (следуют подписи)

Печать Сибирского землячества.

Публикуемые выше приветствия и адреса от Московского Литературно-художественного кружка и Московского Малого театра относятся лично к Антону Павловичу Чехову по случаю постановки МХАТ'ом его пьесы «Вишневый сад», первое представление которой 17 января 1904 г. превратилось в грандиозное чествование А. П. Чехова.

Что касается приветствий от сибирского студенчества и земляков-таганрогцев, то они адресованы студенчеством Литературному кружку имени А. П. Чехова по случаю торжественного заседания в память 50-й годовщины со дня рождения великого писателя в 1910 году.

Московский Литературно-художественный кружок существовал с 1898 по 1919 год. Мысль о необходимости такого кружка возникла еще в январе 1896 г. Предварительные собрания учредителей состоялись в зале ресторана «Эрмитаж»: первое — под председательством И. В. Шпажинского 15 марта 1896 г., второе — 25 марта 1897 г. — под председательством М. П. Садовского; там же установлена окончательная редакция устава, избрано 10 учредителей: М. Н. Ермолова, Н. А. Никулина, А. И. Сумбатов-Южин, М. П. Садовский, К. С. Алексеев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Е. А. Лавровская, М. Н. Климентова, М. С. Мостовский, В. К. Вульферт. Первое общее собрание Литературно-художественного кружка происходило 18 апреля 1898 г. «Лучшее в лучшем исполнении» — таков был девиз кружка;

внешнее художественное оформление помещения кружка принадлежало художнику Ф. О. Шехтелю. Участниками кружка были лучшие литературно-художественные силы, какими располагала Москва.

Для достижения культурно-художественного воздействия на московскую публику кружком устраивались публичные чтения по всем видам искусства, а также исполнительные собрания с целью пропаганды русских композиторов, при непосредственном их исполнении, ознакомления с иностранной музыкой исторической, новой и новейшей, чтения и исполнения одноактных пьес членами кружка.

Художественные сокровища кружка заключались в картинах и бюстах известных мастеров: И. Е. Репина, Н. А. Андреева, С. Д. Меркурова, Л. О. Пастернака и др. Рукописные и книжные сокровища состояли из автографов великих людей, дорогих как воспоминание о них, и «золотой книги», куда вносили свои записи выдающиеся лица—посетители кружка.

Среди автографов находились письма общественных, литературных и театральных деятелей; тут же письма и А. П. Чехова к Н. Н. Оболонскому 1889 г. и факсимиле рецепта, прописанного Чеховым В. И. Немировичу-Данченко в 1902 г. (см. «Известия Литерат.-худож. кружка» вып. 6 за 1914 г.).

На общем собрании членов кружка 24 апреля 1904 г. А. П. Чехов был избран почетн. членом кружка вместе с В. Г. Короленко, М. Н. Ермоловой, И. Е. Репиным.

В ознаменование памяти дорогого писателя и почетного члена кружка А. П. Чехова был организован комитет имени А. П. Чехова, поставивший себе целью выдавать ссуды и пособия нуждающимся писателям, артистам и художникам.

Студенческий Литературный кружок имени А. П. Чехова был создан при Московском университете Владимиром Александровичем Брендером, по смерти писателя. Заседания и доклады, посвященные А. П. Чехову, составляли содержание работы кружка. В издании Литературного кружка имени А. П. Чехова был выпущен очерк проф. С. Н. Булгакова «Чехов как мыслитель». М. 1910 г. Помимо того, В. А. Брендером издано «Собрание писем А. П. Чехова» в издании Чеховской библиотеки, М. 1910 г. и сборник «О Чехове. Воспоминания и статьи», М. 1910 г., а также напечатана статья «А. П. Чехов и земская деятельность» («Утро России» № 29, 1914).

СОВРЕМЕННИКИ О ЧЕХОВЕ.

А. И. КУПРИН об А. П. ЧЕХОВЕ.

Чеховский мужик оголодавший, одичавший, ослепленный тьмою и рабством, чеховский мещанин, развращенный жизнью городских окраин; чеховское милое, доброе, нелепое, вымирающее, слабосильное дворянство; чеховские чиновники, офицеры, интеллигенты, разъеденные ничегонеделанием, выпивкой, винтом, сплетней, самохвальством, пустой и бесстыжей ленью. И эти Вершинины, пускающие себе пулю в лоб на батареях, и его Астровы сходили с ума, подавленные ужасом кровавого, бессмысленного побоища, на которое они пошли с русской овечьей покорностью. Но пусть даже исчезнут, переведутся эти люди—детища мрачного тупого безвременья, — Чехов всегда будет дорог для нас, как великий, недосягаемый мастер слова, как удивительный художник прекрасного русского языка.

Вместе с замечательной простотой и скромностью фразы он сумел соединить ее изысканное разнообразие, непостижимую гибкость оборотов, изящную и благородную смелость формы, точность и новизну эпитетов, всю эту неувядаемую ароматную прелесть чеховской речи, которой долго еще будут удивляться и учиться писатели будущих времен.

Слова Чехова — это лучшие цветы, растущие на его могиле.

Да будут же они благословенны вместе с его незабвенной памятью.

А. К.

Публикуемый отзыв А. И. Куприна об А. П. Чехове извлечен из архивных материалов А. П. Чехова; печатается впервые.

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — писатель, «преданный Чехову всей душой», встречался с ним в Одессе, Москве и Ялте, вел переписку. Его письма к А. П.

Чехову, периода 1901—1904 гг., находятся среди архивных материалов Чехова в Отделе рукописей.

В этих письмах он высказывает свое отношение к Чехову и его творчеству, описывает впечатление от чеховских пьес в постановке Московского Художественного театра: «Основательно смотрел и слушал три Ваши пьесы «Чайку», «Дядю Ваню» и «Три сестры». Многим восхищался, но есть и неудовлетворенность» (преувеличенная суматоха в «Чайке» при отъезде Нины Аркадиной и Тригорина, затяжка пауз в «Дяде Ване»). Игра артистов понравилась: «Астров-Станиславский — прямо удивителен... О. Л. Книппер в «Чайке» превосходит все, что можно требовать и ожидать от артиста. Москвин из маленькой роли артиллерийского офицерика делает чудо: именно такой милый веселый, картавый подпоручик есть во всякой артиллерийской бригаде...» Высоко ценит пьесу «Вишневый сад», говоря, что «многое из нее входит уже в разговорную речь», и что он хочет написать о ней «с большой любовью и нежной осторожностью».

Сообщает Чехову и о своей попытке, по его совету, поступить в Художественный театр, но отказался, увидев «сколько туда нахлынуло к этому времени особ обоего пола, жаждущих того же самого, сконфузился и испугался своей смелости».

Просит указаний относительно своих рассказов в «Русском богатстве», «Мире божием», «Журнале для всех», чтобы «воспользоваться ими»; помнит советы Антона Павловича «не бояться ошибок, а писать только побольше» и знать, что «когда учатся ходить, то без шишек на лбу дело не обходится».

Посылает Чехову свои «Миниатюры» (очерки и рассказы), Киев 1897 г., «с чувством большой робости», как автор, и свои «Рассказы». Том первый Изд. т-ва «Знание», СПб. 1903 г. с надписью «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память от вечно и неизменно преданного ему А. Куприна 1903. 9 февр. СПб.» Книги, полученные от А. П. Чехова, заключает в отличные переплеты и дорожит ими, как «настоящими сокровищами».

Г. С. ПЕТРОВ об А. П. ЧЕХОВЕ.

18 января 1910 г.
Выборг.

Петр Алексеевич [1], дорогой, прочел сейчас Ваше «Детство Чехова» [2] и потянуло написать Вам.

Какая прелесть был Антон Павлович! Живой «Вишневый сад». Его стиль, сам он—все гармонично было. Какой красоты цветы растут на Руси. И как хорошо, нежно по чеховски Вы написали об одном из лучших цветков русского народа.

Хорошо все-таки жить! Сашки Половцевы, Николаи Романовы, Столыпины и Азефы, чорт с ними. Это — падаль. Свалочное место. Неизбежное отхожее место. Зажал нос и мимо.

А Чехов — куст больших чайных роз. Читаешь Чехова и осыпаешься с ног до головы этими розами. Спасибо Вам за букет чеховских роз. Сердечный привет.

Г. Петров.

Письмо Григория Спиридоновича Петрова адресовано к Петру Алексеевичу Сергеенко.

Петров Г. С. (род. 1867) — б. священник, публицист. За свое оппозиционное отношение к духовному начальству был лишен сана.

В Отделе рукописей в архиве газеты «Русское слово» хранится свыше 200 писем Петрова, которые рисуют его как одного из постоянных и активных сотрудников «Русского слова». В течение ряда лет (1901—1917) фактически руководил газетой. Писал под псевдонимами: Русский, Русский — Незнамов, Антон Средний, Брат-славянин, К. Фабининский, Друг, В. Курбский, Я. Усмович и др. Был почитателем А. П. Чехова, видел в нем «чудный и чуткий русский талант», подарил ему ряд своих книг с надписью «Дорогому Антону Павловичу с любовью от автора»; личное знакомство их состоялось в Ялте летом 1902 г. О Чехове писал в «Русском слове» за 1909 г., № 194; за 1910 г. № 19; в книге «Чеховский юбилейный сборник». М. 1910 г., а также в издательстве «Библиотечка копейка», кн.: «Певец тоски», СПб. 1911 и др.

[1] Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930) — товарищ Чехов по Таганрогской гимназии — беллетрист и публицист, в молодые годы — сотрудник юмористических журналов. Письма А. П. Чехова к нему напечатаны в «Письмах», тт. I—IV,

под редакцией М. П. Чеховой; два письма в «Несобранных письмах». М., 1927, а также в «Красном архиве», за 1929 г., кн. 6.

² Речь идет о статье «Памяти А. П. Чехова» (1904—1909) — «Пять лет минуло», напечатанной в газете «Русское слово» за 1909 г., № 150, где автор вспоминает встречи с Чеховым почти за 40 лет.

А. И. ЭРТЕЛЬ об А. П. ЧЕХОВЕ.

«...Собираюсь читать «публично»: Гольцев [1] проектирует маленькое чтение в зале В. А. Морозовой[2].

Предполагается сделать чтение большое в зале городской Думы и чтобы читать нам с Чеховым [3] вдвоем, для чего выписать Чехова из С. Петербурга. Если устроятся оба эти вечера, я, вероятно, буду участвовать и тут и там...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель [4] от 10 февраля 1893 г.

«...Вчера должен был приехать в Москву А. П. Чехов; мне очень хочется с ним познакомиться, на что и надеюсь, хотя и не знаю, где это удастся. Он держится, говорят, уединенно...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 1 марта 1893 г.

«...Сейчас 11 часов утра я жду к себе А. П. Чехова, с которым вчера познакомился у Лаврова [5], обедали вместе...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 4 марта 1893 г.

«...Чехов делает какое-то спутанное впечатление: замкнутый в себе человек и осторожный, но временами, и особенно когда улыбается, очень привлекательный. Несомненно очень умный...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 4 марта 1893 г.

«...Нет, нужно прилепляться к беллетристике, тем более, что теперь моя роль в современной литературе совершенно ясна. Она такова эта роль, что ее стоит поддерживать. В сущности наличные силы нашей художественной литературы — не считая стариков — выражаются только тремя именами: Чехов, Короленко [6] и моим. Ты знаешь, что самообольщение мне мало свойственно, и я, например, отлично знаю, что по силе непосредственного таланта я уступаю не только Чехову, но и Короленко. Однако эта сила таланта оказывается может быть увеличена силою общественного и философского сознания и в этом-то я никак не уступлю Короленко, и, весьма вероятно, что имею преимущество над Чеховым. С этими ресурсами, думаю, можно и следует работать. То, что я заметил в Москве из отношений ко мне людей различного умственного и нравственного калибра и разных положений именно сводится вот к этому ободряющему выводу. Меня читают несравненно меньше, чем Чехова и Короленко, но моя писательская репутация ни мало не уступает их репутациям по ее нравственной что ли содержательности. Одним словом, для меня теперь ясно, что я шел и иду путем верным, т. е. надо попрежнему брать в своих работах общественные темы и только мимоходом другие. Господи боже, сколько предстоит впереди труда и планов...»

Из письма А. И Эртеля к М. В. Эртель от 4 марта 1893 г.

«...Чехов воротился и живет у себя в деревне...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 24 апреля 1894 г.

«...Кружусь я здесь так беспутно главным образом благодаря тому, что здесь Чехов и Мамин[7]. Первый живет в одной со мной гостинице, и я с ним сошелся за это вре-

мя гораздо ближе, чем прежде. Кроме того, вижусь и обедаю с очень многими — опять-таки почти всегда с соучастием Чехова и Мамина и часто В. А. Гольцева, Тихомирова[8], Сытина[9]. Вчера, например, после ужина и балыка у Востряковых[10] пришлось ехать в Эрмитаж[11] снова ужинать с Соболевским[12], Гольцевым, Маминым и Чеховым, и это до 4 часов утра. А третьего дня с Сытиным, Тихомировым, Соловьевым-Несмеловым[13], Маминым и Чеховым — до 5 часов. Днем же — само собою: то в редакции «Русской мысли»[14], то вдвоем с Чеховым, то на огромном обеде 19 февраля и т. д. Сейчас вот два часа; в 2$^{3}/_{4}$ мне нужно быть на Брестском вокзале — проводы Лаврова за границу, потом разыскивать Машеньку, потом ехать с Гольцевым к Остроумовым[15] обедать и к К. Т. Солдатенкову[16], а вечером к Софье Валентиновне, где будут Грот[17], Мамин, Южины[18], и еще не знаю кто.

Наши обеды и ужины совершаются без дам...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 22 февраля 1897 г.

«...Вчера виделся с Чеховым, который на несколько часов приезжал в Москву. Он теперь уже поправился, но все-таки сильно изменился с зимы. Расспросив меня о моей болезни, он воскликнул: — «Ступай домой», и еще расспросил о некоторых подробностях и опять сказал: «Ступай домой». «Месяца через два само пройдет». — А затем опять начал разговор о моей болезни и спросил, отдавал ли я анализировать мочу, и посоветовал отдать в лабораторию Феррейна, чтобы не затруднять Остроумова, а прямо предъявить ему готовый анализ...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 29 мая 1897 г.

«...В редакциях «Русской Мысли» и «Русские Ведомости»[19] на меня навеяло таким мраком, что мое кажущееся мне огромным несчастьем положение в общественном смысле, и личной неудачей, представляется по нынешним временам чуть ли не счастливым... по крайней мере то, что рассказывается о цензуре, об общественном положении дел в нашем отечестве, о настроениях и обстоятельствах самых выдающихся писателей вроде Чехова и Короленко говорит за то, что я, управляя Хлудовским имением, чуть ли не избрал благую часть... Ну, и пусть...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 10 июля 1898 г.

«...Сегодня я был у А. П. Чехова. Он поселился здесь с Страстной, а через два дня уезжает в свою Лопасню[20]. На вид он мало изменился, только пожелтел, да складки на коже лица. Встретились мы очень дружески. Сговорились как-нибудь вместе побыть у В. А. Морозовой, но не знаю, удастся ли мне вырваться от Хлудовских дел и интересов и «сепаратных» разговоров с различными членами этой семьи...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 29 апреля 1899 г.

«...Вчера возвратившись с обеда от Бориса, я застал приглашение от В. А. Морозовой сегодня обедать у нее. Будет и Чехов...»

Из письма А. И. Эртеля к М. В. Эртель от 29 апреля 1899 г.

«...Кажется, Потапенко[21], подобно Мачтету[22], суждено быть эфемеридом, молодым человеком сезона, и годочка через два придется и по его адресу воскликнуть: где ты человек? Желал бы я ошибиться и порадоваться своей ошибке, да вряд ли.

Я помню ведь и прежние рассказы Потапенко: в них элементов крупного, самостоятельного таланта, по-моему, ничуть не видно. Впрочем оговорюсь.

Потапенко посильнее Мачтета, хотя ему как до звезды небесной да-

леко до Чехова и Короленко — и даже до Альбова [23]. А первые два — подлинные звезды, хотя им и предстоит еще работа, дабы засветить во всю меру. Альбов же — трудно судить о нем; боюсь, что он спел свою песню. Но если и спел, так, исключая подражаний Достоевскому, — спел своим голосом и на свой лад.

Однако, что же это я впал в критику... И, пожалуйста, все, что написал здесь, — entre nous.

Писатели — это ведь своего рода чирьи: ходи около них с великой осторожностью...»

Из письма А. И. Эртеля к В. В. Огаркову от 20 февраля 1891 г.

«...Вот еще что заметь: нет почти того сезона, чтобы у публики, по преимуществу молодой, не объявился свой jeune premier. И обыкновенно так: в С.-Петербурге — свой, в Москве — свой. Иные из них удержали свою позицию, потому что вступили на нее по праву; иные промелькнули эфемеридами... Из первых назову Гаршина [24], Короленко, Чехова; из вторых — впрочем не надо... Пусть Потапенко повострее натачивает свой топор и поглубже проникает в жизнь, чтобы не сопричислиться ко вторым.

Пожалуйста, голубчик, между нами то, что я пишу о литераторах...»

Из письма А. И. Эртеля к В. В. Огаркову от 4 мая 1891 г.

«...Вещь Дмитрия Наркисовича («Хлеб») [25] интересно начата, и пока интерес этот не ослабевает. Правда ничего тут нет нового, и совсем это не роман, но краски свежи, а бытовые подробности очень любопытны.

Во всяком случае бесконечно выше той тяжелой чепухи, которую сочинил Чехов («Три года») [26], хотя в частностях, в черточках, в нюансах этой чепухи и сквозит большой талант, чего, разумеется, незаметно в «Хлебе».

Грустная вещь — эта чеховская повесть: что-то больное, надорванное, мучительное чувствуется в ней или, лучше сказать, в душе автора какая-то бессильная, мрачная усталость...»

Из письма А. И. Эртеля к В. В. Огаркову от 8 марта 1895 г.

«...Опечален я был «Бабьим царством» [27] Антона Павловича: кропотливая канитель, в которой основной мотив рассказа потонул без возврата. Так «скулить» (по выражению Тургенева [28]) дозволительно Григоровичу [29], но зачем же Чехову-то это понадобилось? А между тем вещь могла бы быть очень интересной, если бы не этот культ подробностей и нравственного безразличия.

За всем тем ученого учить только портить, и я прошу тебя оставить это мое мнение между нами. Тем более, что Антон Павлович кажется не из таких писателей, с которыми можно говорить безбоязненно о дефектах их манеры и дарования...»

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 2 февраля 1894 г.

«...Между нами говоря, что за невежа А. П. Чехов! больше месяца тому назад я писал ему (по адресу «Русской Мысли»), прося похлопотать от Суворина его дешевых изданий для моей школьной библиотеки. Можешь вообразить, даже не удостоил ответом! Совсем незнакомый мне Павленков [30] немедленно выслал свои биографии, выслали и другие писатели.

Разумеется, Суворин мог отказаться, или Чехову показалось неудобным просить его, но это еще не резон не отвечать на письма, что, по-моему, означает или грубую неотесанность или до смешного раздутую высокомерность... но последняя, говорят, не совместима со званием подлинной «звезды»...»

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 17 октября 1894 г.

«...В тот же день, как я отослал тебе письмо, в котором изругал А. П. Чехова, я получил письмо от него, где все разъясняется. Но чорт же знал, что он за границей! Разумеется, я поспешил сознаться в своей опрометчивости и попросил извинения. Но так как я все же не сказал ему, кому его изругал, то ты оставь это в строгом «между нами» ...»

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 24 октября 1894 г.

«...Ну, брат, А. П. Чехов со своими «Тремя Годами» [31] весьма оскандалился: какая это безнадежно плохая вещь, несмотря на искры большого ума и таланта — и мало того, что плохая, но говорящая о какой-то внутренней, душевной импотенции автора.

И какой нам дан урок своим здоровым, великолепным по реализму и силе изобразительности рассказом Л. Н. Толстого (которого вы, кстати сказать, причислили чуть ли не к идиотам в библиографическом отделе февральской книжки за статью о «противоречиях эмпирической нравственности»).

Что удивительного в рассказе Толстого это то, что ни на секунду не упуская нравственной нити произведения, если можно так выразиться, он с огромной силой воображения рисует самые мелкие черты конкретной действительности, не боится восстановлять перед читателем самые простые подробности этой действительности — видно, что, помимо всяких целей, любит в себе такую самодовлеющую изобразительность, что ему такой изобразительный рисунок самому доставляет художественное наслаждение.

Мы же, несчастливые, либо совершенно изгоняем цель из наших работ (Три года), либо, гоняясь за этой целью, совсем утрачиваем вкус к самодовлеющей изобразительности (твой покорный слуга).

Ах, как это важно, как важно!..»

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 15 марта 1895 г.

«...Отчего не появился «Дом» [32] А. П. Чехова? Это бы, наверное, «украсило» январскую книжку гораздо более претенциозной и ненатуральной болтовни «маститого» Григоровича...»

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 5 ноября 1895 г.

«...Какая превосходная вещь «Убийство» [33] Чехова и во всех смыслах! Ужасно я рад за него — за то, что полоса скучных, не «выразительных», туманных вещей вроде «Три года», очевидно, прошла для него, и он вновь — сильный, искренний, глубокий талант с ой-ой каким царем в голове!..»

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 17 декабря 1895 г.

«...Куда девался Чехов? Если не ошибаюсь, он ведь еще к январю хотел вам дать рассказ и с тех пор давал в «Русские Ведомости» и в «Космополис» [34], а у вас ничего нет...».

Из письма А. И. Эртеля к В. А. Гольцеву от 12 марта 1898 г.

«...Какая мастерская и глубокая вещь «Палата № 6» [35], хотя и не без ущерба в смысле пушкинской ясности и трезвости. Это не сама жизнь, но беллетристическое размышление о жизни — тем не менее талант смахивает на талант «плеяды». Глубоко радуешься, когда на плоскостях современного «промысла», который лишь с натяжкою можно именовать «искусством», вырастают такие будущие вершины, как Чехов и Короленко...»

Из письма А. И. Эртеля к В. М. Лаврову от 14 декабря 1892 г.

«...Нельзя ли меня не помещать в одну книжку с Антоном Павлови-

чем? Ведь это значило бы заранее обдуманным намерением погубить меня. . .»

Из письма А. И. Эртеля к В. М. Лаврову от 18 декабря 1897 г.

«. . .Без всякого ложного смирения, а по сущей совести я утверждаю, что недостоин «развязать ремень» на ноге тех крупных, кого Вы называете, в Ваших письмах. Мало того, отлично вижу преимущества над собою В. Г. Короленко и Чехова, и поверьте, с самым сочувственным любопытством слежу за ними, за тем, например, как Владимир Галактионович приобретает все большие силы в своих последних вещах.

Но это в сторону. По существу говоря, табель о рангах имеет мало значения. Большое значение имеет то, что есть сила, которая равно доступна титулярному советнику, которая и в руках мелкой сошки в состоянии волновать сердца и давать умам нечто новое. Сила эта — Правда. . .»

Из письма А. И. Эртеля к П. Ф. Николаеву от 6 марта 1891 г.

«. . .Не остыла еще во мне привычка делать внутренние ремарки о тех лицах и впечатлениях, что встречаются на пути.

И гораздо ближе до внешней дружбы, узнал Антона Чехова. Это человек может быть наивысшего калибра между нашими современными писателями-беллетристами и глубоко несчастный. А я ужасно люблю несчастных, не по внешним обстоятельствам их несчастных, а по трагической тени, омрачающей их ум, сердце, настроение. Помните удивительную вещь Мопассана [36] «Solitude». Ну так вот о каком несчастье я говорю, и им-то отмечен Чехов. . .»

Из письма А. И. Эртеля к П. Ф. Николаеву от 3 марта 1897 г.

«. . .С вашим мнением о рассказике Чехова [37] согласиться не могу. Почему вы думаете, что убийство ребенка ополоумевшей нянькой вещь искусственная? Это бывает нередко, а в рассказе, насколько помнится, «преступление» вытекает очень логически из предшествовавшего душевного состояния девочки. Кстати, в сегодняшнем номере «Русских Ведомостей» я как раз прочитал такой же факт: нянька-подросток обкормила ребенка фосфорными спичками. Можно бы сказать, что в этом ничего нет поучительного. . . Но так ли? Лишнее напоминание о том, что детей нельзя обременять непосильным трудом, что душа детская — нечто сложное и требует к себе бережного внимания, — напоминание об этом есть уже поучение.

О рассказе Чехова я впрочем сужу по тому впечатлению, какое осталось у меня, когда я прочитал его год тому назад. Проверить это впечатление сейчас не имею возможности, а потому оговариваюсь: может быть вы и правы. Чтобы впечатление приблизилось к истине, надо его проверить несколько раз и в разные промежутки времени. . .»

Из письма А. И. Эртеля к И. И. Горбунову от 29 марта 1891 г.

«. . .Отчего я не оставлю Хлудовых и всецело не отдаюсь литературе? В том-то и штука, что для нашей еще мало умытой отчизны литература до сих пор не главнейшая потребность души и сердца, а роскошь или забава. И так же она и ценится. Пушкин не даром восклицал в одном из своих писем: «Чорт меня дернул родиться в России с душою и талантом!» — и если у нас все-таки были Пушкины, Тургеневы, Некрасовы, Салтыковы, Толстые, то это в значительной степени объясняется тем, что все они были помещики, иногда очень богатые, и с этой стороны мало нуждались в хорошей европейской оценке их труда. Но вот помещики-то в литературе перевелись и выступили мало-помалу нищие, как я. А литература все попрежнему забава или роскошь для большинства русского якобы образованного общества, и попрежнему тяже-

лая судьба «родиться в России с душой и талантом».

Сколько можно назвать в русской литературе последнего времени имен не только с дарованиями, но с талантами почти первоклассными, и если эти таланты не развились и не развиваются, если многие из этих писателей преждевременно погибли для русской литературы, то тут в значительной степени вина русского общества, что оно гораздо более ценит какого-нибудь Дурова[38], нежели Глеба Успенского[39].

Правда, и в Западной Европе не так-то легко писателю заручиться не только богатством, но хотя бы сносною обеспеченностью. Но там, если у него действительно талант и если ему удается наконец составить себе «имя», — судьба его обеспечена и затем не может быть и речи о той нищете, которая угнетает огромное большинство наших очень талантливых и очень известных писателей. У нас же репутация репутацией, известность известностью, а и с «именем» насидишься «на пище св. Антония».

Я не о себе говорю. К моей выгоде в этом-то отношении у меня есть вот особая специальность и, значит, — особый заработок — сельское хозяйство.

Но вот недавно получил сведения об Антоне Павловиче Чехове и не могу говорить равнодушно о положении русского писателя в русском закоснелом обществе.

Что такое Чехов? Ведь это одна из гордостей нашей литературы, одно из самых лучших ее имен, одна из самых лучших ее надежд. Ведь по таланту это писатель, быть может, не меньше Мопассана во Франции, Тургенева у нас, хотя и совсем в другом роде, нежели Тургенев. И вот стоило этому крупному молодому писателю серьезно заболеть, — у него, кажется, чахотка, — стоило ему вследствие этой болезни возыметь нужду в отдыхе, в поездке на юг, в хорошей обстановке, — в той самой, которую имеет клоун Дуров или какой-нибудь тенор из «Яра» [40], — и вдруг оказывается, что надо вести унизительные переговоры о займах, надо искать денег, потому что те самые произведения писателя, которые читаются всей Россией, не в состоянии окупить ему ни отдыха, ни поездки на юг, ни необходимой для больного человека обстановки, тем более, что на руках у него еще многочисленная семья. Посуди сам, не возмутительно ли это, возможно ли говорить об этом равнодушно...

А такие вещи происходят лишь потому, что у нас до сих пор смотрят на литературу как на нечто постороннее жизни, как на милое безделье. Одним словом, так могут смотреть только дикари. Ведь любому такому дикарю не придет в голову вообразить, да что же такое была бы жизнь со своими «серьезными» делами — с банками, департаментами, конторами, фабриками, биржей, сельским хозяйством, — но без Пушкиных, Некрасовых, Толстых, Достоевских, Тургеневых и т. д., и т. д. Ведь это была бы голая, песчаная пустыня и звериная, бессмысленная жизнь. Но об этом никто не думает, и если не прочь «почитаться» в досужее от «серьезных» трудов время, то судьбы этих умов, этих талантов, этих людей, неустанно развивающих мысли, образы чувства и тем оживотворяющих холодную пустыню «серьезной», деловой жизни, — до судьбы этих людей никому нет дела...»

Из письма А. И. Эртеля к Б. Д. Вострякову от 26 сентября 1898 г.

[1] Гольцев Виктор Александрович (1850—1906), журналист, критик и публицист, редактор «Русской мысли».

[2] Морозова Варвара Алексеевна, общественная деятельница, жена редактора «Русских ведомостей» В. М. Соболевского. В зале ее дома-особняка на Воздвиженке в Москве собирались представители науки, литературы и искусства; бывал А. П. Чехов, А. И. Эртель, М. Н. Ермолова и другие.

[3] Чехов в Петербурге находился «по делам службы» (устройство денежных дел), пробыл там с 18 декабря по 28 января 1893 г., присутствовал на «обеде беллетристов», затем вернулся в Москву, оттуда в Мелихово. В начале марта снова приехал

в Москву; о дальнейших взаимоотношениях см. «Письма А. П. Чехова» под редакцией М. П. Чеховой.

[4] Эртель Мария Васильевна, урожденная Огаркова, дочь усманского купца, окончила Воронежскую гимназию в 1880 г., затем — Высшие женские курсы.

[5] Лавров Вукол Михайлович (1852—1912), издатель «Русской мысли», переводчик.

А. И. Эртель постоянно навещал его во время наездов в Москву. Чехов писал А. С. Суворину 4 марта 1893 г.: «Вчера на обеде я познакомился с литератором Эртелем, учредителем воронежских столовых. Впечатление очень хорошее. Умный и добрый человек».

[6] Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель-беллетрист и публицист.

[7] Мамин Дмитрий Наркисович, Мамин-Сибиряк (1852—1912), писатель.

[8] Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915), педагог, деятель по народному образованию, издатель детских журналов.

[9] Сытин Иван Дмитриевич (1853—1934), один из крупнейших издателей дореволюционного времени.

[10] Востряков Борис Дмитриевич, член Товарищества И. Д. Сытина.

[11] Ресторан в Москве.

[12] Соболевский Василий Михайлович (1846—1913), публицист, редактор газеты «Русские ведомости».

[13] Соловьев-Несмелов Николай Александрович (1849—1901), писатель.

[14] «Русская мысль» — литературно-научный и политический журнал (1880—1917). А. И. Эртель, как и А. П. Чехов, были сотрудниками этого журнала.

[15] Остроумов Алексей Александрович (1844—1908), профессор Московского университета, выдающийся терапевт, лечил А. И. Эртеля и А. П. Чехова.

[16] Солдатенков Кузьма Терентьевич (1818—1901), издатель ряда капитальных произведений, преимущественно исторического содержания, меценат.

[17] Грот Николай Яковлевич (1852—1899), профессор философии, председатель Московского Психологического общества, основатель журнала «Вопросы философии и психологии».

[18] Южины — Александр Иванович Южин (1857—1927), драматург, директор и артист Малого театра в Москве, народный артист, и Мария Николаевна Южина, его жена (урожденная Корф), под псевдонимом Вронская играла в Малом театре (скончалась в 1938 г.).

[19] «Русские ведомости» — либеральная газета, издавалась в Москве (1866—1917).

[20] Лопасня — станция Московско-Курской ж. д., в 75 км. от Москвы; километрах в 12 от нее находилось имение Чехова «Мелихово», где писатель проживал с 1892 г.

[21] Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929), писатель.

[22] Мачтет Григорий Александрович (1852—1901), писатель.

[23] Альбов Михаил Нилович (1851—1911), писатель, сотрудничал в журналах: «Устои», «Дело», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник» и «Мир божий».

[24] Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель, которого А. И. Эртель лично знал и отзывался о нем, как об одном из «пленительных людей», как о «человеке от другого мира», — «мира правды, добра и красоты».

[25] «Хлеб» — название большого романа Д. Н. Мамина-Сибиряка, напечатанного в журнале «Русская мысль» № 1—8, 1895 г. По поводу «Хлеба» Мамина-Сибиряка А. П. Чехов писал А. С. Суворину 23 марта 1895 г.: «Хвалят его последний роман «Хлеб» (в «Русской мысли»); особенно в восторге был Лесков».

[26] Рассказ А. П. Чехова, напечатан в «Русской мысли» кн. I и II, 1895.

«... В январской книжке «Русской мысли» будет моя повесть «Три года». Замысел был один, а вышло что-то другое, довольно вялое и не шелковое, как я хотел, а батистовое... (из письма к Е. М. Ш. от 24 декабря 1894 г.).

[27] Рассказ А. П. Чехова, напечатан в «Русской мысли» кн. I, 1894.

[28] Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель.

[29] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель.

[30] Павленков Флорентий Федорович (1839—1900), издатель «Библиотеки полезных знаний», серии биографий замечательных людей и ряда сочинений классиков.

[31] Рассказ Чехова (см. примечание 26)

[32] Рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином», напечатан в «Русской мысли», кн. IV, 1896.

[33] Рассказ А. П. Чехова, напечатан в «Русской мысли» ноябрь, 1895.

[34] «Космополис» — журнал, издаваемый Ормансом на 5 языках. А. П. Чехов послал туда рукопись рассказа «У знакомых», которому редакция произвольно дала другое название «В гостях».

[35] Рассказ А. П. Чехова, напечатан в «Русской мысли», кн. XI, 1892.

[36] Мопассан Гюи, де (1850—1893), французский писатель.

[37] Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Спать хочется», напечатанном в «Петербургской газете» 25 января 1888.

[38] Дуров Анатолий Леонидович, известный московский клоун, талантливый дрессировщик зверей.

[39] Успенский Глеб Иванович (1837—1889), писатель.

[40] Загородный ресторан под Москвой.

Подг. *И. В. Федоров.*

СОБРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ А. П. ЧЕХОВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ СССР им. В. И. ЛЕНИНА

1

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится самое большое собрание рукописных материалов А. П. Чехова.

Оно состоит из автографов его произведений, его писем к разным лицам, писем к нему от огромного количества корреспондентов и его мелких автографов и документов. В собрании находятся в большом количестве и некоторые материалы семьи Чеховых: братьев (литератора Александра Павловича, художника Николая Павловича) и дяди, Митрофана Егоровича Чехова. Кроме того, есть материалы, связанные со смертью А. П. Чехова и посмертными юбилейными датами, с организацией музеев его имени в Москве и в Таганроге.

Общий объем всего материала, заключенного в 72 папках, в настоящий момент равняется приблизительно 30 000 листов и все увеличивается, так как Отделу рукописей удается приобретать новые материалы, — большей частью, эпистолярные.

Собирание этого материала началось с 1912 г., когда родственники писателя — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Мария Павловна и Иван Павлович Чеховы — организовали при библиотеке Московского Публичного и Румянцовского музеев «Чеховскую комнату», передав туда небольшое, но очень ценное собрание его автографов творческих рукописей и писем и ряд изданий его произведений: ранние сборники рассказов и юмористические журналы 1880-х годов.

К их дару вскоре присоединилось пожертвование студенческого кружка имени А. П. Чехова при Московском университете. Оно состояло, главным образом, из печатных материалов, среди которых были многочисленные переводы произведений Чехова на различные языки: английский, французский, немецкий, итальянский, эстонский, латышский, литовский, польский, чешский, южнославянские, скандинавские, армянский, грузинский и японский. Это собрание опровергало любимую шутку Чехова о том, что он «переведен на все языки, кроме иностранных».

В таком составе с небольшим увеличением собрание А. П. Чехова просуществовало в библиотеке до 1920-х годов, когда Мария Павловна Чехова передала в общественное пользование эпистолярный архив писателя и дополнительно несколько рукописей его произведений.

В последующее время собрание Чехова непрерывно росло. Ежегодно продолжали и продолжают поступать отдельные документы и собрания писем. Они приходили в материалах разных лиц: издателя и редактора «Русской мысли» В. А. Гольцева, писателя А. И. Эртеля, художника А. А. Киселева, профессора Д. Н. Анучина, Я. Л. Барскова, в материалах Общества любителей российской словесности. Отдельно, как самостоятельные поступления, были приобретены письма А. П. Чехова к издателю журнала «Нива» А. Ф. Марксу, врачу П. И. Курукину и некоторые другие.

Собрание автографов А. П. Чехова состоит из литературных рукописей, записных книжек, писем, дарственных надписей и мелких автографов, вроде рецептов и деловых заметок.

Литературный архив Чехова в нашем собрании невелик. В нем всего 16 произведений в автографах. И все-таки это одно из больших собраний, по сравнению с рукописными отделами других хранилищ.

Скудость общего наличия творческих рукописей Чехова объясняется двумя причинами: 1) до сих пор не обнаружены архивы журналов и газет, в которых печатался Чехов и где могли сохраниться наборные

рукописи его произведений, и 2) Чехов не находил нужным беречь свои черновики.

По поводу второй причины есть интересные показания в его переписке.

В письме к молодой писательнице Е. А. Никольской он пишет: «Я никак не найду у себя Вашей рукописи, хотя перерыл все бумаги, вероятно, в письме Вашем Вы не предупредили меня, что рукопись должна быть возвращена Вам, и я перед отъездом за границу *уничтожил ее вместе со своими бумагами»* *.

И своей жене О. Л. Книппер он сообщал подобное же о материалах «Вишневого сада»: «...пьеса у тебя; смотри не потеряй, а то выйдет очень смешно, ведь это единственный экземпляр. *Черновики я уже сжег»* *.

Поэтому две черновые рукописи «Невесты» и «Острова Сахалина», имеющиеся в собрании, приобретают особое значение. Они приоткрывают творческую лабораторию писателя, о котором Горький сказал: «Как стилист Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали: Пушкин, Тургенев и Чехов».

Эти рукописи обнаруживают громадную работу Чехова над общей композицией, над смысловой и стилистической стороной вариантов и отдельных фраз. Многоярусные вставки и вычеркивания превращают эти рукописи в лабиринт, в котором не всегда легко разобраться и опытному текстологу.

В «Невесте» он добивается «музыкальности», по собственному его выражению, и достигает свойственной ему мелодии речи. В «Острове Сахалине» работает над сжатостью, точностью и, пожалуй, сухостью языка, стараясь избегать лирических отступлений и каких бы то ни было сентиментальных высказываний. Он добивается, чтобы материал говорил за себя.

Немногочисленность литературных автографов Чехова не мешает собранию Отдела рукописей Ленинской библиотеки быть полноценным, потому что состав их очень разнообразен по содержанию и по времени.

Здесь есть одни из наиболее ранних рукописей периода сотрудничества Чехова в юмористических журналах начала 80-х гг. прошлого столетия — «Роман доктора. Роман репортера», «Двое в одном» и самые последние произведения «Невеста» и «Вишневый сад».

Есть шутки — «Отвергнутая любовь», «Гречневая каша сама себя хвалит», «Жизнь в вопросах и восклицаниях», мелочи с оттенком публицистического характера, «Осколки московской жизни», два варианта «Кривого зеркала», цензурный экземпляр водевиля «Свадьба», незаконченные произведения, вероятно, 90-х гг. (судя по почерку) «Расстройство компенсации», «Калека», «У Зелениных», беловая рукопись «Вишневого сада» и черновые рукописи «Невесты» и «Острова Сахалина».

В качестве подготовительного материала к «Острову Сахалину» должны быть названы карточки-анкеты, придуманные самим Чеховым для собирания сведений о ссыльно-каторжном населении Сахалина, лично им заполненные на основании устного опроса каждого ссыльного в количестве около 10 000. По поводу этой работы он писал позднее: «...На Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мною...» (из письма к А. С. Суворину от 11 сентября 1890 г.).

В этих карточках даются сведения об имени, отчестве и фамилии, возрасте, времени прибытия на Сахалин, месте поселения, семейном положении, основном занятии, наличии хронических болезней и получаемом пособии.

Женские карточки отличаются от мужских вертикальной чертой, проведенной Чеховым цветным карандашом вдоль всего листка.

Эти карточки были подобраны самим писателем в отдельные пачки по селениям и пунктам Сахалина. Изредка на оборотной стороне карточек встречаются обобщающие заметки Чехова статистического характера.

К автографам литературных произведений относятся и коротенькие заметки, которые Чехов набрасывал иногда на обороте писем своих корреспондентов. Характер их — тот же, что и в записных книжках, опубликованных и отдельным изданием и в XII томе собрания сочинений Чехова (Гослитиздат). Эти новооткрытые заметки публикуются Отделом рукописей в каталоге корреспондентов Чехова при описании тех писем, на которых они сделаны.

Характеризуя литературный архив Чехова, следует упомянуть также списки его произведений и несколько произведений в виде вырезок из газет и журналов, а также в рукописных копиях с пометками автора — о названии периодического издания, в котором публиковалось произведение, и с его же припиской: «В полное собрание не войдет».

* В обеих цитатах курсив наш.

Это — следы работы Чехова над подготовкой полного собрания сочинений для издания А. Ф. Маркса. При этой подготовке Чехов оказался крайне строгим редактором самого себя. Из свыше 600 своих произведений он включил в «полное» собрание только 230, тщательно переработав многие рассказы. После его смерти А. Ф. Маркс выпустил 4 тома этих отброшенных автором произведений, в дополнение к вышедшим ранее 11 томам.

Сюда же относится запись хронологического распределения произведений по томам, сделанная Чеховым на обороте письма Дягилева: «1 [том] — [18]80—[18]83 *.

2—82—84
3—84—87 кроме Белолобого, написанного после 90 г.
4—85—88
5—85—89
6—89 кроме р[ассказа] неизв[естного] человека, написанного после 90 г.
8 — после 90
9—95—900».

Здесь нет 7-го тома, занятого пьесами, 10-го — «Островом Сахалином» и 11-го — с последними произведениями, многие из которых еще не были написаны.

Последним видом литературных материалов собрания Чехова является рассказ молодой писательницы Е. М. Шавровой с исправлениями Чехова. Они дают очень много для исследователя, изучающего приемы творчества Чехова, хотя он и старается максимально сохранить индивидуальность автора.

Все перечисленные материалы опубликованы или использованы С. Д. Балухатым в примечаниях к последнему изданию собрания сочинений Чехова (Гослитиздат). Черновая рукопись «Невесты» и варианты «Вишневого сада» опубликованы во II Сборнике Трудов библиотеки. Только в рукописи «Острова Сахалина» остались еще неопубликованные незначительные варианты. Наиболее значительные тоже включены в собрание сочинений.

В записных книжках А. П. Чехова, хранящихся в Отделе рукописей, преобладают записи деловые — адреса, рецепты, хозяйственные заметки. Подобные записи имеются в собрании и на отдельных листках. Кроме того, среди мелких автографов писателя имеются его дарственные надписи на титульных листах его сборников.

Письма А. П. Чехова в собрании Отдела рукописей адресованы к разным лицам (более 70). Это лишь ничтожная доля его переписки, даже если сравнить их с шеститомным собранием его писем, изданным в 1912—1916 гг. (Письма А. П. Чехова, тт. I—VI, под редакцией М. П. Чеховой. Москва. Книгоиздательство писателей 1912—1916 гг.; тт. I—III, также изд. 2-е, 1913—1916).

Собрание писем составилось трояким способом. Сюда вошли те письма, которые остались на руках у М. П. Чеховой после подготовки их к печати. Все письма, предоставленные ей для издания, были скопированы, и оригиналы были возвращены владельцам, за исключением небольшого числа лиц, согласившихся оставить их в Чеховском архиве сестры писателя. Она передала их в библиотеку при организации «Чеховской комнаты». К ним присоединяются самостоятельные приобретения Отдела и письма, поступающие в архивах корреспондентов Чехова.

Наиболее значительными адресатами Чехова в собрании Отдела рукописей являются: из писателей-современников Д. В. Григорович, А. С. Суворин, А. Н. Плещеев, В. Г. Короленко, В. А. Гольцев, В. М. Лавров, А. И. Эртель, брат Александр П. Чехов, известный под псевдонимом «Седой», из младшего поколения М. В. Киселева, Е. М. Шаврова; из общественных деятелей Егоров, Иорданов; товарищи — врачи Россолимо, Куркин, Коробов, Орлов. Небольшое количество писем, адресованных родным. Основная масса родственной переписки находится в руках М. П. Чеховой в ее ялтинском Доме-музее.

Большинство перечисленных писем вошло в указанное издание (Письма А. П. Чехова, тт. I—VI) и широко известно, Остальные письма публиковались в изданиях библиотеки, последние поступления публикуются в «Записках» и Сборниках Отдела рукописей.

Во всех этих письмах Чехов является тем же очаровательным стилистом эпистолярной формы, о письмах которого А. Н. Плещеев писал: «... читаешь их, как талантливые произведения».

Письма корреспондентов А. П. Чехова составляют самый обширный раздел собрания. Здесь представлено свыше 1500 лиц

* В этой записи цифры первого столбца обозначают порядковый номер тома. Во втором и третьем столбцах даются сокращенно годы, произведения которых вошли в указанный том.

Селеніе Арковская

Дворъ № 13

Званіе поселенецъ

Имя, отчество, фамилія, отношенія къ хозяину:

Василий Игнатьев хозяинъ

Лѣта 51

Вѣроисповѣданіе православн.

Гдѣ родился Псковск.

Съ какого года на Сахалинѣ 1875

Главное занятіе

Грамотенъ, неграмотенъ, образованъ

Женатъ на родинѣ, на Сахалинѣ, вдовъ, холостъ.

Получаетъ ли пособіе отъ казны? Да, нѣтъ.

Чѣмъ болѣетъ.

~~Селеніе~~ П. Александровск

Дворъ № 161

Званіе сс.каторжн.

Имя, отчество, фамилія, отношенія къ хозяину:

Семен Игонин жилец

Лѣта 63

Вѣроисповѣданіе православн.

Гдѣ родился бродяга

Съ какого года на Сахалинѣ 1881

Главное занятіе сапожник

Грамотенъ, неграмотенъ, образованъ

Женатъ на родинѣ, на Сахалинѣ, вдовъ, холостъ.

Получаетъ ли пособіе отъ казны? Да, нѣтъ.

Чѣмъ болѣетъ.

Карточки для переписи ссыльно-каторжных на Сахалине, заполненные А. П. Чеховым в 1890 г.

и более чем 7 000 документов с листажем не менее 20 000.

Вероятно, это не исчерпывает всей переписки Чехова на протяжении его жизни, но можно с уверенностью сказать, что 90% полученных им писем во вторую половину жизни, когда он стал крупным писателем, здесь имеется. Меньше всего и здесь писем семейных по указанной причине — они еще у Марии Павловны Чеховой. Из главных корреспондентов отсутствуют письма А. С. Суворина, так как после смерти писателя он просил вернуть ему все его письма. Целы ли они в его архиве и где этот архив, — пока сведений не имеется.

Во вторую половину жизни Чехов бережно хранил все получаемые им письма, подбирал сам по алфавиту корреспондентов. Каждую букву он упаковывал особой пачкой, завертывая в газетную бумагу, и, перевязав пачки бичевкой, наклеивал этикетки с указанием буквы. Письма самых крупных или вообще особенно значительных для него корреспондентов составляли особые самостоятельные пачки.

В таком виде и поступила эта часть архива в 1922 г. в распоряжение Московского Чеховского музея, организованного М. П. Чеховой и позже присоединенного к Ленинской библиотеке.

Социальный состав корреспондентов Чехова чрезвычайно многообразен.

На первом месте стоят литераторы. Здесь есть и корифеи и начинающие беллетристы: Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, был А. М. Пешков-Горький, А. И. Эртель, Н. Д. Телешов, К. С. Баранцевич, К. Д. Бальмонт, И. А. Белоусов, И. Л. Щеглов-Леонтьев, Л. А. Авилова, Е. М. Шаврова и др.

Из редакторов газет и журналов можно назвать Н. А. Лейкина («Осколки»), В. А. Гольцева и В. М. Лаврова («Русская мысль»), В. М. Соболевского («Русские ведомости»).

Из художников — И. И. Левитан, В. А. Серов, И. Е. Репин, Л. О. Пастернак.

Ив музыкантов — П. И. Чайковский.

Из театральных деятелей — А. П. Ленский, В. Н. Давыдов, П. М. Свободин, Вл. Ив. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский-Алексеев, А. Л. Вишневский и много других актеров Художественного театра.

Много представителей ученого мира — академики, профессора, и среднее сословие — городские и народные учителя, врачи — столичные светила — и фельдшера земских больниц, учащиеся, книготорговцы, издатели, военные, окрестные крестьяне, ссыльные сахалинцы, просители различных категорий, читатели.

Еще более разнообразны темы корреспонденций. Наиболее богато и разнообразно представлена писательская среда.

Стремясь информировать широкую общественность об этих богатствах, Отдел рукописей предпринял издание каталога материалов архива Чехова. Описание рукописей и писем самого писателя издано в 1938 г. В 1939 г. вышел первый выпуск аннотированного каталога корреспондентов Чехова, охвативший фамилии с буквы А до К включительно. Второй выпуск с буквы Л до конца алфавита готовится к печати.

В раздел документов и биографических материалов А. П. Чехова входит его аттестат зрелости, выданный таганрогской гимназией в 1879 г., билет на право слушания лекций в университете в 1880 г., скорбный лист больного, курируемого Чеховым-студентом, свидетельство о получении звания лекаря в 1884 г., годовой отчет уездного санитарного совета за 1893 г., свидетельство о личности А. П. Чехова, как счетчика на всероссийской переписи 1897 г., и ряд других.

Особенно ценны автобиография А. П. Чехова, написанная им по просьбе однокурсника проф. Г. М. Россолимо для альбома врачей выпуска 1884 г., и дневники. Дневник отца, П. Е. Чехова, веденный им в имении Мелихово, отмечает явления и события только внешнего характера: погоду, приезды и отъезды членов семьи и гостей, хозяйственные мероприятия. Часть записей сделана рукою А. П. Чехова в шуточном тоне. Дневники самого писателя очень коротки. Один из них заполняет несколько страничек в маленькой тетради в 8^{0}, другой занимает один листок из блокнота. Они относятся к середине 90-х годов и к последним годам жизни А. П. Чехова. Тексты их опубликованы в XII т. собрания сочинений.

К посмертным материалам относятся телеграммы и письма, явившиеся откликом на смерть писателя, адресованные О. Л. Книппер-Чеховой, а также официальные документы и счета, связанные с перевозом тела писателя из Баденвейлера в Москву.

Каждая юбилейная дата со дня рождения или смерти писателя вызывала новую группу приветствий и сочувствий. Особенно значительны и по количеству и по содержа-

нию были приветствия к 50-летию со дня рождения А. П. Чехова в январе 1910 г. Адреса и телеграммы направлялись не только родным его, главным образом Марии Павловне и Ольге Леонардовне Чеховым, но и на адрес Чеховского общества при Московском университете.

К 1912 г. относятся материалы, связанные с устройством Чеховской комнаты при библиотеке, переписка с дирекцией, устав.

К 1912—1914 гг. подобные же материалы по поводу организации и торжественного открытия Чеховского музея и библиотеки в Таганроге, родном городе писателя.

К тем же годам относятся материалы, связанные с изданием М. П. Чеховой писем А. П. Чехова.

Следует также сказать о материалах других лиц, входящих в Чеховское собрание Отдела рукописей.

Это прежде всего коллекция материалов, связанных с Сахалином. Бумаги некоторых сахалинцев-служащих, представивших Чехову свои документы и собрания для использования их в книге о «каторжном» острове, — врача Б. А. Перлина и заведующего Дуйской телеграфной станцией П. И. Павловского.

В коллекцию входит речь защитника, выступавшего на полевом суде при разборе дела об оскорблении ссыльно-каторжным смотрителя тюрьмы. К копии речи приложена коротенькая, но многоговорящая записка: «Присылая здесь свою защитительную речь, которой Вы интересовались, прошу Вас только эту присылку оставить между нами». Не лишена интереса также статья о сахалинских порядках и быте, которая предназначалась для печати; начинается она с обращения в редакцию, но автор, как он сам говорит в приписке на полях, «не посылал ее никуда из боязни навлечь на себя неудовольствие». Он передал ее Чехову перед отъездом писателя. «Не переписал ее, — прибавляет он в той же приписке, — потому что масса работы, а пароход «Петербург» на носу». («Петербург» пароход Добровольного флота, на котором Чехов уехал с Сахалина).

Материалы Александра Павловича Чехова представлены в собрании, кроме писем к родным и к А. С. Суворину, еще автографами его воспоминаний о детстве Антона Павловича и о таганрогской гимназии и дневником.

Материалы Николая Павловича Чехова — ученическим билетом Школы живописи, ваяния и зодчества, рисунками и автографом произведения и незначительным количеством писем.

Кроме того, имеются копии документов родителей Чехова, снятые с подлинников, хранящихся в Таганрогском музее, автографы писем к дяде Митрофану Егоровичу Чехову, брату отца, которого высоко ценил и уважал А. П. Чехов.

Выше говорилось о том, что все значительные автографы А. П. Чехова, входящие в собрание Отдела, опубликованы и описаны в печатном каталоге. Часть публикаций предшествовала поступлению материалов в библиотеку, так было с большинством писем А. П. Чехова и с некоторыми письмами к нему; часть публиковалась самой библиотекой силами ее сотрудников или использовалась научными работниками, занимавшимися в читальном зале Отдела рукописей.

Наиболее значительными изданиями библиотеки были «Неизданные письма А. П. Чехова» под ред. Е. Э. Лейтнеккера. М., 1930; «Из литературного архива А. П. Чехова». 1. Черновая рукопись «Невесты». 2. Варианты «Вишневого сада», подготовлены к печати Е. Н. Коншиной во II Сборнике Трудов библиотеки. М., 1929; «Письма к А. П. Чехову его брата Александра Чехова», подготовлены к печати И. С. Ежовым. М., 1939; «Рукописи А. П. Чехова», описание составил Е. Э. Лейтнеккер. М., 1938; «Архив А. П. Чехова» — описание писем к А. П. Чехову. Вып. 1. Составил Е. Э. Лейтнеккер. М., 1939.

2

Юбилейные чеховские даты (15/2 июля 1939 г. — 35-летие со дня смерти и 30/17 января 1940—80-летие со дня рождения А. П. Чехова) сказались в Отделе рукописей приливом исследователей жизни и творчества писателя в Читальный зал Отдела и приобретением следующих новых материалов в его собрании.

1) 6 писем к дяде Митрофану Егоровичу Чехову за 1886—1891 гг. (опубликованы в «Письмах», тт. I—III).

2) 41 письмо к двоюродному брату Георгию Митрофановичу Чехову за 1887—1904 гг. (Из них 15 писем опубликовано в «Письмах», тт. I—VI, и 26 писем публикуются выше).

№№ 1—2 поступили от Г. М. Чехова через М. П. Чехову.

3) 1 письмо к С. Е. Кочеткову, относящееся к 1890-м годам. Получено от А. Кра-

шенинникова через народную артистку О. Л. Книппер-Чехову (публикуется выше).

4) 5 писем и 1 визитная карточка к начальнице ялтинской гимназии В. К. Харкеевич за 1899—1904 гг. (опубликованы в «Письмах», тт. V—VI).

5) Дарственная надпись В. К. Харкеевич на книге «Каштанка» А. П. Чехова, изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1903,

№№ 4—5 поступили от М. П. Чеховой.

6) Шуточный аттестат, выданный А. П. Чеховым Е. Марковой за подаренную ему вышитую подушку (публикуется выше).

7) Конверт от письма отца 2/V—1898 г., с надписью адреса рукою Ант. П. Чехова и с прекрасно сохранившимся сургучным оттиском печати писателя: небольшой круг в 1,5 см. в диаметре, в центре буква «Ч», вокруг надпись: «Одинокому всюду пустыня». История этой печати рассказана в печатном каталоге Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, на стр. 91—92 (М. Соцэкгиз, 1937).

8) Копия кураторской записи Чехова-студента, снятая научным сотрудником Отдела рукописей И. В. Федоровым и подаренная им Отделу (оригинал — автограф Чехова хранится вшитым в книгу «Истории болезней за 1842—1899 гг.» в Моск. Медицинском институте, бывшей Екатерининской больнице).

9) Письмо к Ант. П. Чехову от брата Михаила Павловича, без даты, относящееся, вероятно, к 1885 г.

10) Письмо Михаила Павловича к отцу П. Е. Чехову 1889 г. июня 19 о смерти и похоронах Николая Павловича.

11) 19 писем отца П. Е. Чехова к Мих. П. Чехову за 1885—1898 гг. с 4-мя приписками матери Е. Я. Чеховой.

12) 10 писем матери Евг. Як. Чеховой к Мих. П. Чехову за 1894—1908 гг. с приписками отца и сестры Марии Павл. Чеховой.

13) 13 писем старшего брата Ал-дра П. Чехова к Мих. П. Чехову за 1883—1908 гг.

14) Письмо брата И. П. Чехова к Мих. П. Чехову 1905 г. окт. 26 о забастовке в Москве.

15) 5 писем дяди Митрофана Егоровича Чехова к Мих. П. Чехову за 1889—1891 гг.

16) 1 письмо двоюродного брата Георгия Митр. Чехова к Мих. П. Чехову.

17) 7 писем А. С. Суворина к Мих. П. Чехову за 1890—1901 гг.

18) 1 письмо А. Ф. Кони к А. С. Суворину, с надписью Суворина о пересылке этого письма к Мих. П. Чехову и конвертом на имя М. П. Чехова 1904, дек. 27.

19) 1 письмо А. Ф. Кони к М. П. Чехову 1905, янв. 12.

20) Воспоминания Е. Я. Чеховой о Таганроге в эпоху Крымской кампании 1855 г. — запись рукою Мих. П. Чехова — 2 лл.

21) Автограф рассказа Ал-дра П. Чехова «Морской праздник» с подписью одним из его псевдонимов «Агафопод Единицын».

22) 3 пародии Мих. П. Чехова на юмористические журналы, написанные в первой половине 80-х годов: «Рябчик», «Почта», «Бабкинский вестник» с рисунками и пародийным текстом извещений, статей и объявлений.

23) Автограф пародийного письма Мих. П. Чехова от лица экипажа гибнущего судна (написан в Мелихове).

24) Отрывок воспоминаний Е. М. Шавровой-Юст о знакомстве с Ант. П. Чеховым в Крыму 1889 г. (дар А. Р. Эйгеса).

25) Неоконченные воспоминания С. А. Найденова, автора «Детей Ванюшина» об Ант. П. Чехове — (машинопись) (дар А. Р. Эйгеса).

26) 3 акварели работы Мих. П. Чехова с видами имения Киселевых «Бабкино», где семья Чеховых проводила лето в 1885—1887 гг.

27) 11 видов (13 фото) ялтинского сада при Доме-музее А. П. Чехова в 1930-х гг.

Вся группа материалов, связанных с Михаилом Павловичем Чеховым, приобретена от вдовы его О. Г. Чеховой, за исключением акварелей, пожертвованных Е. И. Кротковой.

Из этих материалов для истории творчества Ант. П. Чехова представляет значительный интерес письмо Михаила Павловича, так как к нему присоединены сведения, выписанные младшим братом для писателя из газеты Гатцука и других справочников о месяцах июне и июле. Эти сведения были использованы Ант. П. Чеховым в заметке «Об июне и июле», помещенной в «Осколках» № 30, 1885. Вот отрывки параллельного текста, свидетельствующие о том, как много веселого балагурства было в те годы в «Антоше Чехонте».

Из письма Мих. П.:

«Июль, 7-ой месяц года. По старинн. липец. Сначала Римляне его называли Квинтилис, как пятый месяц их года, настоящее название получил от Марка Антония в честь Юлия Цезаря. Он б[ыл] посвящен Юпитеру, содерж. 31 сутки.

«Июльская революция — революция во Франции в июле 1830 г., вследствие которой Карл X и старшая бурбонская династия (следуют портреты Кавеньяка* и Карла X) б[ыла] извергнута и Людовик Филипп Орлеанский б[ыл] возведен на престол.

«Праздники: см. печать.

«Июль Случаи † Царевна Софья, 3-го [числа]. 1704.

† Памва Берында, лексиколог, 13, 1632

† Кочубей и Искра 14, 1707

† Умершие писатели:

7) Батюшков

8) Державин

17) Татищев

18) ** Лермонтов

26) Мерзляков

31) Новиков

«Астр. зам. Солнце вступает в знак Льва»

Из журнала «Осколки»:

«Июль по протекции Марка Антония, получил свое название от Юлия Цезаря, милого, перешедшего Рубикон и написавшего «De bello Gallico», произведение, по мнению учителей латинского языка, достойное 12 уроков в неделю. Был посвящен его превосходительству г. директору небесной канцелярии, действительному статскому советнику и кавалеру Юпитеру. Будучи происхождения божеского, г. Юпитер тем не менее занимался одними только человеческими делами, играл в винт, пил горькую и прохаживался по части клубнички. Юным классика не безызвестны его ухаживания за коровой Ио. Солнце в июле вступает в знак Льва, чего ради все кавалеры «Льва и Солнца» в июле именинники. Для писателей июль несчастный месяц. Смерть своим неумолимым красным карандашом зачеркнула в июле шестерых русских поэтов *** и одного Памву Берынду. У нас в России вследствие сильных июльских жаров, князь Мещерский пишет записки, читаемые на провинциальных сценах Андреевым-Бурлаком. За Июлем следует осень».

Три пародии на мелкую журналистику, указанные под № 9, создались Михаилом Павловичем Чеховым благодаря тому, что в начале 1880-х годов внимание всей семьи Чеховых было сосредоточено на юмористических журналах, так как в них сотрудничали, кроме Антона Павловича, также Александр Павлович под псевдонимом «Агафопод Единицын» и художник Николай Павлович. Младший брат Михаил Павлович оказывал им посильные услуги, то подбирая материал вроде вышеприведенного, то обходя редакции для получения гонораров.

Вероятно, подобных пародий было больше. Пародийный стиль был вообще в духе чеховской семьи. Много позже, в 1890-х годах, уже в Мелихове была написана на нескольких языках пародия на письмо экипажа гибнущего судна и в закупоренной бутылке брошена в Мелиховский пруд. Выловленная оттуда, она сохранилась в семейном архиве и в настоящее время также присоединена к нашему собранию.

Из остальных материалов наибольший интерес представляют письма родителей. Оба проявляются в них со всеми свойственными каждому из них чертами, о которых известно по биографическим очеркам о Чехове.

Отец — властный, строгий, честолюбивый, не лишенный однако, эстетической потребности. В ранние годы он был любителем пения и создал церковный хор из своих сыновей; в годы мелиховской жизни он наслаждался природой, следил за всеми ее переменами и любил писать о ней. Строгость, о которой особенно много рассказывает в своих воспоминаниях Александр Павлович Чехов, чувствуется в письме 1885 г., где Павел Егорович резко выговаривает сыну за то, что тот, бывши в Москве, не зашел повидаться с отцом.

Честолюбие его чувствуется в описаниях того, как его принимают у соседей помещиков, или как при открытии школы чествуют Антона Павловича и Марию Павловну.

«...Мы вам кажется писали, какую Антоша школу построил на удивление всему уезду. Посвящение школы было 4 августа в с. Талеже. Сельские старосты подносили попечителю хлеб-соль на блюдах и говорили дрожащими голосами речи удивительно просто и сердечно. Они говорили: «Потомство наше вечно будет вас благодарить и благословлять». При этом были приглашены гости из Серпухова. Маше Черевин привез букет цветов и поднес ей как хозяйке и распорядительнице школы...» (Из письма от 18 сентября 1896 г.)

---

* Портрет Кавеньяка упоминается в связи с событиями, происходившими в предыдущем месяце — «июньские дни» 1848 г. в Париже.

** Ошибочно дано М. П. Чеховым вместо — «15».

*** А. П. Чехов ошибочно называет поэтами и Н. И. Новикова и историка В. Н. Татищева.

Иногда Павел Егорович шутит в свойственной всей семье манере: «Ваш папаша-старикаша», «письмо от вашего благоутробия», но чаще ему свойственен тон некоторой высокопарности.

«...Искренне приятное письмо мы от Вас получили, — пишет он только что женившемуся сыну. — Сердечно рады, что вы чувствуете себя счастливыми и относитесь к нам своею любовью горячо, дай бог чтобы эта любовь не оскудела в Вас никогда. Глубоко тронуты Вашим письмом. В нем все чувства от души любящих сердец. Нам на старости лет большое утешение такое письмо...» (Из письма от 5 февраля 1896).

Мать, Евгения Яковлевна Чехова, напротив выступает трогательно скромной и нежной, заботливо беспокоящейся о всех своих детях и об адресате и его жене и детях, и о Марии Павловне, которой приходится так много ездить из Мелихова в Москву, и, конечно, об Антоне Павловиче, и об Иване Павловиче и его семье. Она совсем не может быть в одиночестве. Она тоскует без частых встреч с детьми, даже живя в Мелихове вместе с мужем, а после его смерти имение делается ей невыносимым. «Меня тоска одолела, не могу в Мелихове жить», — пишет она в ноябре 1898 г., когда Мария Павловна уехала ненадолго к Антону Павловичу в Ялту, где он проводил в первый раз зиму по требованию докторов. Предполагая такое настроение у матери, Антон Павлович усиленно звал ее в Крым, обещая встретить в Севастополе.

В одном только отношении письма родителей сходятся, это во внимании к Антону Павловичу, в ощущении его центром сложившейся жизни. Поэтому почти нет письма, где бы не было упоминания о нем. Особенно выразительно эта привязанность проявляется в письме Павла Егоровича в конце 1890 г., когда ожидали Антона Павловича после его поездки на Сахалин и длинного морского путешествия вокруг Азии.

«...Милые мамаша и Миша! Извещаю Вас, что Антоша приехал в Одессу 1 декабря, Суворин прислал телеграмму Маше из Петербурга, что после трех дней карантина он приедет в Москву 8 числа т. е. в субботу.

Вследствие чего прошу Вас приехать в Москву чтобы встретить его...

У нас слава богу благополучно. Гости днюют и ночуют. В доме все чисто и убрано. С трепетным духом ожидаем дорогого гостя. Приезжайте непременно к Субботе. Телеграммы не будет...»

Приводим остальные, более значительные выдержки из писем родителей с упоминаниями об Антоне Павловиче.

«...Антоша приехал из-за границы, пишет теперь в отделанном доме, при горящем камине. Посетителей теперь никого нет, дорога скверная... У нас открылась школа, учатся читать грамоте домашняя прислуга Анютка и Машутка. Преподают им педагоги Маша и Антоша...» (Пав. Ег. Чехов, 8 ноября 1894).

«... Теперь уже наступила осень, время самое скучное, вечера долгие, ночь темная, дни маленькие, пасмурные, небо сереньκое. — Мы будем с мамашей одни сидеть как затворники в доме, спасаться, а потом о пустяках спорить до изнеможения, и так мы остаемся каждый при своем мнении целый день...»

«Антоша теперь пишет, переехал в Ниццу. Здоровье поправляется его, я ему посылаю газету «Мировые отголоски». Флигель переделывается...» (Пав. Ег., 30 ноября 1897).

«...Маша получила от Антоши письмо из Ниццы... Я ему посылаю газету каждую почту «Мировые отголоски»... Машутка, когда возвратится к нам, будет у нас занимать должность белой кухарки по 7 р. в м[есяц] жалованья. Так Антоша ей сказал...» (Пав. Ег., 6 октября 1897).

«... Антоша пишет, что здоровье хорошо, прислал мне две колоды карт и бумажку для иголок. Из писем видно, что ему хочется домой. Флигель готов, да погода не хороша...» (Евг. Як., 3 ноября 1897).

«... Мамаша получила от Антоши письмо, в кот. он пишет, что скучает, и он не знает, когда будет тот день, когда сядет в вагон приехать к нам. Мне он пишет, что здоров, чего и нам желает; но в сущности, бог его знает, насколько его здоровье поправилось; если у него кашля нет, то нечего опасаться; но приехать сюда в холодную температуру нужно себя поставить в опасное положение, флигель любимое его летнее помещение, уединение и тишина ему нравятся, но сравнить с зимою, выходит дело неподходящее, во 1-ых из + 15 выйти на мороз — 20, и дойти до нашего дома надо кутаться от холода, дышать и глотать, что бог послал... Теперь флигель отделан хорошо, тепло, обои новые, Маша устроила комфорт, но целый же день в нем не просидишь. Теперь отделана и его бывшая спальня хорошо, у нас в доме. Что за комнатка миленькая, светлые обои, вот я от души желал бы ему с нами перезимовать,

тут он и мы все под одной крышей, а летом перекочевать в свою резиденцию... Все сделано хорошо и уютно, дай бог пожить в добром здоровьи...» (Пав. Ег., 5 июля 1897).

«... От Антоши я получил письмо, в котором пишет, что скоро приедет домой. Во всяком случае будет уж на Пасху дома — он пишет...

...Весна будет в этом году ранняя, снег растает, реки пройдут, прилетят грачи, и потом скворцы, вслед за ними приедет и Антоша... Во всяком случае Антоша будет следить за погодою, сразу он не бросится в Мелихово, хотя очень скучает за ним и за нами*. Ведь легко сказать 7 месяцев прожить на чужой стороне. Дай бог, чтоб он не имел надобности больше ездить туда...» (Пав. Ег., 25 февраля 1898).

«...Антоша хотел приехать к 10-му апреля, а в сущности ему нельзя ехать на холодную погоду, по ночам бывают морозы — — 10° R. Потерпим, бог даст дождемся весны и лета... Антоша прислал письмо предпоследнее, пишет, что укладывается и выезжает в Париж 8-го в среду, сделает покупки для себя и для нас, и повидается с Антокольским, на счет памятника Петру В. в Таганроге. Из Варшавы будет телеграфировать нам и Ване в Москву...» (Пав. Ег., 8 апреля 1898).

«...Я не писала потому, что ждали Антошу. Он приехал 5 вечером и очень похудел, кланяется вам, спросил меня, сколько времени вашей дочке. Я сказала три [месяца], это было 6-го. Он удивился что так скоро прошло время. Привез мне зонтик...» (Евг. Як., 8 мая 1898).

«...Антоша уже уехал 9 ч[исла] в Москву и оттуда в Крым...» (Пав. Ег., 11 ноября 1898).

«...Простите, что долго не писала, ждала Антошу, не знала, где он, получили телеграмму, сегодня 15-го вечером приедет, ждем. У нас холодно в комнатах, топим каждый день все печи и никак не нагреем...

Простите что я так скверно написала, порвите мое письмо...

...Ты напоминаешь, что я каталась в Москву и из Москвы в Ялту. Мне и теперь совестно, от Антоши, что я его так обременила расходами да ничего не поделаешь, так затосковала, что не могла жить. Антоша это видел, и сам мне предложил...

...Что это ты выдумал, какие — это сто тысяч у Антоши, их у него сроду не бывало. Мелихово 23 тысячи, 5 тысяч в банк были должны, получили только 5 тысяч, в Ялте земля 5000 и дом, чужие люди строили, вывели большую цифру, Гурзуф много денег взял. У Маркса мало осталось, он не умеет беречь деньги...» (Евг. Як., 15 февраля 1901).

«...Вам долго не отвечала на ваше письмо, ждала Антошу, он приехал 28 октября. Поехал в Москву на 3 недели, а прожил больше месяца. В Москве он поздоровел, а как приехал в Ялту, так опять стал кашлять. Должно быть ему не придется в Ялте жить. Антоша обещал мне громадное удовольствие, после Рождества поеду в Москву, а из Москвы к вам в Питер». (Евг. Як., 5 ноября 1901).

Письма Александра Павловича не имеют такого количества упоминаний об Антоне Павловиче.

Только в письме 1898 г. на вопрос Михаила Павловича о деле Дрейфуса он пишет:

«...Насчет Дрейфуса и Золя оставлю тебя в неведении, ибо общество об этом ничего не думает. Думало, да перестало. У него своих мнений нет. Это стадо. Лучшие же люди думают так: «В деле Золя «Новое Время» вело себя гнусно» [следует большая цитата из письма Антона Павловича Чехова Александру Павловичу от 28 февраля 1898 (см. «Письма», т. V, стр. 187)]. Это мне пишет Антон из Ниццы и я с ним вполне согласен...» (Ал-др Павл., 4 марта 1898).

Письма Александра Павловича не дают новых сведений и о нем самом, по сравнению с опубликованными. Два наиболее ранних письма написаны на латинском языке, которым он любил щеголять. Два письма посвящены разбору и критике рассказов Михаила Павловича. В большинстве же писем он говорит о семейных делах своих и Михаила Павловича. Наибольший интерес представляет письмо от 27 марта 1898 г. с воспоминаниями о детстве:

«Прекрасно помню все, что касалось нашего детства. Помню смутно даже оплеухи, которые я тебе закатывал по праву старшего брата. Как я ценил тогда это глупое право! Ты впрочем был совершенно не виноват в получении этих оплеух. Ты, бедняга, их только получал, хотя по регламентации нашей семьи в них и не расписывался. Получал их также и Алеша*, о котором

* Особенности южнорусского говора: «Скучать *за* кем-нибудь».

* Ал. Долженко, двоюродный брат Чеховых.

ты пишешь и вспоминаешь так тепло. Но, ей богу, я угрызений не чувствую; совесть молчит. Когда-то в детстве я хлопнул Антона жестянкой по голове. От этого удара у него даже шишки не было, но он до сих пор гложет мою совесть, как сознание высшей несправедливости, а оплеуха и подзатыльники тебе — хоть бы что... объяснение очень просто и коренится, как ты справедливо заметил в домостройном характере нашей семьи. Что это была за дьявольщина. Это было сплошное татарское иго без просвета, с торговой депутацией и стремлением к медалям во главе. Медаль! Какую она роль играла в нашей семье! Мозга не было, а честолюбие было громадное. Из-за медали и детство наше погибло; из-за нее и бесцветная Куричья Коса стала в воспоминаниях отрадой. С давящей тоской я оглядываюсь на свое детство. Потому то мне так и отрадна твоя идеализация.

«Как теперь ясно и отчетливо помню, как после пения во дворце (на страстной — «Черт-о-ог твой, ви-жду Спасе») отец вошел в алтарь и просил о. Николая Луценко исходатайствовать ему медаль за пение. О. Николай — затычка заштатная и слепое, беззащитное оружие в руках кафедрального Покровского — был страшно смущен этой просьбой. Я, тогда гимназист 6-го класса, не знал, куда деваться от стыда и негодования, и выразил свое негодование тем, что на лестнице дал здорового тумака Антону в бок и тебя безобразно съездил по морде и при этом съездил подло, предательски, сзади. У вас обоих вероятно тогда так «чертоги» запрыгали в глазах, что чертям тошно. Но согласись сам, чем же я мог иначе выразить свой протест против унизительной просьбы о медали.

«Впрочем в тот же день я получил достаточное возмездие: Скизерли пожаловался Палогорчу * на Гаврюшку за ядение миндальных орехов, но так как в этот момент виновный в миндальном прегрешении Гаврюшка был в погребе и отпускал кому-то полкварты сантуринского с мухами, то две здоровенные черепошумительные затрещины получил за него я, как ближе всех стоявший субъект. Глубокообиженный я ушел в сарайчик, где в это время Фиалка кормила щенков, и прикладывал к ее горячему вымени то одну, то другую пылавшую щеку, а слезы так и катились градом одна за другой, а щенки их всасывали и воротили мордочки. Где теперь эти щенки, где эти милые мордочки с слепыми глазками, с розовыми носиками? Разумеется они уже передохли, даже в сотом поколении, но любовь к животным у меня осталась с тех пор и до сих пор. Осталось и воспоминание о только что упомянутых мордобитиях. Сознаешь, что это глупо, а из памяти выкинуть не можешь. ...Помню я прекрасно и курганы, и унылый звон кладбищенского колокола. Люблю я и до сих пор элегию нашего кладбища. Но поэзия его значительно сократилась с тех пор, как я схоронил на нем свою первую дочь...» (27 марта 1898).

Мрачные, сгущенные краски этих воспоминаний совпадают с опубликованными воспоминаниями Александра Павловича, но опротестовались другими членами семьи, в частности самим Михаилом Павловичем, в его вступительных статьях к собранию писем Антона Павловича, изданных под редакцией Марии Павловны Чеховой, и позднее в отдельных выпусках его воспоминаний. Это расхождение в оценке обстановки детства отражается и в данных письмах. В начале приведенного письма Александр Павлович говорит:

«...Куричья Коса, бароны, Сиротины, дришпаки и все прочее идеализированы тобою так мило и тепло, что я, уже старый человек, удивляюсь, как до сих пор из тебя не выдохлась способность такой чистой, детски наивной идеализации. Это лучшее украшение души, лучшая характеристика человека, но во мне уже нет ее. Это я подчеркиваю для того, чтобы дать тебе в руки прямой критерий к тому, что ты прочтешь ниже...»

Возможно, что Александр Павлович, как старший, острее чувствовал тяжесть семейной обстановки, которая к моменту сознательной жизни Михаила Павловича, может быть, уже смягчилась. Несомненно, что и Антон Павлович вынес невеселые воспоминания о ранних годах, о чем несколько раз говорит в своих письмах. Но та внутренняя работа, которую он вел над самим собою, воспитывая в себе «человека», то перерождение, которое совершалось в нем и о котором он вспоминал в своем письме к Суворину, обычно цитируемом всеми биографами («Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек...» и т. д. Письмо от 7 января 1889), не могли не отражаться на духе семьи, в которой он приобретал главное положение, оттесняя мягко, но неуклонно авторитет отца. Воспоминания посторонних

* Сокращение из «Павлу Егоровичу».

лиц о чеховской семье в Москве, в Мелихове, не говоря уже о Ялте, совсем непохожи на рассказы Александра Павловича. Вероятно, правы обе стороны, так как они говорят о семье в разные периоды. Но Александр Павлович, рано оторвавшийся от нее, сохранил свежо свои первоначальные впечатления, и, пожалуй, сам меньше других подвергался культурному влиянию брата, оставшегося в памяти людей, соприкасавшихся с ним, образцом деликатности, мягкости и необычайного человеческого такта.

Е. Коншина.

Настоящий сборник был уже в верстке, когда Отделу рукописей удалось приобрести еще одно неопубликованное письмо А. П. Чехова.

Вследствие этого помещаем его в конце книги, нарушая установленный нами порядок.

БОБОРЫКИНУ Н. М.

20 сентябрь [1892 г.]
Ст. Лопасня Моск. Курск. д.

Многоуважаемый Николай Михайлович, я приходил к Вам в последний раз за тем, чтобы взять обратно свою повесть [1], в полной надежде, что Вы поймете меня и не откажете, но говорить откровенно и подробно я постеснялся, так как в редакции [2] были посторонние. Сюжет же для разговора немножко щекотливый, да и скучный для людей незаинтересованных.

Дело в том, что, вручая кн. Цертелеву [3] и г. Морозову [4] рукопись, я взял авансом 500 р., с непременным условием — возвратить эти деньги г. Морозову, если оба они, т. е. князь и г. Морозов, выйдут из состава редакции. С меня взята была расписка. Оба они уже не принимают никакого участия в «Р. Обозрении», значит, я должен возвратить взятые деньги. Вскоре после ухода их я получил письмо, в котором между прочим напоминалось мне, что 500 р. я должен уплатить никому другому, как только г. Морозову, да и сам я знаю без напоминания так как обязательства свои хорошо помню. Штрафовать Вас на 500 р., чтобы уплатить долг, я положительно не хочу, так как при спешном выпуске целого ряда книжек у Вас и без меня расходов достаточно. Я отдам свои и не позже, как в текущем сентябре. Откладывать нельзя, иначе я не соблюду условия. Это раз. Во вторых, повестью своей, как я уже докладывал Вам нелицеприятно, я недоволен и имею серьезное намерение продержать ее у себя еще год.

Убедительно прошу Вас, Николай Михайлович, не сердиться и войти в мое положение. Если я на сих днях отошлю г. Морозову 500 р., а повесть запру в стол до лета, то этим я сниму со своих плеч большую тяжесть. Верьте, что с моею повестью журнал Ваш не теряет ровно ничего и что Ваше вполне доброжелательное отношение к сему моему посланию прочнее прикрепит меня к журналу. Извиняюсь за хлопоты и прошу верить в искреннее уважение.

Ваш *А. Чехов.*

[На верхнем поле приписка красным карандашом рукою неустановленного лица:]
500 р. получил 20 мая 92.

А. Чехов.

Боборыкин Николай Михайлович — нотариус, в 1890—1892 гг. был издателем журнала «Русское Обозрение», основателем и редактором которого был кн. Д. Н. Цертелев, а фактическим владельцем, дававшим средства на издание,— Д. И. Морозов, один из владельцев морозовских фабрик в Орехове-Зуеве.

Адресат письма установлен сотрудницей Отдела рукописей Л. А. Назаревской, по сопоставлению с письмами А. П. Чехова 1892 г. (см. Письма, т. IV, стр. 67—70, 74, 142).

---

[1] «Палата № 6». Повесть была напечатана в ноябрьской книжке «Русской Мысли» 1892 г. В «Русское Обозрение» Чехов больше не давал своих произведений.

[2] Редакция журнала «Русское Обозрение» (1890—1898).

[3] Цертелев Дмитрий Николаевич, кн. (1852—1911), писатель по вопросам философии, поэт, основатель и редактор «Русского Обозрения» в 1890—1892 гг.

[4] Морозов Давид Иванович, основатель журнала «Русское Обозрение», см. выше.

Е. Коншина.

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ

Сентябрь — декабрь 1939 г.

119.* Документы XVII и начала XVIII в. 6 столбцов и 6 лл. В числе их две челобитные Ивашки Жолобова 1667 г. и Алексея Семеновича Шейна 1691 г.; платежные квитанции поместья Василия Савина Жемойлова, с. Лыкова, Коломенского уезда, Микулинского стана, 1673—1704 гг.; рапорты о подушных сборах 1738 г.

121. Три сборника нот на греческом, славянском и русском яз. в переплетах XVIII в.

128. «Изложение Веры» в списке конца XVIII в. в изящном кожаном переплете с тиснениями. Из библиотеки военного историка С. Бутурлина.

119. Книга Козьмодемьянской церкви в Китай-городе в Москве для записи расходов. В ней записи 1812 г. об убытках, причиненных церкви в связи с пожаром Москвы и о взносах прихожан на исправление храма.

117. Рукописные копии и печатные материалы, относящиеся к началу XIX в., из собрания мемуариста адмирала Бутенева: 1) изображение военных действий 1-й армии в 1812 г. Барклая-де-Толли; 2) замечания о войне 1812 г. начальника штаба 1-й армии А. П. Ермолова; 3) собрание исторических записок; 4) о древней и новой России Н. М. Карамзина; 5) о кончине Александра I и последующих событиях.

117. Разные бумаги и дворцовые записки Ивана Петровича Бутенева 1830—1840 гг.

128. Альбом с записями лица, путешествовавшего по Англии от Эдинбурга до Лондона в 1826 и 1827 гг., на русском и французском языках. Альбом сохранился не полностью.

112. Альбом первой половины XIX в. кн. Анны Голицыной. Содержит списки стихотворений на разных языках и рисунки. В сафьяновом переплете с золотым обрезом и серебряными застежками.

119. Альбом середины XIX в. с записями и рисунками. На бархатном переплете вытиснутые золотом буквы «А. В.».

131. Портрет (масло) Елизаветы Петровны Шепелевой, бабушки писателя А. В. Сухово-Кобылина, Е. В. Салиас и худож. С. В. Сухово-Кобылиной. Фотопортрет С. В. Сухово-Кобылиной.

113. Драма В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин» 1831 г. Экземпляр, представленный им в цензуру, с пометками о задержании рукописи.

Драма Лажечникова «Опричники».

125. «Выводная», данная М. И. Тишининовой в ноябре 1836 г. крепостной крестьянке в замужество за крестьянина Зарайского уезда сельца Карцова.

119. Судебное дело 1845 г. Григ. Петр. Кошевского о взыскании убытков за задержание дворовых людей, купленных им у Николая Федорова Скибинского в Ялуторовском округе Тобольской губернии.

108. Записная книжка Ф. Дружинина, веденная им в Москве в 1866—1868 гг. В ней списки стихотворений и рассуждения владельца книжки.

123. Письмо проф. Юркевича к А. И. Кошелеву по поводу полемики с «Современником». Два письма к Л. М. Лопатину Н. Я. Грота и В. Фукса. Письмо С. Пинуса об артистах Рейзенауере и Сарасате.

118. Портрет (масло) И. С. Тургенева раб. Казанского 1880 г.

128. Три тетради, содержащие произведения архит. Влад. Алексеева, озаглавленные: «Московские архитектурные заметки 1787—1887 гг.» и «Архитектурные заметки

---

* Номера даны по книге поступлений 1939 г.

о бывшем в Москве Кремлевском училище 1827—1843 и 1867 гг.».

105. Письмо П. И. Чайковского к А. Л. Мекк от 10 мая 1882 г.

107. Кураторская запись 1883 г. А. П. Чехова-студента. Копия с подлинника, хранящегося в Клинической больнице 1-го Моск. Мед. Ин-та.

119. Доклад о нуждах западнорусского края, поданный после 1884 г. и, судя по содержанию, представленный Виленским, Гродненским и Ковенским генерал-губернатором.

118. Рукописи Т. Г. Мачтета: стихотворения, драматические и прозаические произведения, критические статьи.

РУКОПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

104. Две рукописных книги на арабском языке: Коран и сборник разных произведений.

106. Рукописная книга XVII в. на арабском языке, в хорошем оформлении. Содержит последний том Шариата, посвященный торговому законодательству.

Рукописная книга на арабском языке, не полная. Содержит «Предания о пророке» и служит дополнением к Корану.

Рукописная книга на персидском языке со статьями религиозного содержания.

Рукописная книга на персидском языке. Писана в XVII в. и содержит произведения поэтов XIV в.: «Вашик и Азрэ» Сельмана Саведжи, «Джемшад и Хашид» и «Фирак-Намэ».

114. Рукопись на персидском языке. Писана в начале XIX в. Содержит поэму о Иосифе и Золейхе.

Рукопись на персидском языке. Писана в начале XIX в. Содержит поэму Тухфатульархар, поэта XV в. Джали, из серии его поэм, известной под названием Хафт-Суранг.

Литографированное издание 1910 г. стихотворений Навои.

126. «Коран» на арабском языке с подстрочниками, переведенными на персидский язык. На рукописи печать владельца книги 1891 г. Мулла Ядгар. Рукопись не полная.

116. Рукопись на китайском языке, планы и картины.

124. Альбом китайских акварелей на мифологические и бытовые темы — всего 26 акварелей.

130. Пять рукописей на корейском языке.

110. Четыре тома ботанического атласа, содержащие 600 тонко исполненных акварелью рисунков растений. Атлас итальянского происхождения, относится к XVIII в. Книги в роскошных кожаных переплетах XVIII в.

135. Партитура к опере «Crespuna e Comare», текст на итальянском языке. В тексте имеются карандашные пометы. Текст не полный.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И СБОРНИКИ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Редактор *Н. Л. Мещеряков.*

Тираж 3000. Подп. к печати 28,II 1941 г. А—33172. Объем $7^{1}/_{4}$ печ. л. + 4 вклейки. Авт. л. 12, 11. 54000 тип. зн. в 1 печ. л. Цена 6 руб. Заказ № 685.

Отпечатано с матриц в типографии Лениздата № 1 им. Володарского, Фонтанка, 57.

Цена 6 руб.

2